This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

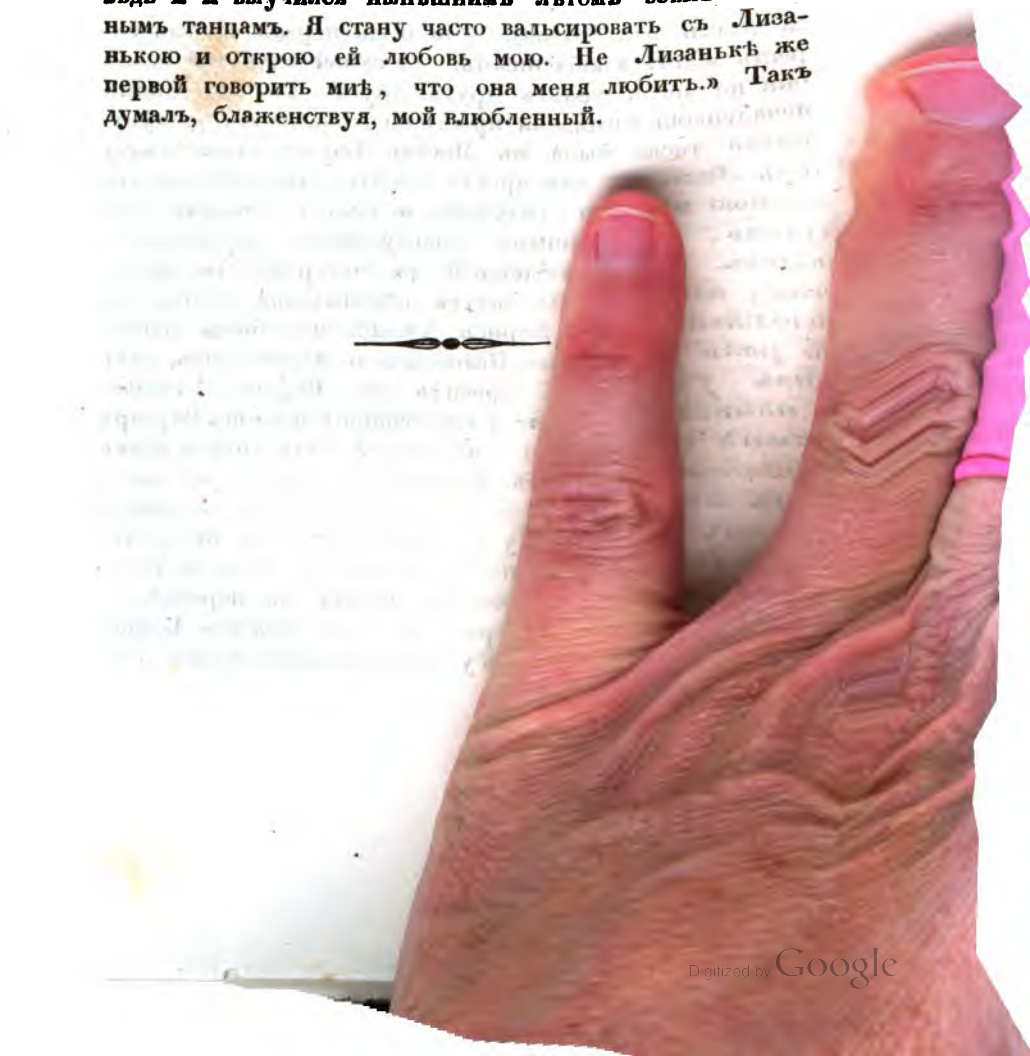
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

PG 3337 K7T5

Digitized by Google

довательно Борисъ Алексѣевичъ живъ и здоровъ и помнитъ меня, когда просилъ папеньку написать намъ поклонъ.» Наконецъ настала осень, и чѣмъ дождливѣе, грязнѣй становилась она, тѣмъ было пріятнѣе время для Бориса Алексѣевича. И вотъ, когда грязь и лужи уже господствовали на улицахъ Московскихъ во всей красѣ своей, и Борисъ Алексѣевичъ восхищался смотря на нихъ, семейство Платона Ивановича возвратилось въ Москву. Эту радостную вѣсть сообщилъ ему самъ Платонъ Ивановичъ, сказавъ при выходѣ изъ Присутствія:» Варвара Семеновна съ Лизанькою пріѣхали вчера вечеромъ.» Незнаю, какъ устоялъ на ногахъ мой Борисъ Алексѣевичъ, услыша эту вѣсть. Сладостныя мечты, такъ и заиграли въ его воображеніи, а душа наполнилась успокоительнымъ чувствомъ, полнымъ блаженства.» У нихъ опять начнутся вечера; я буду танцовать съ Лизанькою, для этого вѣдь я и выучился нынѣшнимъ лѣтомъ всѣмъ бальнымъ танцамъ. Я стану часто вальсировать съ Лизанькою и открою ей любовь мою. Не Лизанькѣ же первой говорить мнѣ, что она меня любитъ.» Такъ думалъ, блаженствуя, мой влюбленный.



Digitized by Google

ТЕАТРЪ.

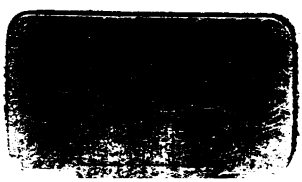
СОЧИНЕНІЕ

Ивана Крылова

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

66

Krylov, I. A.

ТЕАТРЪ,

=

СОЧИНЕНІЕ

Ивана Крылова

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1833.

Digitized by Google

PG3337
K7T5

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Москва. Декабря 4-го дня, 1853 года.

Цензоръ М. Похвисневъ

Digitized by Google

ТЮФЯКЪ.

I.

ГЛАВА I.

Борисъ Алексѣевичъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати четырехъ, уроженецъ одного Губернскаго города, добрался, кой-какъ, при извощичьемъ обозѣ, до Москвы, чтобы опредѣлиться въ ней на службу, въ какое-нибудь Присутственное мѣсто. Онъ остался круглымъ сиротою лѣтъ осьми. Отецъ его, вдовѣвшій года два, былъ природнымъ дворяниномъ, занималъ въ томъ городѣ видное мѣсто по Гражданской службѣ, и хотя не имѣлъ не только помѣстья, но и никакого недвижимаго имѣнія; однако же шла слава, что у него хорошій наличный капиталъ, по той причинѣ, что отецъ Бориса Алексѣевича жилъ отлично. Когда Борисъ Алексѣевичъ окончилъ курсъ ученія въ Харьковскомъ Университетѣ, то поѣхалъ въ свой родимый городъ и засталъ тамъ опекуна своего на смертномъ одрѣ. Не получа никакого наслѣдства послѣ родителей, Борисъ Алексѣевичъ привезъ съ собою въ древнюю Столицу все свое состояніе, заключавшееся въ собственной особѣ, поношеномъ платьѣ, въ двухъ парахъ, такой же синей шинели и полуимперіалѣ, ходившимъ съ промѣномъ слишкомъ двадцать рублей, потому, что Борисъ Алексѣевичъ прибавилъ собою единицу къ цифрамъ постоянныхъ жителей Москвы лѣтъ за тридцать до этого счастливаго времени, когда я имѣю честь разсказывать вамъ эту повѣсть.—Не только родныхъ, даже и знакомыхъ не было у Бориса Алексѣевича въ

Digitized by Google

Москвѣ: отправился онъ въ нее на Божію волю, единственно потому, что зналъ по слухамъ и изъ книгъ, что въ ней можно скорѣе выслужиться, да и жить несравненно лучше, чѣмъ въ Губернскомъ городѣ тогдашняго времяни. Надобно мнѣ описать вамъ наружность Бориса Алексѣевича, но ограничусь немногими словами: онъ былъ довольно хорошъ изъ себя, съ темнорусыми густыми волосами и съ черными, выразительными, добрыми глазами; стройно держалъ себя, такъ, что средній ростъ его, при ровномъ сильномъ тѣлосложеніи, былъ самымъ соотвѣтственнымъ лицу его. Борисъ Алексѣевичъ въѣхалъ въ Москву осеннимъ вечеромъ и потому остановился переночевать первую ночь въ Москвѣ на постояломъ дворѣ одной изъ Ямскихъ ея, гдѣ стали обозы. Онъ помѣстился въ общей обширной комнатѣ съ извощиками, съ которыми нужда заставила его довольно коротко сойтись въ пятисотъ-верстной дорогѣ. Когда вся пріѣзжая честная русская компанія оканчивала пить чай изъ тусклаго самовара, чуть не въ ушатъ; то вдругъ темныя, отъ осенней мрачной ночи, окна комнаты, выходившія на большую Ямскую улицу, озарились съ улицы. Борисъ Алексѣевичъ бросился къ окну вмѣстѣ съ извощиками и увидѣлъ, что улица освѣщена. Тужъ минуту вбѣжала въ комнату, испуганная работница и закричала: «Батюшки свѣты! у сосѣда Кадушки—*пожаръ*!» Извощики поспѣшно надѣвъ тулупы, бросились впрягать лошадей въ телѣги, чтобы успѣть вывесть съ двора обозъ свой. Борисъ Алексѣевичъ также торопливо надѣлъ легкій заячій тулупчикъ и схвативъ свой старый чемоданчикъ, при всеобщей суматохѣ, выбѣжалъ съ постоялаго двора на улицу, освѣщенную сильнымъ пламенемъ, охватившимъ сосѣдній, большой, деревянный, постоялый дворъ.

При сильномъ вѣтрѣ, то и дѣло перемѣнявшемъ направленіе, пламя распространялось исполински. Крики, стукъ вещей, выбрасываемыхъ изъ оконъ сосѣднихъ домовъ, скрыпъ полузапряженныхъ телѣгъ, поспѣшно выводимыхъ извощиками съ постоялыхъ дворовъ, народъ бѣгущій смотрѣть пожаръ, наконецъ

Digitized by Google

примчавшаяся пожарная команда, представляли одну общую тревожную картину, полную страшной сумятицы. Вся Ямская состояла изъ старыхъ деревянныхъ домовъ, и пламя, не смотря на усилія пожарной команды остановить его, быстро обхватывало дома на обѣ стороны отъ дома, гдѣ произошелъ пожаръ.

Объятый пламенемъ постоялый дворъ, гдѣ остановился было переночевать Борисъ Алексѣевичъ, горѣлъ, какъ костеръ. Нашъ молодой человѣкъ, встрѣтивши на первомъ шагѣ въ чуждую, незнакомую ему Москву, такой печальный случай, напомнившій ему всеистребляющіе пожары его роднаго города,—ходилъ съ грустію взадъ и впередъ, близъ горѣвшихъ домовъ по Ямской улицѣ и думалъ, гдѣ бы ему пріютиться переночевать. Вдругъ нѣсколько женщинъ выскочило на улицу изъ загорѣвшагося постоялаго двора и одна изъ нихъ, ломая съ отчаніемъ руки, закричала: «А больную-то нищенку Аксиньюшку, мы и забыли, бабы, въ кухнѣ за печкой! Сама встать несможетъ: сгорить полоумная старуха. О Господи, Мати Пресвятая Богородица! надо бъ вытащить ее, да теперь поздно.»

Борисъ Алексѣевичъ, остановившійся подлѣ кучки этихъ женщинъ, услыша слова женщины, живо представилъ себѣ свою покойную няню старушку Аксинью, которая такъ любила его. Ему стало жаль больной нищенки Аксиньи.—Домъ горѣлъ еще только въ верхнемъ этажѣ; нашъ молодой человѣкъ поспѣшно распросилъ у женщинъ, гдѣ кухня, бросилъ имъ свой чемоданъ, быстро снялъ съ себя тулупчикъ и въ старомъ сюртукѣ бросился въ домъ. Уже и въ нижнемъ этажѣ, гдѣ была кухня, пробивалъ дымъ; Борисъ Алексѣевичъ пробрался въ кухню и сталъ кричать—звать Аксинью.

Она подала изъ за печи болѣзненный голосъ, или лучше сказать,—стонъ. Смѣльчакъ бросился за печку и нагнувшись къ охавшей старухѣ, закричалъ: «Хватайся скорѣй за меня: я тебя вынесу, а то сгоришь.«

«— Свѣтики, не пойду, не пойду отселева,» простонала старуха.

Digitized by Google

— «Что ты глупая! хватайся скорѣй за меня, домъ ужъ горитъ.»

— «Свѣтики, свѣтики, горимъ, погораемъ,» завизжала съ стономъ старуха, и, какъ будто, всю ее потрясло электричествомъ: она приподнялась въ узкомъ, довольно длинномъ запечьѣ своемъ и схватилась не за Бориса Алексѣевича, а за старый, избитый тюфячишка свой, на которомъ лежала, и за старый сундучекъ. Борисъ Алексѣевичъ обхватилъ поперегъ полунагую, костлявую старуху и насильно хотѣлъ тащить ее изъ за печьки; но онъ не въ силахъ былъ этого сдѣлать, потому что она одной рукой впилась въ тюфякъ, а другой обхватила сундучишка.

— «Брось все, а то и я сгорю съ тобою!» вскричалъ Борисъ Алексѣевичъ, задыхаясь отъ дыма и слыша, что въ кухнѣ треснули отъ огня стеклы и гремя попадали на приконники и на полъ.

— «Свѣтики, погорятъ мои послѣднія крохи, свѣтики горимъ, погараемъ свѣтики,» судорожно пищала старуха. Борисъ Алексѣевичъ увидѣвъ, что надо съ полоумною употребить силу, насильно отнялъ руку ея отъ сундучишка, но за-то ни-какъ не могъ оторвать отъ тюфяка, и какъ думать много было некогда, то Борисъ Алексѣевичъ повалилъ кричавшую старуху на тюфякъ, обернулъ имъ ее и, едва не задохнувшись отъ дыму, поспѣшно вынесъ ее, изъ полуобъятой пламенемъ кухни — въ загорающіяся сѣни, и благополучно выбрался изъ нихъ на улицу. Инстинктно, при одобрительныхъ крикахъ народа: «молодецъ!» — онъ отнесъ ношу свою на другую сторону улицы и опустилъ на тротуаръ. Тужъ минуту тюфякъ развернулся и нищая, больная старуха, не приподымаясь, распростерлась на тюфякѣ своемъ. Ухватя костлявою рукою за ногу Бориса Алексѣевича, она ни единымъ словомъ не поблагодарила его за спасеніе ей жизни; а только простонала ему: «Свѣтики, все имѣньишко мое погорѣло, сгорѣлъ мой сундучишко. Куда я дѣнусь, нищенкая. Бу, бу, бу, — тутo холодно. Свѣтикъ мой, не пущу тебя: на свою фатеру стащи меня: я нищенка, вся погорѣла. Подайте Христа ради! боль-

Digitized by Google

ной, погорѣлой! послѣдній сундучишка сгорѣлъ,» хныкала она къ народу. Собравшіеся около спасенной нищей, стали бросать ей на тюфякъ мѣдныя деньги. Между тѣмъ Борисъ Алексѣевичъ отвѣчалъ старухѣ, что онъ самъ только что пріѣхалъ въ Москву и остановился на постояломъ дворѣ, который сгорѣлъ. Говоря это, онъ сталъ разсматривать нищую. Она была небольшаго роста, изсохшая старуха, лѣтъ подъ девяносто. Свѣтлобронзовая, изчерна, кожа лица ея, присохшая къ выдавшимся мускуламъ, при красноватомъ освѣщеніи отъ пожара, казалась совершенно темнобронзовою. Изъ подъ простой, какой-то, грязной тряпки, которою была повязана голова, выбивались сѣдые клочки волосъ, сваленные, какъ пакля. Глубоко ввалившіеся глаза старухи были устремлены только на бросаемыя ей деньги. Заладивъ одно: «подайте Христа ради погорѣлой, больной нищенкѣ,» она, лихорадочно приподымаясь, жадно хватала каждую копѣйку и прятала подъ себя. Какъ не порывался Борисъ Алексѣевичъ уйти отъ нищей, но она не выпускала его ногу. — Нѣсколько минутъ подавали ей милостыню, и когда подача прекратилась грошемъ какаго-то мужика лавочника, нищая запищала Борису Алексѣевичу:

— «Свѣтикъ ты желанный, стащи меня, погорѣлую, къ Бурачихѣ: пріютитъ она насъ съ тобой, погорѣлыхъ.»

— «А далеко ли живетъ она отсюда?» спросилъ Борисъ Алексѣевичъ нищую.

— «Всего, свѣтикъ желанный, два переулочка.»

— «Пойдемъ!» сказалъ Борисъ Алексѣевичъ, обрадовавшись, что можетъ гдѣ нибудь переночевать. Распрося старуху въ которую сторону нести ее, онъ хотѣлъ поднять ее съ тюфяка: но нищая опять уцѣпилась за тюфякъ, пища, что все имѣнье у ней погорѣло, осталась только одна эта постилка. Напрасно Борисъ Алексѣевичъ говорилъ нищей, что принесетъ тюфякъ послѣ, полоумная старуха не разставалась съ этимъ послѣднимъ имѣньишкомъ своимъ.

Digitized by Google

— «Она знаемо полоумная,» говорили знавшіе ее изъ окружающихъ, «ишъ за дрянь уцѣпилась; сгорѣлъ бы, такъ туда ему и дорога.»

«Погоди, я помогу тебѣ молодецъ: шутъ съ нею, стащимъ ее къ Бурачихѣ и съ дермомъ этимъ» сказалъ молодой ямщикъ. Борисъ Алексѣевичъ съ радостію принялъ предложеніе его и они понесли больную старуху на тюфякѣ ея. Очутясь изъ яркаго свѣта въ полуозаренномъ отъ пожара переулкѣ, казавшимся, противъ Ямской, — темнымъ, они по указанію старухи прошли этотъ переулокъ, и потомъ на концѣ другаго переулка приблизились къ деревянному, красивому, дикому домику, о семи окнахъ по улицѣ. У затворенныхъ воротъ его стояли: пожилая, полная, невысокаго роста хозяйка дома, Буракова, русачька, въ темной душегрѣйкѣ; три барышни въ старыхъ салопахъ, съ головками покрытыми большими, теплыми платками; дворникъ и нѣсколько прислуги женскаго пола. Всѣ смотрѣли на небо, облитое, на большомъ пространствѣ,сильнымъ заревомъ, и разговаривали другъ съ другомъ; часто слышались между ними восклицанія: «Все неутихаетъ зарево.—Чего утихать, ишъ ты, становится все больше! Эко Божіе наказаніе! вѣрно вся Ямская начисто выгоритъ.»

Когда наши носильщики приблизились съ старухою къ этимъ разговаривающимъ, то всѣ они, съ любопытствомъ,устремили взоры на подошедшихъ съ ношею.

— «Что это такое тащутъ? Кажись человѣка; ужъ не обгорѣлаго ли, — посмотрите барышни,» сказала Лукерья, кухарка хозяйки.

Но чрезъ мгновеніе послышалось пищаніе старухи:—«Сударіха, Матрена Ипатьевна, пріюти, Христа ради, насъ обгорѣлыхъ, родимая ты моя, сударіха, погорѣлъ у меня нищенки послѣдній сундучишичка.»

— «Ахти! это нищенка Аксиньюшка—полоумная,» вскричала хозяйка.

— «Я сударіха,» пищала Аксиньюшка, — «погорѣла вся, сударіха, послѣдній сундучишечка сгорѣлъ; пріюти насъ, Христа ради, желанная.»

Digitized by Google

— «Обгорѣла ты бѣдная Аксиньюшка?» вскричали барышни.

— «Обгорѣла, сударихи мои, вся обгорѣла.»

— «Что она мелитъ,» сказалъ ямщикъ, принесшій съ Борисомъ Алексѣевичемъ нищую, которую уже опустили они на землю;—«вотъ этотъ молодецъ вытащилъ ее цѣлехоньку изъ самаго полыма, да еще и съ этимъ дермомъ — постилкою.»

Всѣ устремили глаза на Бориса Алексѣевича, въ томъ числѣ и барышни, изъ которыхъ двѣ были дочери хозяйки, а третья дочь чиновника, нанимавшаго у Бураковой домъ на улицу. При свѣтѣ уличнаго фонаря, находящагося у воротъ дома, барышни разсмотрѣли, что молодой человѣкъ, хотя и бѣдно одѣтъ, но хорошъ изъ себя и не изъ низшаго класса. Взамѣнъ и нашъ Борисъ Алексѣевичъ разсмотрѣлъ, что дочьки хозяйки были молоды, и хотя недурны собою, особенно черноглазая меньшая; но однако были немилосердно набѣлены и нарумянены. За-то бѣлокуренькая, съ нѣжнымъ, наивнымъ, милымъ личикомъ, не такъ высокая ростомъ, — дочь чиновника, одѣтая въ старый, клѣтчатый салопъ, съ пунцовыми полосами, поразила вдругъ сердце Бориса Алексѣевича.

Хозяйка заговорила съ Борисомъ Алексѣевичемъ о пожарѣ; спросила нашего молодаго человѣка, кто онъ такой, и узнавши, что онъ только-что пріѣхалъ въ первый разъ въ Москву, и такъ какъ постоялый дворъ, на которомъ онъ остановился, — сгорѣлъ, то и незнаетъ гдѣ переночевать,—пригласила его изъ состраданія ночевать у нея въ домѣ. Конечно въ другое время, она имѣя невѣстъ дочерей и дорожа ихъ репутаціею, не за что не рѣшилась бы на это; но въ такомъ бѣдственномъ случаѣ, можноль христіанкѣ не дать у себя въ домѣ пріюта заѣзжему въ незнакомой городъ человѣку, и притомъ небогатому, какъ надо судить по его одеждѣ.

Барышни не вмѣшивались въ разговоръ Матрены Ипатьевны съ Борисомъ Алексѣевичемъ; но однакожe

Digitized by Google

стояли подлѣ нихъ и внимательно слушали разговоръ этотъ. Чрезъ нѣсколько минутъ Матрена Ипатьевна велѣла дворнику снести съ ямщикомъ нищенку Аксиньюшку въ свою кухню, а Бориса Алексѣевича звала въ покои. Онъ признательно благодарилъ ее за это крайнее одолженіе и прося позволенія воспользоваться имъ, сказалъ, что ему надо прежде сходить на пожаръ за своимъ чемоданомъ и тулупчикомъ, о которыхъ совсѣмъ забылъ онъ, возясь съ нищею.

Когда дворникъ съ ямщикомъ понесли Аксиньюшку въ кухню, то одинъ изъ грошей, поданныхъ ей на пожарѣ, выскочилъ у ней изъ зажатаго на концѣ рукава рубахи, куда она спрятала съ тюфяка деньги. Отчаянно запищала и горько заплакала нищая, прося сыскать полетѣвшій на землю грошъ.

— «А шутъ его сыщетъ теперь въ потьмахъ, полоумная,» отвѣчалъ дворникъ: — «не плачь: я тебѣ отдамъ свой.»

— «Свой грошекъ, подай мнѣ Христа ради, а мой найди свѣтикъ: не разори меня погорѣлую. О охъ, охъ, охъ, сундучишечка мой погорѣлъ со всѣмъ имѣньишкомъ; не разори меня нищенку, свѣтикъ ты мой желанный, сыщи мой грошекъ.»

— «Хорошо, сыщу завтра, какъ буду мести дворъ,» отвѣчалъ дворникъ, втаскивая на тюфякѣ плакавшую по грошѣ, полоумную нищенку. въ кухню хозяйки, жившей въ одно-этажномъ флигельчикѣ, построенномъ назади двора.

ГЛАВА II.

Когда старуху потащили въ кухню, то всѣ три барышни послѣдовали за ней; но надо, для достовѣрности этого сказанія, прибавить: послѣдовали тогда, когда проводили глазами Бориса Алексѣевича, ушедшаго на пожаръ. Оставимъ сердобольныхъ барышенъ и

Digitized by Google

послѣдуемъ за нашимъ молодымъ человѣкомъ, который, невольно представляя въ воображеніи хорошенькую дочь чиновника, приблизился къ пожару и увидѣлъ, что онъ, благодаря затихшему вѣтру и усиленному дѣйствію пожарной команды, прекратилъ распространять пламя свое на другіе дома. Придя на мѣсто, гдѣ оставилъ свои пожитки, Борисъ Алексѣевичъ не нашелъ тамъ ни женщинъ, которымъ онъ бросилъ пожитки свои подъ присмотръ, ни самыхъ пожитковъ. Однакоже распрашивая народъ, онъ наконецъ узналъ, гдѣ находились эти бѣдныя женщины. Какой-то кучеръ вызвался проводить его къ нимъ, и Борисъ Алексѣевичъ скоро нашелъ, въ домѣ одного ближняго переулка, и женщинъ этихъ, и свои скудные пожитки. Нѣкоторыя изъ женщинъ плакали, а другія тотчасъ спросили его, куда дѣвалъ онъ полоумную Аксиньюшку. Разговаривая о ней нѣсколько минутъ съ этими женщинами и съ хозяевами дома—русаками, онъ узналъ, что эта нищая лѣтъ двадцать жила, Христа ради, за печкою въ кухнѣ сгорѣвшаго дома. Что ей Аксиньюшкѣ будетъ лѣтъ девяносто; нѣтъ у ней никого родныхъ и, какъ запомнять ее, она все не въ полномъ разумѣ. Это послѣднее заключеніе объ ней было выведено народомъ изъ того, что хозяева сгорѣвшаго дома, давая ей даромъ уголъ, говорили много разъ ей, чтобъ она не ходила по-міру, что они сами будутъ кормить ее; но Аксиньюшка постоянно каждый день, въ началѣ седьмаго часа утра, уходила со двора, въ любимыхъ отрепьяхъ; цѣлый день сбирала по Москвѣ милостыню, и къ ночи возвращалась домой, обыкновенно жалуясь, что собрала только на одинъ обѣдъ. Хозяева давали ей поужинать; послѣ чего она шла за печь и проводила тамъ ночь. Ни дурная погода ни страшный морозъ, ни даже легкая болѣзнь не останавливали Аксиньюшку отъ этого обычнаго ея образа жизни Но всему бываетъ же конецъ, и вотъ за недѣлю до пожара, старость и простуда, чрезъ вѣтхія отрепья, свалили Аксиньюшку съ ногъ. Все ея имѣнье заключалось только въ тюфякѣ, да въ сгорѣвшемъ сундучишкѣ; въ немъ лежали у ней получше

Digitized by Google

одеженка, и, безъ сомнѣнія, маленькія деньжонки. Вотъ что узналъ Борисъ Алексѣевичъ о спасенной имъ нищей. Идя съ своими пожитками къ Бураковой, онъ чувствовалъ невольную радость, при мысли, что опять увидитъ хорошенькую блондиночку, поразившую его сердце.

Дворникъ Буракавой стоялъ у воротъ, когда подошелъ къ нимъ Борисъ Алексѣевичъ и повелъ молодаго человѣка къ хозяйкѣ. Проходя по двору, Борисъ Алексѣевичъ взглянулъ въ освященныя окна главнаго дома и увидѣлъ свою блондиночку, тихо прохаживающуюся по освѣщенной лампами залѣ. Темное платье и низко спущенные напереди волосы врѣзались въ глаза молодаго человѣка, вмѣстѣ съ отличнымъ убранствомъ залы, украшенной нѣсколькими масляными картинами, въ богатыхъ, золоченыхъ рамахъ. Борисъ Алексѣевичъ проходя за дворникомъ мимо этого дома, спросилъ провожатаго своего: «Развѣ не тутъ живетъ хозяйка?»

— «Вѣстимо во флигелѣ; эта большая фатера-та у насъ ходитъ тысячу бумажками,» отвѣчалъ дворникъ, отгоняя отъ Бориса Алексѣевича собаку, бросившуюся на него, изъ сѣней флигельчика хозяйки.

— «Кто же у васъ нанимаетъ?»

— «А чиновникъ изъ Суда. Жена-то за нимъ богатая купчиха. По веснѣ двѣнадцатый годъ пойдетъ, какъ живетъ у насъ; предобрѣйшій баринъ.»

— «А велико-ли у него семейство?»

— «Онъ, да жена, да дочь, вонъ что по залѣ ходитъ, а сынъ-то еще въ ученьи, а старшая дочь замужемъ; мужъ у ней секретарь,» — отвѣчалъ дворникъ.

Борисъ Алексѣевичъ грустно вздохнулъ, услыша, что та, которая неожиданно поразила сердце его, не дочь или родственница хозяйки, а дѣвушка богатаго круга, и потому трудно, чтобы она обратила вниманіе на такого бѣднява, какъ онъ.

Между тѣмъ дворникъ, введя Бориса Алексѣевича въ сѣни, отворилъ дверь въ переднюю комнатку, и нашъ молодой человѣкъ увидѣлъ хозяйку, запирающую стѣнной шкафчикъ и что-то жующую. Борисъ Алексѣе-

Digitized by Google

вичъ, отдавъ пожитки свои дворнику, вошелъ въ переднюю при словахъ Матрены Ипатьевны: «добро пожаловать; да чѣмъ Богъ послалъ, садитесь-ка съ нами и ужинать.»

Изъ передней Борисъ Алексѣевичъ увидѣлъ въ слѣдующей комнатѣ: у простѣнка, между окошекъ, накрытый ужинъ; большую двойную, угольникомъ, кіоту съ образами, въ дорогихъ, старинныхъ окладахъ, а также и обѣихъ дочерей хозяйки, которыя сидѣли рядомъ на диванѣ, и гадали въ карты, на круглопродолговатомъ столѣ, покрытомъ клеенчатымъ чахломъ.

Не стану я описывать ужинъ Матрены Ипатьевны съ дочерьми и Борисомъ Алексѣевичемъ, одѣтымъ небогато, да притомъ еще и по дорожному. Хозяйка снова распросила за ужиномъ Бориса Алексѣевича, кто онъ такой, и узнала отъ него всѣ подробности о немъ, въ томъ числѣ и то, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Москву. Между этими распросами Матрена Ипатьевна разсказала и ему, — и разсказала не одинъ разъ, — что она вотъ ужъ двѣнадцать лѣтъ вдовѣетъ; осталась послѣ мужа съ малыми дочерьми, а имѣнія-то всего ей мужъ оставилъ только этотъ домъ, да небольшія деньги, что выручили послѣ смерти его изъ бакалейнаго товара, которымъ торговалъ онъ на Варваркѣ. Но вотъ, по милости Бога, она дочерей выростила; замужъ не пошла за другого, хоть и много женяховъ за нее сваталось. — Быстроглазыя дочки во весь ужинъ не говорили ни слова съ молодымъ человѣкомъ, а только переглядывались съ нимъ и порой разговаривали между собою и улыбались. Въ концѣ ужина Матрена Ипатьевна вышла изъ за стола въ переднюю При общемъ молчаніи оставшейся молодежи, щелкнулъ замокъ стѣннаго шкафчика въ передней и минуту спустя это повторилось снова. Вслѣдъ за тѣмъ хозяйка возвратилась за ужинъ, что-то жуя, и вдругъ, какъ бы вдохновясь, сказала:

— «А вотъ, Борисъ Алексѣичъ, у меня живетъ двѣнадцатый годъ Платонъ Иванычъ. Онъ въ Судѣ важное мѣсто занимаетъ: можетъ, не возметъ ли онъ васъ къ себѣ въ Судъ: вы человѣкъ ученый, говорите

Digitized by Google

въ Нивирситетѣ обучались; такъ, какъ, кажется, Платону Иванычу васъ не взять, я чай у нихъ такіе люди нужны. Онъ человѣкъ добрый и жена его Варвара Семеновна тоже предобрѣйшая,—она за нимъ наша сестра — купчиха, а дочка ихъ Лизанька — ангелъ да и только.... Перевезли ее къ намъ, еще подъ столъ подходила ... Съ моими почти всякой день видается, то сама къ намъ зайдетъ, то за нами пришлетъ. Ни на волосъ нѣтъ во всѣхъ нихъ ни чванства, ни гордости: даромъ, что Платонъ Иванычъ два ордена имѣетъ. Я вотъ завтра поговорю Варварѣ Семеновнѣ или Лизанькѣ, чтобъ они попросили объ васъ Платона Иваныча. — Вы, я съ перваго раза увидала, человѣкъ хорошій. Авось вамъ Богъ пошлетъ хорошее мѣстечько у насъ: вы на первыхъ порахъ въ Москвѣ сдѣлали доброе дѣло—вытащили изъ огня больную нищенкую. Господь васъ найдетъ за это: вѣдь сами сгорѣть могли.»

Борисъ Алексѣевичь поблагодарилъ Матрену Ипатьевну за это обѣщаніе и прибавилъ, что она этимъ окажетъ ему благодѣяніе.

Когда ужинъ кончился, хозяйка безъ церемоніи сказала Борису Алексѣевичу, что у ней всего три комнатки, и хоть и совѣстно ей, а спать ему въ комнатахъ негдѣ, потому она и велѣла постлать ему постель въ кухнѣ. Въ утѣшеніе нашего молодаго человѣка и въ извиненіи предъ нимъ себя — Матрена Ипатьевна прибавила, что кухня у ней чудесная,—у другаго комната хуже ее. Борису Алексѣевичу было все равно, гдѣ не переночевать и потому онъ благодарилъ ее и за этотъ ночлегъ, говоря, что во всю жизнь не забудетъ, что она дала ему теперь пріютъ, когда онъ точно слѣпой въ Москвѣ. Простясь почтительнымъ поклономъ съ барышнями, съ которыми во все время не сказалъ ни слова, Борисъ Алексѣевичъ отправился въ кухню, въ сопровожденіи хозяйки, желавшей еще разъ взглянуть на ночь на больную старуху нищенку.

Въ просторной русской кухнѣ уже была устроена постель для Бориса Алексѣевича: что-то послано подъ образами на широкой лавкѣ, придѣланной къ стѣнѣ и

Digitized by Google

положена подушка. Полоумная Аксиньюшка лежала на своемъ тюфякѣ, на русской печи и то и дѣло охала и плакала, поминая то грошъ, то сундукъ свой. Кухарка съ дворникомъ ужинали. Хозяйка еще не подходя къ нищей, выбранила кухарку за то, что она съ бѣганьемъ на пожаръ, подала совсѣмъ холодную молочную кашу. Кухарка стала оправдываться, и въ слѣдствіе этого произошла между хозяйкой и ей маленькая перебранка, въ продолженіи которой было сдѣлано хозяйкою нѣсколько замѣчаній кухаркѣ насчетъ того, чтобы она береглась огня. «Ишъ ты какой пожаръ, а загорѣлось отъ искры,» прибавила хозяйка въ доказательство своихъ словъ. Она съ полубранью обращалась и къ дворнику, говоря, что ночи стали темныя, большія: такъ онъ бы непремѣнно вставалъ раза три въ ночь, обходилъ дворъ, да постукивалъ въ доску, а на собакъ, да людей Платона Иваныча не надѣялся бы: всѣ люди его мѣднаго гроша не стоютъ, а за кучеромъ Ванькою еще надо смотрѣть, чтобъ въ конюшнѣ не зажегъ; трубку все тамъ куритъ. «Души нѣтъ у меня, того и смотри заронитъ,» прибавила Матрена Ипатьевна, и обѣщалась завтра же сказать Платону Ивановичу, чтобъ запретилъ Ванькѣ курить въ конюшнѣ. — На счетъ же ненадежности собакъ, она говорила дворнику, что воры умѣютъ заговаривать собакъ: ни одна не пикнетъ, хоть кругомъ все обери; обокрадутъ, да еще, пожалуй, подожгутъ. Послѣ этихъ наставленій кухаркѣ и дворнику, хозяйка спросила: — «Ну что Аксиньюшка? покормила ли ты ее?»

— «Ничего ѣсть не стала, а все, вонъ слышите, охаетъ, да плачетъ по сундукѣ своемъ, да по грошѣ; подлинно, что полоумная,» отвѣчала кухарка. Матрена Ипатьевна, взявъ свѣчу, подошла къ нищей. Борисъ Алексѣевичъ послѣдовалъ ея примѣру, желая взглянуть при свѣчѣ на ту, которою спасъ отъ огня.

— «Что ты Аксиньюшка охаешь, да плачешь? спросила хозяйка, освѣтивъ нищую свѣчкою.

— «Мочиньки моей нѣтъ, сударыня,» простонала нищая, повернувъ голову къ хозяйкѣ, и замѣтивъ Бо-

Digitized by Google

риса Алексѣевича проговорила: «Сударикъ ты мой, желанный, вытащилъ ты меня съ постеленкою изъ полыма, а сундучишечко-то мой, таки сгорѣлъ, сгорѣль мой сундучишенька, и грошекъ у меня нищенкой затерялся на здѣшнемъ дворѣ. Сударикъ мой, родной, желанный, вѣкъ не забуду тебя: сходи сыщи на дворѣ мой грошекъ, — за ночь украдутъ его у меня.»

— «Вѣдь я далъ тебѣ свой грошъ, а завтра найду и твой; полно выть-то» проговорилъ сердито дворникъ, всталъ изъ за ужина, помолился Богу и напившись ковшемъ изъ жбана квасу, вышелъ изъ кухни.

Между тѣмъ старуха, не обращая вниманія на обѣщаніе дворника, приставала къ Борису Алексѣевичу, чтобъ онъ пошелъ сыскалъ грошъ ея, а то она за ночь сгинетъ съ тоски по немъ.

— «Эка-ты Аксиньюшка, не съ свѣчей же искать его по двору; видѣла пожаръ-то отъ огня; чуть сама не сгорѣла. Завтра найдутъ твой грошъ, а не найдутъ, такъ не разоришься, сказала хозяйка.

— «Разорюсь, сударіха, разорюсь; и такъ сундучишечько сгорѣлъ,» стонала полоумная:» легко ли молвить,—ждать до утречка: нынѣче ночь не лѣтняя. — Сударикъ мой, желанный, сходи поищи Христа ради, грошекъ мой: сама сходила бы, да нѣту моей моченьки.»

У Бориса Алексѣевича были въ карманѣ мѣдныя деньги и онъ, чтобы успокоить полоумную, вышелъ изъ кухни и, побывъ минуты двѣ въ сѣняхъ, возвратился въ кухню и подалъ нищей свой грошъ, сказавъ, что нашелъ его на дворѣ.

Нельзя изобразить жадную радость полоумной Аксиньюшки, съ какою она схватила грошъ и тотчасъ спрятала его къ другимъ мѣднымъ деньгамъ, подъ свой бокъ.

Хозяйка, пожелавъ доброй ночи Борису Алексѣевичу и снова наказавъ кухаркѣ беречься огня, ушла изъ кухни спать. Слѣдомъ за этимъ Борисъ Алексѣевичъ помолился Богу на сонъ грядущій, и не раздѣвался, легъ на постилку и накрылся своимъ тулупомъ. Въ это время дворникъ воротился въ кухню и тоже

Digitized by Google

улегся спать; одна только кухарка довольно долго молилась предъ Образами и потомъ, потуша огонь, легла спать на свою кровать.

Борисъ Алексѣевичъ, спавшій много въ продолжительной дорогѣ, не могъ скоро заснуть и, подъ оханье нищей, предался думамъ о хорошенькой Лизанькѣ, которая первая изъ дѣвушекъ, такъ поразила сердце его. Онъ нашелъ въ личекѣ ея и наивныхъ манерахъ этого личека — что-то родное и привлекательное для непорочной души своей. — Невольно думалъ онъ о своемъ небогатомъ положеніи въ свѣтѣ, и, въ первый разъ въ жизни, вздохнулъ о томъ, что не имѣетъ состоянія. «Ежели бы я былъ богатъ,» думалъ молодой человѣкъ, — то я могъ бы жениться на ней, а теперь это не возможно. Конечно я могу чрезъ нѣсколько лѣтъ дослужиться до Секретаря, какъ и мужъ сестры ея; но тогда Лизанька давно будетъ замужемъ. Въ то время, когда я достигну такого положенія въ свѣтѣ, что съ радостію бы отдали за меня Лизаньку, у ней ужъ будетъ дочь скоро годиться мнѣ въ невѣсты.

Вы невольно подумаете, читатель, что за чудакъ мой Борисъ Алексѣевичъ: только-что пріѣхалъ въ Москву, и пріѣхалъ съ такимъ состояніемъ, что чрезъ нѣсколько дней, ежели не найдетъ онъ себѣ должности, то ему нечего будетъ ѣсть,— хоть ступай по міру, какъ полоумная Аксиньюшка,—и, не смотря на все это, тотчасъ влюбился онъ и думаетъ о женитьбѣ, не зная лично и образа жизни Московской. Ахъ! читатель, чудный возрастъ двадцать четыре года для каждаго человѣка, а для характера и нравственныхъ правилъ Бориса Алексѣевича и подавно: онъ во всемъ уповалъ на одного Бога. Отправляясь въ Москву, онъ думалъ: Родители мои были люди добрѣйшіе; жили мы хорошо, можно сказать богато; остался я осьми лѣтъ круглымъ сиротою, безъ всякаго состоянія. — Помню, отецъ на смертномъ одрѣ сказалъ мнѣ, благословляя меня: — «Борисушка! Богъ тебя не оставитъ: только будь добрымъ человѣкомъ, да трудись.» Царство небесное опекуну, что далъ мнѣ образованіе, а Богъ дастъ

Digitized by Google

богатъ буду. — Въ младенчествѣ жилъ я богато, и опять буду жить богато: «гдѣ была вода, тамъ опять будетъ,» говорятъ старые люди.»—Борисъ Алексѣевичъ былъ какъ-то увѣренъ, что онъ разбогатѣетъ по скорости: какое-то внутреннее предчувствіе говорило ему это еще въ училищѣ, а потомъ и въ Университетѣ. Но какъ разбогатѣть ему? — Одно только средство предстояло ему для того—служба; но она обогащаетъ человѣка не скоро. Правда, есть средство скоро обогащающее — это богатая женитьба; но мой Борисъ Алексѣевичъ не былъ такимъ красавцемъ, чтобы могъ думать, что въ него безъ ума влюбится богачка. Однакоже, не смотря на всю невозможность скоро разбогатѣть, Борисъ Алексѣевичъ не оставлялъ думать, что онъ по скорости будетъ богатъ, а какъ и чрезъ что разбогатѣетъ, не зналъ онъ и самъ того; всѣ думы свои объ этомъ заключалъ мыслію: «у Бога все возможно.»—Вы видите, читатель, почему Борисъ Алексѣевичъ только что пріѣхавъ въ Москву, безъ всякаго состоянія, тотчасъ же влюбился въ Лизаньку и могъ подумать о бракѣ съ нею. Однакоже, теперь лежа въ кухнѣ Матрены Ипатьевны, и думая о Лизанькѣ, Борисъ Алексѣевичъ отчаялся въ возможности жениться ему на ней. — Ни сейчасъ же разбогатѣю я, думалъ онъ, а она невѣста, хорошенькая, и, вѣроятно, за ней не мало денегъ — она по скорости выйдетъ замужъ. Борисъ Алексѣевичъ, какъ мы сказали, вздохнулъ о томъ, что не имѣетъ состоянія въ настоящее время, и эти глубокія вздохи, виною которыхъ была Лизанька, онъ повторялъ довольно часто, ворочаясь съ бока на бокъ. Порою думы о Лизанькѣ смѣнялись въ умѣ его и мыслями объ пріисканіи мѣста въ Москвѣ; но и тутъ онъ думалъ, что, можетъ быть, отецъ Лизанькинъ уважитъ просьбу Матрены Ипатьевны и опредѣлитъ его въ Судъ къ себѣ.—«Тогда, по одному мѣсту службы, я могу имѣть, хоть изрѣдка, входъ въ домъ Платона Ивановича,» думалъ Борисъ Алексѣевичъ. «Но къ чему это поведетъ? только пуще будетъ надрывать мнѣ сердце не доступнымъ счастіемъ: Лизанька, можетъ быть, и смотрѣть не станетъ на меня бѣдняка.

Digitized by Google

Правда, для чего прежде времяни отчаяваться: никто, какъ Богъ: Ему все возможно,» подумалъ мой Борисъ Алексѣевичъ къ утру, и началъ было засыпать. Но сонъ его былъ прерванъ сильнымъ стономъ, а порой даже крикомъ нищей. Борисъ Алексѣевичъ, по началу думавшій, что этотъ крикъ приснился ему во снѣ, полусонный привсталъ на постелѣ своей и перекрестился. Но какъ крикъ нищей былъ на яву и она звала къ себѣ кого нибудь, бормоча, что у ней душа растается съ тѣломъ; то Борисъ Алексѣевичъ всталъ и подошелъ ощупью къ печькѣ. Крикъ нищей разбудилъ и дворника, и кухарку. Послѣдняя, ворча, кричала на нищую. «Что за лѣшіи тебя тамъ давитъ. — Охъ Господи! — вотъ не было хлопотъ-то, такъ надо хозяйки напустить ночевать полоумныхъ, да еще больныхъ; прости Господи, всякой дряни съ улицы. Поди! — возись теперь съ полоумною, ночью. День-деньской намаишься за тѣмъ, за другимъ; а тутъ — вотъ еще ночь не спи. Диви бы съ хозяевами возиться, а то со всякой, прости Господи, дрянью. Вонъ еще только къ заутрени въ монастырѣ ударили,» проговорила кухарка и начала вырубать огонь.

Между тѣмъ Борисъ Алексѣевичъ подойдя къ нищей, спросилъ ее, что съ ней такое дѣлается. Она едва могла проговорить, что грудь у нее колитъ, какъ иглами, и подкатывается къ сердцу. Борисъ Алексѣевичъ сталъ утѣшать больную ласковыми словами, говоря при томъ, что сейчасъ подойдетъ къ ней кухарка и поможетъ ей. Но когда кухарка, вздувшая огонь, сердито ворча подошла съ нимъ къ нищей, то испугалась: лице больной подергивали судороги, и оно страшно измѣнилось отъ сильной боли. Услыша тотъ же отвѣтъ отъ нищей, что и Борисъ Алексѣевичъ, кухарка побоялась, чтобы, чего добраго, не умерла до утра старуха, и потому сочла за необходимое пойдти разбудить самою хозяйку.

Пришла по скорости, полуодѣтая, Матрена Ипатьевна, начала съ кухаркою подавать разныя пособія нищей, и — къ утру боль у ней унялась, хотя и не со-

Digitized by Google

всѣмъ. Измученная, недоспавшая, Матрена Ипатьевна — видя, что нищая не на шутку больна, думала, какъ опять схватитъ ее, то она не перенесетъ, и тутъ же умретъ, — объявила, что она держать ее въ домѣ не можетъ; какъ только выѣдутъ извощики, то отправить ее въ больницу, а то, пожалуй, съ нею не долго нажить хлопотъ: у ней даже и паспорта нѣтъ. «Не даромъ видѣла я скверный сонъ сейчасъ», прибавила хозяйка:— «Вижу пришелъ ко мнѣ индѣйскій пѣтухъ съ корову, и ну клевать меня; до смерти бы заклевалъ, да хорошо, что меня разбудила кухарка.» Нищая стала упрашивать, — не отправлять ее въ больницу; но хозяйка рѣшительно сказала дворнику, чтобы онъ шелъ теперь же къ ихъ Квартальному, спросилъ его: какъ представить погорѣвшую нищую въ больницу? и привелъ бы ломоваго извощика. Дворникъ отправился, а нищая не перестовала просить хозяйку не отправлять ее въ больницу, говоря, что когда придетъ смертный часъ, то она все равно умретъ и здѣсь. Хозяйка не слушая нищую, ушла изъ кухни. Но однако же она вскорѣ опять вошла въ нее, потому, что дворникъ привелъ извощика вести Аксиньюшку въ ближнюю больницу. Нищая стала снова приставать къ хозяйкѣ, оставить ее здѣсь. Матрена Ипатьевна, боясь хлопотъ, ни за что не рѣшилась на это. Кухарка, видя что Аксиньюшкѣ не хочется въ больницу, сказала ей: «Инъ коль въ больницу не хочешь,—найми себѣ гдѣ нибудь уголъ, вонъ хоть у кормилицы, да пошли за Частнымъ лѣкаремъ.»

«Сударіха моя! на что я найму нищенкая?—не на что.» Послѣ этого Аксиньюшка, сильно разсердясь на хозяйку, обратилась къ Борису Алексѣевичу съ просьбою, чтобы онъ свезъ ее къ себѣ.

Борисъ Алексѣевичъ, обязанный самъ Матренѣ Ипатьевнѣ за ночлегъ, не противорѣчилъ ея словамъ — болѣе молчалъ, а теперь отвѣчалъ нищей:

— «Да я Аксиньюшка, и самъ еще не знаю, гдѣ найму себѣ уголъ; можетъ до вечера не пріищу для себя подходящаго. А ты ничего—ступай въ больницу. Тамъ тебѣ будетъ гораздо покойнѣе, и тебя вылѣчатъ.»

Digitized by Google

— «Сударикъ мой, желанный, вылѣчатъ ли полно? добро бы твоими устиками, да медъ пить. Я бы еще побродила по міру: добрые люди все бы стали подавать мнѣ милостинку. Хочется сударикъ мой, еще помаячиться на бѣломъ свѣтѣ: належусь въ могилкѣ-то.»

По приказу Матрены Ипатьевны, дворникъ съ извощикомъ и Борисомъ Алексѣевичемъ подняли съ тюфякомъ Аксиньюшку съ печи, и на немъ положили ее на ломовыя дроги.

— «Прощай судариха; — Богъ съ тобой! Сударикъ мой, жланный, прощай! Христосъ не оставитъ тебя,» проговорила Аксиньюшка, когда Борисъ Алексѣевичъ укуталъ ее старымъ овчиннымъ тулупомъ, который принесла хозяйка, сказавшая при этомъ, что на тюфякѣ подъ тулупомъ Аксиньюшкѣ — будетъ мягко и тепло. Лошадь тронули. Дворникъ сѣлъ къ больной, и придерживая ее руками, отправился съ нею съ больницу. Провожая глазами за вороты нищую, Борисъ Алексѣевичь стоялъ на дворѣ и не разъ взглядывалъ на главный домъ, думая, что Лизанька, навѣрное еще спитъ.

Когда извощикъ съ нищею скрылся за воротами, Борисъ Алексѣевичъ подумалъ, что теперь надо идти пріискать гдѣ-нибудь уголокъ себѣ. Всего лучше напередъ спросить у хозяйской кухарки: про какой это уголъ, у какой-то кормилицы, говорила она Аксиньюшкѣ. Борисъ Алексѣевичъ пошелъ къ крыльцу хозяйки, и увидѣлъ въ окошкѣ обѣихъ дочекъ ея, еще въ утренней одеждѣ. Видно было, что онѣ только-что встали и подошли къ окну изъ любопытства,—посмотрѣть, какъ повезутъ Аксиньюшку. Онѣ пересмѣивались между собою и часто зѣвали, полузакрывая ротъ рукою. На поклонъ нашего молодаго человѣка онѣ кивнули головами.

Войдя въ кухню, Борисъ Алексѣевичъ спросилъ кухарку, про какой это уголъ у кормилицы говорила она Аксиньюшкѣ.

«Да мало ли у Ѳедосьи угловъ, а есть и особенныя комнатки,» отвѣчала кухарка. «Она третьеваднясь захо-

Digitized by Google

дила, и просила: не послышимъ ли: не надо ли, кому нѣсть, квартиры; у ней опростались, никакъ цѣлыя три.»

«А что это такая за женщина Ѳедосья?» спросилъ Борисъ Алексѣевичъ.

«Вѣстимо, кормилица жильцовой барышни, Лизаветы Платоновны. Ступайте къ Ѳедосьѣ, прямо отъ меня скажите: Дмитревна прислала; такъ она съ васъ лишковъ не возметъ. Пожалуй, и стряпать, и стирать на васъ будетъ, какъ наймете. У ней дочь Аннушка дѣвка сильная, корыть пять въ день осилитъ, а мужъ-то отставной солдатъ, торгуетъ на площади старьемъ.

Борисъ Алексѣевичъ сильно обрадовался этому извѣстію. Онъ съ восторгомъ представилъ себѣ, что онъ можетъ жить у кормилицы Лизанькиной, и чрезъ это, какъ бы, знакомство, и даже, какъ бы, нѣсколько родство свяжетъ его съ Лизанькою. Онъ можетъ говорить о ней съ кормилецею ея, и распрашивать у ней про Лизаньку. — Разспроса кухарку, гдѣ живетъ кормилица, Борисъ Алексѣевичъ сталъ собираться идти. Матрена Ипатьевна, находившаяся въ кухнѣ, сочла, по своему сужденію, неприличнымъ, теперь безъ больной нищей, оставить у себя съ дочерьми пить утромъ чай молодаго человѣка, и еще, когда она видѣла нынѣшнюю ночь такой скверный сонъ. — Но болѣе не удерживая у себя молодаго человѣка, хозяйка однакоже обѣщалась ему нынѣче же по просить объ немъ Платона Ивановича, и ежели онъ можетъ дать мѣсто Борису Алексѣевичу, то она пришлетъ за нимъ дворника къ кормилицѣ. Когда же Борисъ Алексѣевичъ найметъ квартиру себѣ не у кормилицы, то чтобы завтра онъ самъ зашелъ сюда. Нашъ молодой человѣкъ надѣлъ тулупчикъ и, еще разъ поблагодаря хозяйку за ночлегъ и хлѣбъ-соль, пошелъ съ своимъ чемоданомъ изъ квартиры Матрены Ипатьевны. Проходя по двору мимо оконъ Платона Ивановича, Борисъ Алексѣевичъ взглянулъ въ нихъ, и въ одномъ увидѣлъ Лизаньку, въ хорошенькомъ ночномъ чепчикѣ и спальномъ, голубенькомъ, холстинковомъ капотцѣ. Съ заспанными глазками, она стояла у этого окошка.

Digitized by Google

Сердце такъ и забилось у Бориса Алексѣевича, его бросило, въ жаръ; онъ даже закраснѣлся. Ему досадно стало на свою бѣдную одежду, онъ поспѣшно прошелъ мимо и отправился, по указанію кухарки, къ кормилицѣ этой хорошенькой барышни.

ГЛАВА III.

Не такъ далеко отъ дома Матрены Ипатьевны, поближе къ городу, жила кормилица Лизанькина, въ самомъ нижнемъ этажѣ, или, лучше сказать, подвалѣ каменнаго дома, набитаго сверху до низу всякаго рода жильцами. Кормилица, разбитная баба, лѣтъ пятидесяти, снимала за триста рублей отдѣленіе изъ четырехъ комнатъ и кухни. Сама она занимала съ дочерью смежную съ кухнею комнатку, а мужъ жилъ въ кухнѣ, въ компаніи съ отставнымъ солдатомъ, подбивавшимъ на Никольской площади, въ воротахъ, сапоги гвоздями и приторговывавшимъ тамъ же старыми голенищами и сапогами. Двѣ комнаты кормилица отдавала въ наймы цѣлыми, старикамъ: холостяку, бѣдняку, отставному чиновнику и вдовцу Греку, маклеровавшему въ Городѣ недорогими товарами. Третья комната отдавалась у кормилицы по угламъ: въ двухъ жили два торговца: пожилой мѣщанинъ, торговавшій въ табачной лавочкѣ, и вольноотпущенный старикъ, продававшій по городу ваксу; въ третьемъ углѣ обитала старуха, торговавшая у ограды ближней Церкви пряниками, горохомъ, рязанью, крыжовникомъ и прочими этого рода лакомствами, сообразными съ временами года. Четвертый уголъ въ настоящее время былъ пустой: инвалидъ кларнетистъ, жившій въ этомъ углѣ, переѣхалъ уже съ недѣлю на квартиру къ скрипачу. Такъ какъ въ настоящее время у кормилицы пустой особой комнаты не было, да и нанять бы ее Борису Алексѣевичу до мѣста было невозможно; то онъ пока снялъ себѣ, за три рубля, уголъ съ дранною кроватью, въ которомъ жилъ кларнетистъ. Плохо было

Digitized by Google

жилище и черно общество для студента окончившаго курсъ ученія, но зато эта квартира была у *кормилицы Лизанькиной*, а это много значило для моего молодаго человѣка и сильно влекло его на эту квартиру. Притомъ же онъ въ Москвѣ былъ знакомъ еще только съ домомъ Матрены Ипатьевны, чрезъ это знакомство и кормилица Лизанькина была Борису Алексѣевичу какъ бы знакомою. Къ тому же она увѣряла его, что онъ будетъ жить у ней, хотя съ бѣдными, но хорошими, тихими людьми. Въ довершеніе всего она объявила ему, что у ней скоро опорожится, пожалуй, для него и особая комната, потому что старикъ, отставной чиновникъ, становится день ото-дня все хилѣе и просится въ Матросскую Богадѣльню. Всѣ эти причины заставили Бориса Алексѣевича нанять у кормилицы пока хоть уголъ, съ намѣреніемъ, когда опростается у ней особая комната, то тотчасъ перейдти въ нее. «Одно досадно», думалъ Борисъ Алексѣевичъ:—«Лизанька узнаетъ отъ кормилицы, какъ я бѣденъ и, можетъ быть, станетъ смѣяться, гдѣ я живу. Найми я уголъ не у кормилицы,—Лизанька этого бы не узнала. Но ежели я небуду жить здѣсь, то потеряю самый вѣрный случай все подробно узнать про Лизаньку. Можетъ быть, узнавъ отъ кормилицы, что у ней въ настоящее время кромѣ угла ничего не отдавалось въ наймы, Лизанька догадается, что я по любви къ ней, желая непремѣнно жить у кормилицы ея, нанялъ этотъ уголъ. Можетъ быть, этотъ поступокъ мой, Лизанька даже отнесетъ къ романическому самоотверженію для любви; она еще болѣе увѣрится въ этомъ, когда я займу вскорѣ тутъ особую комнату. Но кажется глупо это думать; вѣрнѣй всего—пока я бѣденъ: Лизанька, какъ богатая дѣвушка, не обратитъ на меня никакого вниманія. Зато я, живя у кормилицы, могу часто говорить съ ней про Лизаньку.

Борисъ Алексѣевичъ, отдавъ за мѣсяцъ впередъ деньги, сложилъ на кровать свои пожитки. На замѣчаніе кормилицы: на чемъ же онъ будетъ спать? онъ отвѣчалъ, что нынѣшнюю ночь уснетъ какъ нибудь, а завтра купитъ себѣ тюфякъ и подушку.

Digitized by Google

«Дайте завтра утромъ денегъ моему Архипу,» сказала кормилица, «онъ вамъ на Толкучемъ купитъ славный дешевенькой, подержаный тюфякъ и подушечку: съ васъ самихъ вдвое возмутъ, а моему Архипу на Толкучемъ всѣ купцы знакомы.»

Борисъ Алексѣевичъ сказалъ спасибо кормилицѣ за это предложеніе ея, и хотѣлъ непремѣнно прибѣгнуть за тюфякомъ и подушкою къ Архипу. Послѣ этого выславъ изъ комнаты кормилицу, Борисъ Алексѣевичъ остался въ комнатѣ одинъ; онъ вынулъ изъ чемодана свое хорошее, но поношеное платье: гороховыя панталоны, синій, съ свѣтлыми, гладкими бронзовыми пуговицами, фракъ и атласную, черную съ красными полосками, жилетку. Нарядясь въ этотъ праздничный костюмъ свой, Борисъ Алексѣевичъ, пользуясь нехолодной погодою, пошелъ со двора безъ шинели. Онъ намѣревался сперва помолиться въ Кремлѣ Богу, а потомъ походить по Москвѣ, полюбоваться ею.

День былъ хотя осенній, но чудный. Борисъ Алексѣевичъ добрался до Кремля по распросамъ у встрѣчавшихся ему на дорогѣ. Входя въ Кремль въ Спаскія ворота, онъ вмѣстѣ съ другими снялъ картузъ съ головы своей. Ежели бы Борисъ Алексѣевичъ не зналъ изъ книгъ объ этомъ обычаѣ, или входилъ въ Кремль въ другія ворота: то и тогда бы онъ, знакомый съ Исторіею Кремля — полнаго Святыни, обнажилъ голову, вступая въ это священное мѣсто—сердце самаго обширнѣйшаго въ древнемъ и новомъ мірѣ, — Царства.

Когда Борисъ Алексѣевичъ вошелъ въ Кремль — вошелъ въ первый разъ въ жизни—то увидѣвъ Иванъ Великій, Соборы, Дворцы, Монастыри, обширное замосквор'ечье и вдали Воробьевы горы, съ рѣдкою рощею, и вездѣ куполы и кресты, горящіе отъ солнца, онъ вдругъ почувствовалъ, — что какъ бы безмѣрно выросъ духомъ Раздольный міръ Божій, распахнулся для молодаго человѣка несравненно раздольнѣе; въ тысячу разъ свѣтлѣй, вольнѣй и радостнѣй показалась ему жизнь эта и даже самый воздухъ былъ для него

Digitized by Google

полонъ безпредѣльной, упоительной легкости. Борисъ Алексѣевичъ невольно подумалъ: въ такомъ богатомъ, веселомъ, обширномъ городѣ можно очень скоро разбогатѣть: одна Московская улица стоитъ всего города, гдѣ родился я. Здѣсь всюду богатство. Куда ни оглянись, вездѣ потребность въ людяхъ и, безъ сомнѣнія, на всякомъ шагу является людямъ множество случаевъ къ скорому обогащенію. А сколько Святыни здѣсь; какое наслажденіе молиться въ Святомъ Кремлѣ, помышлялъ Борисъ Алексѣевичъ ходя по отпертымъ Соборамъ и Монастырямъ Кремлевскимъ. Теперь въ упоительномъ вдохновеніи молодости, когда считалъ онъ за ничто скоро разбогатѣть въ Москвѣ, онъ твердо былъ увѣренъ и въ томъ, что непремѣнно женится на Лизанькѣ: съ ней жизнь въ Москвѣ будетъ ему настоящимъ раемъ. Забылъ мой Борисъ Алексѣевичъ, что на первомъ же шагѣ въ Москвѣ, онъ встрѣтилъ страшный пожаръ; потомъ нищую, которую насильно отослали въ больницу; забылъ и черный уголъ свой у кормилицы, ни объ чемъ этомъ, не пришла даже вскользь мысль, ему, объятому въ Кремлѣ возвышеннымъ вдохновеніемъ. Въ первые годы молодости, въ минуты такого упоительнаго полноводья жизни, заливаются отъ глазъ счастливца всѣ житейскія непріятности. — Повѣрьте, — каждый человѣкъ наслаждается весною жизни своей: богачи вкушаютъ наслажденіе существенное, а бѣдняки, подобные Борису Алексѣевичу, наслаждаются жизнію въ воображеніи, окриленномъ надеждою. И знаете ли: идутъ годы, богачамъ все надоѣдаетъ, а бѣдняковъ еще манитъ жизнь осуществленіемъ ихъ мечты въ дѣйствительность. Тогда только они видятъ, что богатыя надежды ихъ были ложны, когда уже не прельщаютъ ихъ удовольствія молодой жизни и наступаетъ

Одно желаніе — покой,
Да щей горшокъ, да самъ большой.

Тутъ помириться съ жизнью легче; тѣмъ болѣе, что начинаетъ человѣкъ подумывать о могилѣ. Путь до нее кажется ему ближе пройденнаго имъ отъ колы-

Digitized by Google

бели, а за могилою, тому, кто на землѣ былъ чистъ душею, будетъ хорошо тамъ—у Бога!

Изъ Кремля Борисъ Алексѣевичъ прошелъ помолиться къ Иверской и потомъ отправился въ Александровскій садъ. Видя мущинъ ѣдущихъ въ экипажахъ, нашъ молодой человѣкъ думалъ, что и онъ можетъ въ Москвѣ, въ скоромъ времени кататься въ такомъ же собственномъ экипажѣ. Въ саду смотря на гуляющихъ богатыхъ молодыхъ супруговъ, онъ воображалъ, что точно такъ будетъ и онъ гулять съ Лизанькою. Тутъ онъ нечаянно взглянулъ на свое поношеное платье и подумалъ: еще прежде всего надо мнѣ нажить себѣ хорошее платье; скоро ли и на это одно добудешь денегъ. Борисъ Алексѣевичъ задумался было; но взглядъ на огромный Экзерциргаузъ опять поднялъ душевныя силы его, которыя немного было спустились съ высокаго мечтательнаго настроенія. — Такія огромныя строенія въ Москвѣ, и не нажить мнѣ въ ней по скорости отличнаго платья себѣ; да объ этой дряни просто не стоитъ и думать въ Москвѣ. Я по скорости и свою лошадь заведу, подумалъ Борисъ Алексѣевичъ, любуясь Москвою. Между тѣмъ онъ почувствовалъ голодъ; въ дорогѣ онъ каждое утро пилъ чай съ извощиками на постоялыхъ дворахъ, а здѣсь въ Москвѣ гулялъ безъ чаю. Переходя изъ средняго въ маленькій Александровскій садъ—Борисъ Алексѣевичъ купилъ у разнощика, за пятакъ серебра сайку, и на боковой дорожкѣ малаго сада, сѣлъ на лавочку и пообѣдалъ во славу Божію. Потомъ онъ вышелъ на набережную и встрѣтя квасника, напился на грошъ квасу. Послѣ этого нашъ молодой человѣкъ сталъ по распросамъ пробираться на свою квартиру, другою дорогою, гораздо дальнѣйшею чѣмъ прежняя. Придя на *богатѣйшую* квартиру свою около вечерни, Борисъ Алексѣевичъ увидѣлъ въ кухнѣ дворника Бураковой и обрадовался, подумавъ, что онъ навѣрное присланъ позвать его къ Платону Ивановичу. Но не мало удивился Борисъ Алексѣевичъ, когда дворникъ поднялъ съ полу, скатанный и завязанный веревкою, старый затрапезный тюфякъ и подавая его Борису Але-

Digitized by Google

ксѣевичу, сказалъ съ усмѣшкою: «принимайте-ко наслѣдство, да распоясывайте мошну — угостите насъ съ кормилицею.»

— «Что это такое ты говоришь?» спросилъ Борисъ Алексѣевичъ дворника.

— «Не только говорю, а и отдаю съ рукъ на руки: это полоумная Аксинья отказала вамъ; приходите послѣ завтра въ больницу хоронить ее.»

— «Такъ она умерла бѣдная!» воскликнулъ Борисъ Алексѣевичъ, и перекрестясь прибавилъ: «Царство ей Небесное. Гдѣ же она умерла, ужъ не на дорогѣ ли.»

— «Какой на дорогѣ—привезъ въ больницу. Стали мы снимать полоумную съ тюфяка; куда-ты! неси на тюфякѣ. Что много съ ней толковать—думаю! все едино: такъ-ли, сякъ-ли, лишь бы съ рукъ поскорѣй сбыть ее. Втащили мы съ извощикомъ Аксинью на тюфякѣ въ пріемную. Лѣкаря осмотрѣли ее, да и велѣли тащить въ палату. Взбѣленилась Аксинья, подлинно что полоумная: учала проситься и въ больницѣ-то лежать на своемъ тюфячишкѣ: знай ладитъ всѣмъ: сундучишка вишь у ней погорѣлъ, уцѣлѣлъ одинъ только тюфячишка отъ всего имѣньишка. Пожалуй, вишь ладить, и онъ пропадетъ; да туда бъ ему и дорога,» прибавилъ другимъ тономъ дворникъ, встряхнувъ тюфякомъ и продолжалъ: «полоумная полоумная, а смѣтила, какъ ни кричи она, а лѣкаря ее не послушаютъ: у нихъ ужъ свой порядокъ заведенъ. Видитъ, что ничто возметъ, и ну просить меня: снеси я ее тюфячишка къ хозяйкѣ, да попроси побережь; а коли помретъ въ больницѣ, такъ наказала безпремѣнно отдать тюфякъ вамъ. Вѣдь говоритъ, сударикъ изъ огня меня вытащилъ, отказать мнѣ ему больше нечего. Да такое словечко ввернула она, что поди ты на: побожилась, коли не отдадимъ эвту дрянь изъ рукъ въ руки вамъ, такъ ни мнѣ, ни хозяйкѣ покою не дастъ мертвая. Да и вамъ-то наказала сказать, вишь, и вы берегли бъ ея тюфячишко-то. «Счастье ему свое отдаю, доживетъ до моихъ лѣтъ,» врала полоумная. Вотъ я и принесъ эвту дрянь къ

Digitized by Google

хозяйкѣ, да все, какъ вамъ и разсказываю ей, а она и взъѣлась на меня, (вѣстимо ужъ позавтракала), кричитъ: какъ ты смѣлъ взять тюфякъ у полоумной: она умретъ, а онъ пропадетъ, такъ она пожалуй и взаправду не дастъ намъ покоя мертвая. Тащи говоритъ, опять его къ ней, пусть кому хочетъ отдаетъ беречь его. Я и потащилъ тюфякъ опять въ больницу. Пришелъ туда, спрашиваю, какъ бы повидать мнѣ больную, что привезъ утресь, а мнѣ говорятъ, ее такъ скрючило, что и ноженьки протянула — приказала долго жить.— Что дѣлать? я съ тюфякомъ опять домой, а хозяйка ужъ пообѣдала, да пуще прежняго взъѣлась на меня, и пообѣдать не дала, протурила меня сыскать васъ, да отдать вамъ съ рукъ на руки эвто наслѣдство, а то пожалуй говоритъ: — Аксиньюшка придетъ ночью. — Дуй его горой, пуще горькой рѣдьки надоѣлъ мнѣ эвтотъ проклятый тюфякъ: таскаю его весь день-деньской взадъ, да впередъ. Бросилъ бы эвту дрянь на дорогѣ, да вѣдь пожалуй и впрямь не дастъ и мнѣ покою полоумная, отъ нее станется. — Хозяйка-то велѣла вамъ еще сказать, чтобъ вы завтра утромъ часу эвдакъ въ осьмомъ пришли къ нашему жильцу, вишъ она говорила про васъ, такъ онъ вамъ наказалъ придти.»

— «Непремѣнно приду; поблагодари Матрену Ипатьевну,» проговорилъ Борисъ Алексѣевичъ обрадованный этимъ зовомъ.

— «Нате-же, берите-ка свое наслѣдство, а то, избави Господи, отъ мертвой Аксиньи пожалуй и не отвяжешся: можетъ она вѣдьма была,» сказалъ дворникъ, подавая Борису Алексѣевичу тюфякъ.

— «Да на что мнѣ эта дрянь, и еще съ полоумнымъ, да нищенскимъ счастьемъ,» заговорилъ Борисъ Алексѣевичъ.

— «Ну, ужъ тамъ куда хотите, туда и дѣвайте, былобъ вамъ отдано: съ мертвыми-то шутить не съ своимъ братомъ; отвязаться скорѣй отъ полоумной Аксиньи, да ужъ и дѣло съ концемъ,» проговорилъ дворникъ.

Digitized by Google

— «Да что въ самомъ дѣлѣ,» сказала хозяйка: — пока вы купите себѣ тюфякъ, поспите пока на этомъ; онъ хоть и старъ, и зашитъ во сколькихъ мѣстахъ, а еще не совсѣмъ избитъ,» прибавила кормилица, щупая рукою тюфякъ и разсматривая его. «А мало ли, что мелютъ полоумныя: къ вамъ ее счастье отъ тюфяка же пристанетъ, коль Господь не накажетъ.»

— «Что? и въ самомъ дѣлѣ кормилица говоритъ правду, покамѣстъ посплю на этомъ тюфякѣ. Счастья ея не дай мнѣ Богъ, а пожить столько, сколько жила Аксиньюшка, пошли и мнѣ Господи,» подумалъ Борисъ Алексѣевичъ, и спросилъ дворника: «я чай много годовъ было Аксиньюшкѣ?»

— «Да говорятъ близъ ста лѣтъ было: хозяйка сказываетъ, что она маленькой была, а Аксинья все старухой прихаживала къ нимъ за милостинею.»

Борисъ Алексѣевичъ взялъ отъ дворника тюфякъ и положилъ на свою кровать. «Вотъ тебѣ на водку, не взыщи пока на этомъ,» сказалъ нашъ молодой человѣкъ, подавая дворнику гривенникъ. Онъ хотѣлъ этимъ немного повозвысить мнѣніе о своемъ состояніи, да притомъ и совѣстился не дать.

— «Благодаримъ покорно и на этомъ, выпью за ваше здоровье, а вы завтра приходите безпремѣнно къ нашему жильцу; я отъ его лакея Ивана слышалъ: вишъ Платону Ивановичу на время писаря надо, вы я чай важно пишете.»

— «Какъ не писать,» отвѣчалъ Борисъ Алексѣевичъ уходившему дворнику: «кланяйся Матренѣ Ипатьевнѣ, поблагодари ее и скажи, что завтра непремѣнно приду къ Платону Ивановичу.»

Когда дворникъ ушелъ, Борисъ Алексѣевичъ подумалъ: вотъ что значитъ Москва, въ первый же день въ ней мнѣ посчастливилось: получилъ наслѣдство. Тюфячишка хоть и дрянной, а все на немъ мягче спать, чѣмъ на голыхъ доскахъ, да и примѣта хорошая.

— «Все менѣе полтинника не взяли бы за этакой тюфякъ,» сказала кормилица, разстилая на крова-

Digitized by Google

ти Бориса Алексѣевича. Между тѣмъ нашъ молодой человѣкъ оставя думать, и о нищей, и о тюфякѣ, помышлялъ съ восторгомъ о томъ, что ежели дворникъ говорилъ ему правду, то онъ сдѣлается у Платона Ивановича домашнимъ человѣкомъ и Лизанька будетъ безпрестанно на глазахъ у него. Борисъ Алексѣевичъ не могъ удержаться, чтобъ не заговорить съ кормилицею на счетъ Платона Ивановича, а потомъ и семейства его, въ томъ числѣ разумѣется и объ Лизанькѣ. Кормилица превозносила до небесъ доброту всей семьи, а свою Лизаньку ужъ незнала съ чѣмъ и сравнить: и красавица-то она неописанная, и доброты-то она ангельской, и заключила рѣчь тѣмъ, что пошли Господи Лизаветѣ Платоновнѣ жениха добраго, молодаго, красавца, знатнаго и милліонщика. Борисъ Алексѣевичъ невольно вздохнулъ: кромѣ первыхъ двухъ качествъ, онъ не имѣлъ ничего прочаго, чтобы сдѣлаться мужемъ Лизанькинымъ, какого молила ей у Бога кормилица.

— «А что, сватаются за нее женихи?» спросилъ съ сердечнымъ страхомъ Борисъ Алексѣевичъ кормилицу.

— «Мало-ли:—вѣдь за ней однихъ денегъ двадцать тысячь. Надысь какой-то молодой чиновникъ сватался; три тысячи въ годъ получаетъ и вишъ красавецъ изъ себя; сваха всѣ пороги обила у нихъ. Да Платонъ-то Ивановичъ и слышать не захотѣлъ; на отрѣзъ сказалъ, что не отдастъ за него, говоритъ: много ли три тысячи въ годъ, когда окромя этого у него никакого имѣнія нѣтъ.»

Глубоко, глубоко вздохнулъ Борисъ Алексѣевичъ и подумалъ: зеленъ этотъ виноградъ для меня: скоро ли я и три-то тысячи буду получать, а имѣнья-то мнѣ взять неоткуда. Нечего и думать объ Лизанькѣ; а все никто, какъ Богъ. Не посылаетъ ли Онъ мнѣ на первомъ же шагѣ моемъ въ Москву успѣхъ во всемъ: влюбился я нечаянно въ хорошенькую барышню и что же:—мнѣ Богъ послалъ квартиру у ея кормилицы и, кажется навѣрное, мѣсто у ея отца; не на чемъ

Digitized by Google

бы спать было мнѣ нынѣшнюю ночь, а завтра надобно бъ изъ малыхъ денегъ моихъ покупать тюфякъ, а Богъ послалъ мнѣ нынче же и тюфякъ.

Такъ-какъ до ночи еще оставалось нѣсколько часовъ, то Борисъ Алексѣевичъ сходилъ въ Ямскую, гдѣ былъ пожаръ и отыскалъ извощиковъ, съ которыми пріѣхалъ въ Москву. Повидавшись съ ними и простясь, онъ нарочно прошелъ по другой сторонѣ мимо дома Бураковой. Ставни еще не были закрыты, только что подали свѣчи и Борисъ Алексѣевичъ увидѣлъ въ профиль Лизаньку: она сидѣла въ залѣ за роялью, на которой по сторонамъ нотъ, горѣли двѣ свѣчи въ прекрасныхъ подсвѣчникахъ. Убранство залы и прочихъ комнатъ показывало ясно, что Платонъ Ивановичъ живетъ не только изобильно, но можно сказать, роскошно. Масляныя картины, въ богатыхъ, блестящихъ, золотыхъ рамахъ, чудесно расписанныя стѣны и потолокъ, глянцовитая мебель, люстры покрытыя бѣлыми прозрачными чехлами, канделабры, бронза новаго фасона, все это шло одно къ другому и обнаруживало, что комнаты эти людей со вкусомъ. Остановившись на минуту и любуясь Лизанькою, Борисъ Алексѣевичъ внималъ стройнымъ звукамъ роли, проникавшимъ чрезъ окны на улицу.

«Долго стоять не годится: пожалуй замѣтятъ меня,» подумалъ Борисъ Алексѣевичъ, и хотѣлъ отправляться домой. Онъ былъ счастливъ: онъ опять видѣлъ Лизаньку, и она среди роскошной обстановки еще болѣе понравилась ему. «Хоть тресни,» думалъ Борисъ Алексѣевичъ, «а скоро не наживешь столько денегъ, чтобы выдали за меня Лизаньку: ее отдадутъ за такого, чтобы она жила не хуже чѣмъ у отца.»

«Поусердствуйте на Храмъ Божіей Матери, Нечаянной Радости, что воздвигается въ Смоленской Губерніи,» вдругъ проговорилъ однообразнымъ, особеннымъ голосомъ, подошедшій къ Борису Алексѣевичу сѣдой старичекъ въ черной скуфейкѣ, поднесшій къ нему, какъ тарелку переплетъ книжки.

Борисъ Алексѣевичъ перекрестился, вынулъ мѣдную гривну и положилъ на книжку.

Digitized by Google

«Пресвятая Владычица! пошли вамъ нечаянную радость,» проговорилъ старичекъ, поклонясь Борису Алексѣевичу и удалился отъ него.

«Радость, которую нечаянно посылаетъ Владычица!» подумалъ Борисъ Алексѣевичъ: «и можно ли послѣ этаго думать, что Лизанька не можетъ быть моею женою. Нашъ Протопопъ говорилъ же: только живи человѣкъ по Закону Божію, да трудись! такъ у Бога милостей много.« Но вотъ звуки замолкли, Лизанька встала изъ за рояли и подошла къ окну выходящему на улицу. Увидавъ это, Борисъ Алексѣевичъ, котораго бросило въ жаръ, поспѣшно пошелъ прочь, чтобы не замѣтила его Лизанька. Въ воображеніи его такъ и представлялась она подходящая къ окошку. Эта обнаженная шейка и бѣлыя, полненькія, круглыя ручки, открытыя короткими рукавами темнаго платья; чудная талія и колеблющіеся напереди локоны свѣтлорусыхъ волосъ, совершенно вскружили голову моему герою. Когда пробираясь домой, онъ вошелъ на вершину однаго горнаго переулка, съ которой открывалась пространная часть Москвы, то увидѣлъ безчисленные огоньки, разсыпанные, какъ по небу звѣздочки, по обширной Москвѣ, объятой темной осенней ночью; опять вдохновился онъ, видя, въ первый разъ въ жизни, эту ночную картину древней столицы Русскаго Царства. Снова, какъ бы выросъ онъ внутренними силами, и въ упоительной надеждѣ, что Лизанька будетъ его женою, пришелъ домой. Тутъ онъ долженъ былъ невольно познакомиться съ товарищами своими по комнатѣ. Это знакомство должно бъ было произвести самое непріятное чувство въ душѣ молодаго человѣка, тѣмъ болѣе, что табачникъ, вопреки хорошей рекомендаціи кормилицы, былъ очень и очень хмѣленъ и много глагольствовалъ. Но въ первыхъ годахъ молодости полной надеждъ, нищета и легкое униженіе, которыми испытываетъ судьба нѣкоторыхъ молодыхъ людей, не убиваютъ надеждъ въ нихъ, но еще болѣе воспламеняютъ эти надежды и даже доставляютъ собою молодцоватое удовольствіе молодому человѣку. Онъ думаетъ: «нужды нѣтъ, что я бѣденъ,

Digitized by Google

унижень; это все скоро кончится: я на удивленіе всѣхъ вдругъ сдѣлаюсь богатъ и высоко возвышусь въ обществѣ. Тоже самое чувствовалъ и думалъ Борисъ Алексѣевичъ теперь, среди чернаго общества своихъ сотоварищей. Помолясь по скорости Богу, онъ легъ, и мечтая все объ Лизанькѣ, заснулъ на своемъ наслѣдственномъ тюфякѣ.

ГЛАВА IV.

Борисъ Алексѣевичъ былъ разбуженъ часовъ въ шесть утра шумомъ поднявшихся товарищей. Торговцы, забравъ товаръ свой, отправились въ трактиръ въ складчину пить чай; старуха же торговка поставила себѣ самоваръ и предложила Борису Алексѣевичу горячей воды. Онъ отозвался неимѣніемъ чаю и сахару. Торговка вызвалась сходить въ лавочку купить ему на напойку того и другаго на пятакъ серебра. Борисъ Алексѣевичъ попросилъ ее объ этомъ, да велѣлъ захватить и калачъ. Напившись съ старухою чаю, нашъ молодой человѣкъ одѣлся по вчерашнему во фракъ, и отправился къ Платону Ивановичу.

Я не стану утомлять васъ, читатель, разсказомъ о жизни Платона Ивановича: жизнь его была очень обыкновенная. Мелкій дворянинъ, онъ дослужился довольно значительнаго мѣста и женился на купчихѣ съ хорошимъ приданымъ. У Платона Ивановича были на имя жены два каменныхъ дома. Они находились на бойкихъ мѣстахъ Москвы и приносили хорошій доходъ. Ни въ одномъ изъ своихъ домовъ Платонъ Ивановичъ не жилъ потому, что привыкъ къ квартирѣ Бураковой; онъ нѣсколько разъ предлагалъ ей продать ему домъ этотъ, но Матрена Ипатьевна не соглашалась на это. Средній ростъ, ровное сложеніе, черные волосы съ просѣдью, лице немного рябоватое, форменный фракъ, два ордена: на шеѣ и въ петлицѣ,

Digitized by Google

привычка держать себя всегда чрезвычайно прямо, немного подняв голову, или какъ говорятъ живописно простолюдины — вздернувъ носъ, большія золотыя очки во время чтенія или письма; вотъ наружность и почти всегдашній костюмъ пятидесятилѣтняго Платона Ивановича. Неутомимый дѣлецъ по службѣ, искательный въ старшихъ, строго взыскивающій съ подчиненныхъ въ дѣлѣ, но внѣ дѣлъ добрый и ласковый съ ними, онъ былъ въ домашней жизни настоящій глава семейства. Изъ всего этого читатель долженъ заключить, что Платонъ Ивановичъ былъ человѣкъ очень хорошій и притомъ полезный членъ общества. Но, можетъ быть, вы думаете, что, такъ-какъ мы всѣ человѣки, всѣ люди; то трудно чтобы и Платонъ Ивановичъ не имѣлъ какой-нибудь слабости, напримѣръ: къ горячимъ напиткамъ или къ чему нибудь другому. Ваша правда, и за нимъ водилась слабость, ежели въ нашъ вѣкъ можно назвать ее слабостью,—это *деньголюбіе*.—Человѣка безъ денегъ онъ почиталъ существомъ ничтожнымъ. Впрочемъ Платонъ Ивановичъ не былъ скупъ: онъ жилъ прекрасно; имѣлъ повара, лакея, мальчика, кучера и нѣсколько женской прислуги. Эта послѣдняя прислуга принадлежала женѣ его Варварѣ Семеновнѣ и дочери Лизанькѣ. Варвара Семеновна была женщина добрая и разсудительная; Лизанька чрезвычайно походила на нее лицемъ, только была немного ниже ростомъ. Супруга Платона Ивановича была дочь купца. Оставшись десятилѣтней сиротою послѣ матери, она была отдана отцомъ въ Александровскій Институтъ. Года черезъ три по выходѣ ея изъ Института, отецъ выдалъ ее съ хорошими деньгами за мужъ за Платона Ивановича, которому тогда было не болѣе тридцати лѣтъ. Онъ служилъ въ то время въ Сенатѣ. Отецъ Варвары Семеновны чрезъ два года послѣ этого умеръ, и она, какъ единственная наслѣдница получила еще тысячь пятьдесятъ ассигнаціями послѣ родителя. Въ слѣдствіе разныхъ происхожденій супруговъ, образъ жизни родителей Лизанькиныхъ былъ смѣсью дворянскаго съ купеческимъ. Лизанькѣ только-что минуло шестнадцать лѣтъ, когда она вышла изъ

Digitized by Google

пансіона, мѣсяца за три до пріѣзда Бориса Алексѣевича въ Москву. Старшая дочь Платона Ивановича была уже лѣтъ пять выдана за довольно богатаго человѣка, природнаго дворянина, служившаго въ Сенатѣ Секретаремъ. Брату Лизанькину — Сашенькѣ было еще только одиннадцать лѣтъ и онъ учился въ тогдашнемъ Благородномъ Пансіонѣ. Я не стану описывать комнаты Платона Ивановича: читатели, видѣвшіе съ Борисомъ Алексѣевичемъ въ окно убранство парадныхъ комнатъ, могутъ представить по нихъ и всѣ прочія. Лизанька жила въ мизонинѣ, вмѣстѣ съ пожилою теткою своею, двоюродною сестрою Платона Ивановича, которая занимала въ домѣ должность экономки. По праздникамъ и на вокаціи жилъ съ ними на верху и Сашенька.

Входя на парадное крыльцо квартиры Платона Ивановича, Борисъ Алексѣевичъ почувствовалъ жаръ и радостное біеніе сердца, при мысли, что онъ сейчасъ вступитъ въ жилище Лизанькино. Робко позвонилъ онъ въ колокольчикъ; чисто одѣтый, въ синемъ казакинѣ, мальчикъ, лѣтъ пятнадцати, отперъ ему дверь и спросилъ его: «кого вамъ надо?»

— «Платонъ Ивановичъ дома,» проговорилъ Борисъ Алексѣевичъ.

— «Дома, да занятъ,» отвѣчалъ козачекъ.

— «Хозяйка здѣшняго дома Матрена Ипатьевна велѣла мнѣ, по приказанію Платона Ивановича, придти къ нему нынче утромъ,» сказалъ Борисъ Алексѣевичъ.

— «А какъ объ васъ доложить ему?

«Да такъ и доложи: присланъ Матреною Ипатьевною по его приказу.»

Козачекъ опять заперъ на крючекъ дверь и оставя Бориса Алексѣевича одного въ передней, пошелъ на право въ коридоръ, изъ котораго была дверь въ кабинетъ Платона Ивановича. Нашъ молодой человѣкъ присѣлъ на чистый, лакированный подъ дубъ конникъ и сталъ смотрѣть въ залу, которую убиралъ лакей. Взоръ Бориса Алексѣевича всего болѣе устремлялся къ закрытой роялѣ, на которой лежало нѣсколько

Digitized by Google

нотъ. Не смотря на униженное явленіе свое въ домѣ Лизанькиномъ, Борисъ Алексѣевичъ чувствовалъ необыкновенную отраду въ душѣ. Козачекъ чрезъ минуту вышелъ изъ кабинета и сказалъ Борису Алексѣевичу, что баринъ велѣлъ ему подождать немного; «Платонъ Ивановичъ занятъ бумагами,» прибавилъ мальчикъ отъ себя шепотомъ.

Съ часъ дожидался въ передней Борисъ Алексѣевичъ:—то сидѣлъ онъ на конникѣ, то тихо прохаживаясь по ней, посматривалъ въ залу и въ коридоръ, изъ котораго вела лѣстница на верхъ, гдѣ жила Лизанька, какъ узналъ онъ вчера между разговоромъ отъ ея кормилицы. Но вотъ наконецъ съ верху сошла въ коридоръ тетка Лизанькина, гремя мелкими ключиками, которые держала въ рукѣ. Она пошла въ столовую, куда лакей пронесъ по коридору модный самоваръ.— Вскорѣ за тѣмъ послышался съ верху голосъ Лизанькинъ; она кликала къ себѣ Парашку. Борисъ Алексѣевичъ просто блаженствовалъ, не смотря на то, что дожидался цѣлый часъ въ передней. Невольно нѣсколько разъ онъ посматривалъ на себя въ небольшое зеркало, висѣвшее въ передней, и поправлялъ рукою волосы свои и платье.

Наконецъ вышелъ изъ кабинета прямо въ переднюю Платонъ Ивановичъ, уже почти совсѣмъ одѣтый, даже и съ орденомъ на шеѣ, но только еще въ ваточномъ, темномъ, матерчатомъ халатѣ. Приподнявъ золотыя очки на лобъ, онъ устремилъ на Бориса Алексѣевича выразительные каріе глаза и спросилъ его: «Про тебя, братецъ, говорила мнѣ Матрена Ипатьевна?»

— «Точно такъ,» отвѣчалъ Борисъ Алексѣевичъ.

Платонъ Ивановичъ, не приглася его въ залу, сталъ тутъ же въ передней стоя распрашивать его: кто онъ такой, откуда, гдѣ учился и что онъ хочетъ дѣлать въ Москвѣ. Будучи доволенъ отвѣтами Бориса Алексѣевича и какъ-то невольно расположась къ его физіономіи, онъ объявилъ ему, что можетъ постараться въ скоромъ времени помѣстить его въ Присутственное мѣсто, въ которомъ служитъ самъ, а теперь пока,

Digitized by Google

ежели хочетъ Борисъ Алексѣевичъ, то онъ возметъ его къ себѣ на мѣсяцъ къ разборкѣ одного частнаго дѣла, изъ котораго надо сдѣлать много выписокъ. За труды эти онъ обѣщался заплатить ему, что будетъ слѣдовать.

Борисъ Алексѣевичъ, разумѣется, съ большою охотою согласился на это предложеніе.

Платонъ Ивановичъ объявилъ нашему молодому человѣку, чтобы онъ являлся къ нему въ осьмомъ часу утра и былъ бы у него до десятаго часа вечера; обѣдать и пить чай онъ будетъ здѣсь у него.

Разговоръ Платона Ивановича съ Борисомъ Алексѣевичемъ былъ прерванъ Лизанькою, сшедшею съ верху. Она была въ шерстяномъ вишневомъ платьицѣ. Нѣжный румянецъ и необыкновенная свѣжесть лица показывали, что она недавно умылась. — Лизанька поцѣловала руку у отца, который цѣлуя ее въ голову, ласково сказалъ:

— «Что ты такъ рано поднялась нынче Лизанька?»

— «Ко мнѣ скоро будетъ фортепьянный учитель,» проговорила Лизанька, нѣжнымъ, привлекательнымъ голосомъ, и пристально взглянула на Бориса Алексѣевича.

Нашъ молодой человѣкъ едва устоялъ на мѣстѣ, когда его черные, полные электричества глаза встрѣтились съ голубенькими, какъ Іюньскіе васильки, глазками Лизаньки, полными нѣжности и наивнаго чувства.

Лизанька не вынесла взора Бориса Алексѣевича, опустила глазки, вся вспыхнула, и пошла въ столовую. Платонъ Ивановичъ снова заговорилъ было съ Борисомъ Алексѣевичемъ, но не успѣлъ сказать и трехъ словъ, какъ зазвонилъ въ передней колокольчикъ. Лакей поспѣшно отперъ дверь, и въ переднюю влѣзъ какой-то тузъ-купецъ съ бородою, въ синей ваточной чуйкѣ.

— «А! Василій Максимовичъ,» сказалъ Платонъ Ивановичъ, обратясь къ купцу, и потомъ скоро прогово-

Digitized by Google

ривъ Борису Алексѣевичу:— «такъ завтра приходите; въ семь часовъ утра я встаю.»

Между тѣмъ лакей снялъ чуйку съ купца и онъ, обмахнувъ рукою посѣдѣлую бороду и усы, сказалъ, подходя къ Платону Ивановичу: «здоровы ли вы, батюшка Платонъ Ивановичъ.»

Отецъ Лизанькинъ дружески пожалъ Василья Максимовича за жирную руку и повелъ въ кабинетъ.

Борисъ Алексѣевичъ, вышедши отъ Платона Ивановича, счелъ за нужное зайдти къ Матренѣ Ипатьевнѣ, поблагодарить ее за рекомендацію.

— «Не стоитъ благодарности, Борисъ Алексѣевичъ, сказала хозяйка: я вчерась же утромъ встрѣтила самого Платона Ивановича, какъ онъ садился ѣхать въ судъ.... да что и толковать объ этихъ пустякахъ: я чай онъ вамъ обѣщалъ мѣсто, онъ человѣкъ предобрѣйшій, кого хотите спросите, коли мнѣ не вѣрите. Скажите-ка скорѣй мнѣ, отдалъ ли вчера вамъ мой дворникъ тюфякъ-то полоумной Аксиньюшки.«

— «Какъ же, отдалъ,» отвѣчалъ Борисъ Алексѣевичъ.

— «То-то же. Ну, слава Богу, а то всю ночь не спала, думаю, какъ бросилъ его куда нибудь, да совралъ мнѣ, что вамъ отдалъ, такъ пожалуй, чего добраго, ночью мертвая Аксиньюшка придетъ. Этакіе примѣры-то, говорятъ, бывали. Ишъ побожилась, говоритъ Ефимъ; коль не отдадимъ вамъ эту дрянь, такъ покоя намъ по ночамъ не дастъ. И умирать-то стала, какъ была полоумная, такъ и не нашла на разумъ. Я послала ей кой-что на похороны. Вотъ хорошо, что я отъ себя спроводила ее, сердце мое почуяло, что она умретъ, теперь бы возись я съ покойницею. И то, не повѣрите, я нынѣче всю ночь не спала. Вотъ знаете, что ночью стукнетъ, бестія кошка вспрыгнетъ, а меня такъ всю въ жаръ и броситъ: думаю Аксиньюшка пришла съ того свѣта. Всю ночь свѣча у насъ въ мѣдномъ тазу горѣла.»

Борисъ Алексѣевичъ, выслушавъ Матрену Ипатьевну, сообщилъ ей, что Платонъ Ивановичъ взялъ

Digitized by Google

его на мѣсяцъ къ себѣ, а потомъ далъ слово постараться помѣстить въ то Присутственное мѣсто, въ которомъ служитъ самъ.

— «Ну и слава Богу, сказала Матрена Ипатьевна. «Вотъ теперь мы съ вами каждый день будемъ видаться. Заходите когда и къ намъ отъ Платона Ивановича чаю накушаться.»

Въ продолженіе этого разговора Борисъ Алексѣевичъ видѣлъ, чрезъ неплотно притворенную дверь, въ сосѣдней комнатѣ обѣихъ дочерей Матрены Ипатьевны. Онѣ были еще въ утреннихъ шлафоркахъ. Улыбаясь и шепча другъ съ другомъ, часто посматривали на него изъ бока.

Простясь съ Матреною Ипатьевною, Борисъ Алексѣевичъ отправился домой. Проходя по двору мимо окошекъ Платона Ивановича, нашъ молодой человѣкъ для приличія не посмотрѣлъ на нихъ ни разу, но только что онъ вышелъ за ворота, какъ его догналъ козачекъ Платона Ивановича и сказалъ: «барышня велѣла васъ попросить прислать къ ней завтра ея кормилицу: зачѣмъ-то ее нужно барышнѣ.»

— Непремѣнно пришлю,» проговорилъ Борисъ Алексѣевичъ. Это порученіе было страхъ пріятно ему: оно, какъ бы короче сближало его съ Лизанькою, показывая притомъ, что она ужъ знаетъ, гдѣ онъ нанялъ квартиру себѣ.

«И нынѣшній день мнѣ пресчастливый,» съ восторгомъ думалъ нашъ молодой человѣкъ, идя домой: — «счастье такъ мнѣ и улыбается во всемъ. Что за дѣло, что я еще бѣденъ, какъ разъ буду и богатъ: у Бога милостей много!»

Остальное время этого дня Борисъ Алексѣевичъ опять посвятилъ на осмотръ Москвы. Онъ обходилъ Городъ. Тамъ встрѣтилъ извощиковъ, привезшихъ его въ Москву; они накладывали изъ рядовъ на телѣги товары, чтобы везти ихъ въ свой городъ купцамъ. Потомъ нашъ молодой человѣкъ былъ на Кузнецкомъ мосту, на бульварахъ и осмотрѣлъ многія улицы, въ томъ числѣ и Тверскую. Всюду многолюдство и бо-

Digitized by Google

татство поражали взоръ Бориса Алексѣевича, и онъ видѣлъ, что въ сравненіи съ другими частями Москвы, Платонъ Ивановичъ живетъ въ самой скромной и тихой. Но сторона эта съ Лизанькою казалась нашему молодому человѣку привлекательнѣе самыхъ многолюдныхъ и богатыхъ частей Москвы.

Возвратясь домой, Борисъ Алексѣевичъ весь вечеръ проговорилъ съ кормилицею объ семействѣ Платона Ивановича, въ томъ числѣ, разумѣется, касался и Лизаньки. Словоохотливая кормилица подняла всю старину: разсказала, какъ еще кормила Лизаньку и какая хорошенькая была она и маленькая. Разъ десять, почти съ бажбою, увѣряла кормилица, какъ сильно любятъ она и дочь ея Лизавету Платоновну, что Лизанька дороже имъ жизни ихъ. Кормилица была очень рада, что Платонъ Ивановичъ взялъ Бориса Алексѣевича къ себѣ и говорила: «Угодите только Платону Ивановичу, такъ увидите, какой онъ добрѣйшій человѣкъ. Вотъ и мнѣ пенсію положилъ: двадцать пять рублей въ годъ получаю, а праздники, да именины не въ зачетъ, да и такъ-то рѣдко съ пустыми руками отпускаютъ меня. Либо самъ онъ что нибудь изволитъ пожаловать, либо барыня, а когда не они, то моя голубушка Лизавета Платоновна, истинно—рѣдко ухожу отъ нихъ съ пустыми руками. Пошли имъ Господи всего, чего они у Него просятъ,» прибавила кормилица набожно посмотря въ уголъ на икону.

ГЛАВА V.

Содержаніе этой главы самая трудная вещь для повѣствователя, который захочетъ хотя нѣсколько поддержать драматизмъ своего сочиненія. Глава эта должна заключать въ себѣ время не одинъ день, а нѣсколько мѣсяцевъ, въ которые не произошло никакихъ замѣчательныхъ по наружности происшествій, но за то было много внутреннихъ.—Тутъ дай Богъ, неутомя читателя, пересказать самому, не только что

Digitized by Google

выводить на сцену однообразныя по наружности дѣйствія лицъ повѣсти. Не люблю я писать такихъ главъ, но, дѣлать нечего, нельзя обойтись безъ этого и потому потрудитесь выслушать.

На другой день Борисъ Алексѣевичъ, напившись опять съ старухою чаю, въ семь часовъ утра уже былъ у Платона Ивановича въ его кабинетѣ. Отецъ Лизанькинъ, какъ мы уже знаемъ, занимался разборкою какого-то большаго частнаго дѣла, изъ котораго надобно было сдѣлать много выписокъ; за нихъ-то онъ и посадилъ Бориса Алексѣевича въ сосѣдней съ кабинетомъ комнаткѣ, куда велѣлъ принести столъ, на которомъ писать. Незная еще коротко Бориса Алексѣевича и не имѣя ни отъ кого ручательства въ его хорошихъ правилахъ, онъ поопасса оставлять безъ себя въ своемъ кабинетѣ человѣка, съ которымъ только что сошелся.

Эта комната была рядомъ съ столовою, гдѣ пили чай и обѣдали по будиямъ безъ гостей. Занимаясь выписками, Борисъ Алексѣевичъ съ перваго же дня сталъ много разъ на дню видать Лизаньку, то въ столовой, то въ коридорѣ, а вечеромъ, когда онъ отправлялся домой, то почти постоянно видалъ ее въ залѣ за роялью или прохаживающуюся съ гостями, а чаще всего съ дочерьми хозяйки.—Онъ слышалъ нѣсколько разъ въ день прекрасную игру Лизанькину на роялѣ и писалъ подъ эти звуки. Когда же на второй день вечеромъ, онъ услышалъ ея, хотя не сильное, но чистое и нѣжное, вполнѣ женственное—пѣніе, полное чувства; то любовь къ ней еще болѣе воспламенилась въ груди его. Лизанька постоянно пѣла тогдашніе модные романсы, въ томъ числѣ и Пушкина, только что входившіе въ моду. Первые дни, обѣдать и пить чай подавали Борису Алексѣевичу къ нему; но потомъ Платонъ Ивановичъ сталъ приглашать его обѣдать съ ними за семейнымъ столомъ, а Варвара Семеновна начала звать его вечеромъ пить чай въ столовую, гдѣ Лизанька въ кругу семьи своей наливала чай. Вся эта добрая семья полюбила Бориса

Digitized by Google

Алексѣевича. Платонъ Ивановичъ чувствовалъ къ нему какое-то особенное расположеніе въ душѣ, какъ будто къ давно знакомому, доброму и умному человѣку. Будучи очень доволенъ работою Бориса Алексѣевича, отецъ Лизанькинъ обѣщался поставить его по службѣ на такую дорогу, на которой онъ прилежно трудясь, займетъ лѣтъ чрезъ десять значительную должность и въ то время можетъ выгодно жениться: тогда за него отдадутъ невѣсту хорошую, съ значительными деньгами. — Нашему молодому человѣку этотъ срокъ былъ не по-нутру: онъ хотѣлъ бы жениться теперь же и именно на Лизанькѣ, къ которой все болѣе и болѣе привязывался всею душою. Не мало подлила масла въ пламень любви его кормилица, своей болтовнею, когда возвращалась изъ дому Платона Ивановича, куда ходила довольно часто. То говорила она нашему влюбленному, что Лизанькѣ нравятся глаза у него, то Лизанька любуется на его волосы, то она говоритъ, что голосъ у него пріятный и что наконецъ Лизанька проговорилась ей, что просто Борисъ Алексѣевичъ очень хорошъ изъ себя, и какъ жалко, что онъ бѣденъ. — Борисъ Алексѣевичъ уже работалъ у Платона Ивановича съ мѣсяцъ, и давно нанялъ у кормилицы особенную комнатку, послѣ старика отставнаго чиновника, помѣщеннаго въ богадѣльню—когда однажды кормилица воротясь отъ Платона Ивановича, проговорила съ улыбкою, къ рѣчи, Борису Алексѣевичу на ухо: «моя Лизавета Платоновна просто влюбилась въ васъ: какъ приду къ ней, да останемся одни, такъ только у ней и рѣчей, что все про васъ разспрашиваетъ. Вотъ, Борисъ Алексѣевичъ, еслибъ вы были на хорошемъ мѣстѣ, да имѣли состояніе, я просто скажу, Лизаньку выдали бы за васъ обѣими руками. Самъ Платонъ Ивановичъ намекалъ на это, говоря, что вы человѣкъ отличный, природный дворянинъ, да и въ чины большіе выслужитесь вы; одно, говоритъ, жалко, что у васъ нѣтъ никакого состоянія, а то-бы можно за васъ каждому отдать дочь. И барыня-то хвалитъ не нахвалитъ васъ: и скромной-то, говоритъ, такой, словно красная дѣвушка, и умница этакой—по-

Digitized by Google

говоритъ, вишъ, съ вами пріятно. — Эта рѣчь кормилицы приводила въ восторгъ нашего влюбленнаго молодаго человѣка. Онъ и самъ замѣчалъ, что Лизанька не равнодушна къ нему: когда онъ прежде подходилъ къ столу брать изъ рукъ ея чашку съ чаемъ, то Лизанька подавая ему ее, весело смотрѣла при всѣхъ прямо ему въ глаза; но къ концу мѣсяца, она стала подавать ему чашку опустя глаза на подносъ и не много зарумянясь, что могъ примѣтить только одинъ влюбленный, внимательный къ каждому движенію ея, Борисъ Алексѣевичъ. Когда принимая изъ рукъ ея чашку, онъ нечаянно касался пальчиковъ Лизанькиныхъ, то чашка невольно слегка тряслась въ рукѣ его, а хорошенькая ручка Лизанькина не такъ ровно наливала чай въ слѣдующія чашки. По началу узнавъ отъ Бориса Алексѣевича, что онъ хорошо списываетъ ноты, Лизанька раза два свободно относилась къ нему съ просьбою списать кой-какія нужныя ей ноты; но потомъ она съ небольшимъ замѣшательствомъ стала часто просить его списывать и ненужныя для нее ноты. Въ концѣ мѣсяца Лизанька совсѣмъ перестала смотрѣть ему въ глаза, даже говоря съ нимъ, и только иногда взглядывала вскользь въ глаза ему, разговаривая съ другими, и эти взгляды ея были полны души и электричества и врѣзывались глубоко въ душу влюбленнаго молодаго человѣка. Какъ терзался онъ ревностію, когда пріѣзжали къ Платону Ивановичу въ гости знакомые молодые люди одѣтые по послѣдней модѣ, и обращались съ Лизанькою, какъ съ ровной имъ по состоянію. — Въ особенности же ревность переполняла душу его, когда бывали вечеромъ танцы и Лизанька съ кѣмъ нибудь изъ этихъ молодыхъ людей носилась въ живомъ вальсѣ; или въ то время, когда она пѣла, а подлѣ нее стоялъ кто нибудь изъ нихъ и напѣвалъ ей на ушко комплименты. Все это видѣлъ Борисъ Алексѣевичъ, когда по окончаніи работы уходилъ вечеромъ домой и противъ воли останавливался на нѣсколько минутъ въ передней, чтобы полюбоваться на Лизаньку или насладиться ея голосомъ. Не модно сшитое, полуизношенное платье Бориса

Digitized by Google

Алексѣевича много убавляло природной красоты его, при сравненіи съ этими молодыми людьми, которые были хотя и хуже его лицемъ, но зато одѣты щегольски. Впрочемъ влюбленная въ него Лизанька облагораживала и одежду его и въ дѣвственныхъ мечтахъ своихъ воображала его разодѣтымъ по послѣдней модѣ. Отчего влюбилась въ него Лизанька? — Оттого, что она еще никого не любила въ жизнь свою, — въ лицѣ Бориса Алексѣевича встрѣтила что-то родное душѣ ея, и онъ первый молодой человѣкъ, хотя и бѣдный, но благородный и образованный, былъ часто на глазахъ у ней, и чрезъ это близокъ къ ней. — Лизанькѣ было, какъ мы сказали, шестнадцать лѣтъ, а эти годы у дѣвушки, подобной Лизанькѣ — пара, для любви, — только поднесите огонь, то есть приблизьте хорошенькаго молодаго человѣка къ ней, и первая любовь вспыхнетъ въ дѣвушкѣ, не разсуждая, можетъ ли быть одобрена или нѣтъ со стороны тѣхъ, отъ кого зависитъ участь столь молодой дѣвушки. Она любитъ и тогда, когда ясно видитъ, что невозможно ей соединить жизнь свою съ жизнію милаго человѣка. Такъ любила и моя Лизанька. Борисъ Алексѣевичъ нѣсколько познакомился и съ замужней сестрой Лизанькиной, пріѣзжавшей въ каретѣ раза два въ недѣлю къ родителямъ. Она была брюнетка и походила лицемъ на отца. — Съ ней иногда пріѣзжалъ и мужъ ея. Богатая обстановка жизни старшей сестры Лизанькиной еще болѣе показывала Борису Алексѣевичу невозможность жениться ему на Лизанькѣ. Единственно изъ любви къ ней, Борисъ Алексѣевичъ подружился съ братомъ ея Сашенькою, въ то время какъ онъ пріѣзжалъ изъ пансіона домой. Сашенька очень походилъ лицемъ на Лизаньку и это еще болѣе привлекало къ нему нашего влюбленнаго молодаго человѣка. Борисъ Алексѣевичъ растолковывалъ Сашенькѣ уроки и нерѣдко списывалъ для него учебныя тетрадки. — Тяжко было растоваться влюбленному Борису Алексѣевичу съ домомъ Платона Ивановича, когда чрезъ мѣсяцъ кончилась разборка дѣла, и Платонъ Ивановичъ поблагодарилъ его за прилежные труды. Въ продолженіе мѣ-

Digitized by Google

сяца, Борисъ Алексѣевичъ забралъ за труды у Платона Ивановича сорокъ рублей, которые и были истрачены въ продолженіе того времени на содержаніе. Теперь Платонъ Ивановичъ далъ ему еще шестьдесятъ рублей и велѣлъ ему подать прошеніе о мѣстѣ въ то Присутственное мѣсто, гдѣ служилъ самъ Платонъ Ивановичъ. Чрезъ двѣ недѣли послѣ этого Борисъ Алексѣевичъ поступилъ на службу, о чемъ и было послано на утвержденіе къ высшему начальству. На деньги, полученныя отъ Платона Ивановича, нашъ молодой человѣкъ купилъ себѣ на толкучемъ рынкѣ вицъ-мундирную пару. Она была только слегка поношена и сшита точно нарочно на Бориса Алексѣевича, потому онъ и казался въ ней гораздо лучше нежели въ своемъ городскомъ синемъ фракѣ. Страшно ныло тоскою сердце Бориса Алексѣевича по Лизанькѣ, которую онъ не могъ видѣть ни разу въ продолженіи двухъ недѣль. Онъ находилъ отраду только въ томъ, что иногда проходилъ мимо дома Платона Ивановича, да всякій день толковалъ про Лизаньку съ кормилицею ея. По началу кормилица болтала ему не разъ, что Лизанька говоритъ, что безъ него стало скучно у нихъ, и все распрашиваетъ кормилицу, здоровъ ли онъ, веселъ ли?

—«А я,» прибавляла кормилица засмѣясь, «говорю ей: какой веселъ, все по тебѣ скучаетъ.» — Поступя на службу и нарядясь въ вицъ-мундирную пару, Борисъ Алексѣевичъ счелъ приличнымъ явиться въ воскресенье, въ осьмомъ часу утра, къ Платону Ивановичу на домъ, поблагодарить за опредѣленіе на службу, а главное увидать Лизаньку. Платонъ Ивановичъ по старому пригласилъ его въ столовую пить съ ними чай. Лизанька еще не была въ столовой; чай наливала тетка. Но чрезъ полчаса пришла и Лизанька, одѣтая въ прекрасное, кашемировое, розовое, съ зеленами мушками платье; она была совсѣмъ готова ѣхать съ матерью къ позднѣй обѣднѣ.—Борисъ Алексѣевичъ, съ бьющимся сердцемъ нетерпѣливо ждавшій этой минуты, почувствовалъ, что его всего бросило въ жаръ, когда онъ, сидѣвшій у стѣны, всталъ съ чаш-

Digitized by Google

кою въ рукѣ и поклонился вошедшей Лизанькѣ. Она невольно зарумянилась и, съ сильно забившимся сердцемъ, кивнула съ улыбкою головкой на поклонъ Бориса Алексѣевича, и сѣла къ столу пить чай. Въ новомъ нарядѣ Борисъ Алексѣевичъ показался Лизанькѣ еще милѣе. Она по прежнему искоса бросила на него нѣсколько взоровъ, но теперь отъ двухъ-недѣльной разлуки въ этихъ взорахъ было еще болѣе выраженія любви.

Волшебное время—вы первые года молодости: существенность не почемъ для вашихъ пламенныхъ мечтаній! Къ чему Борисъ Алексѣевичъ влюбился въ Лизаньку?—Къ чему она влюбилась въ него?—Конечно любовь дѣло невольное. но для чего же, когда она еще не совсѣмъ разгорѣлась, не старались они затушить ее, вмѣсто того, что бы раздувать въ сладко томительное пламя, которое наконецъ безнадежностію будетъ страшно терзать сердца влюбленныхъ. Ну ужъ подлинно посчастливилось въ Москвѣ Борису Алексѣевичу: только ступилъ онъ въ нее, и тотчасъ же влюбился въ чудную барышню, бракъ съ которой для него, въ настоящемъ его положеніи — волшебная сказка мечты, несбыточная, какъ сказка няни про жаръ птицу. Признаться, посчастливилось! Страдай теперь Борисъ Алексѣевичъ по своей Лизанькѣ; даже и видать ее часто ты не можешь. Положимъ Платонъ Ивановичъ приглашалъ тебя ходить къ нему по праздникамъ; да зачѣмъ ты пойдешь: чтобы быть въ числѣ гостей, у тебя нѣтъ приличнаго по ихъ дому платья; а не въ гости придти, такъ и не зачѣмъ ходить. Только можешь ты придти рано утромъ поздравить съ праздникомъ, какъ тѣ побиралы, выгнатые изъ службы чиновники, которые таскаются по домамъ съ поздравленіями каждое воскресенье.—Лизанькѣ было легче переносить эту разлуку: наша влюбленная хоть и часто скучала въ душѣ о Борисѣ Алексѣевичѣ; но ее развлекали другіе веселые молодые люди и притомъ она рѣшительно никогда не держала въ своей хорошенькой головкѣ мысли выйдти за Бориса Алексѣевича, неимѣющаго никакого состоянія. — Къ чему

Digitized by Google

же она была влюблена въ него? Любить же страстно истинный любитель живописи картину, которую видѣлъ онъ нѣсколько разъ и которую онъ не только не можетъ пріобрѣсть въ свою собственность, но болѣе не имѣетъ средствъ и видѣть. Любовь Лизанькина была самая безкорыстная, чистая.

Лучшая отрада Борису Алексѣевичу въ его однообразной по наружности жизни заключалась въ томъ, чтобы нѣсколько разъ въ недѣлю пройдти мимо дома Платона Ивановича, пройти именно въ то время, когда подавали огонь, а ставни еще не были закрыты. Въ это время Борисъ Алексѣевичъ видѣлъ въ окошки Лизаньку, то за роялью, то съ гостями, или одну—задумчиво прохаживающуюся по комнатамъ. Плѣнительныхъ звуковъ рояли теперь онъ слышать не могъ: окна были уже давно вставлены. Какъ досадывалъ нашъ влюбленный молодой человѣкъ на сильный морозъ, когда онъ замораживалъ окна дома Платона Ивановича; въ то время Борисъ Алексѣевичъ уже не могъ чрезъ нихъ видѣть свою Лизаньку. — Часто онъ очень долго стоялъ на тротуарѣ напротивъ милаго ему дома, стоялъ до тѣхъ поръ, пока на обмерзлыхъ стеклахъ отпечатывалась головка съ локонами. Въ тотъ же мигъ Борисъ Алексѣевичъ узнавалъ въ ней головку Лизанькину, и послѣ этого съ отрадою въ душѣ возвращался домой. Выспрося у кормилицы про дни имянинъ и рожденій семейства Платона Ивановича, Борисъ Алексѣевичъ являлся въ эти дни рано утромъ къ Платону Ивановичу съ поздравленіемъ. — Нашъ молодой человѣкъ говорилъ ему не разъ при этихъ случаяхъ, что считаетъ это за свою обязанность, будучи вѣчно признателенъ Платону Ивановичу за опредѣленіе на мѣсто и за ласки, которыя встрѣтилъ въ семействѣ его въ первое время своего пребыванія въ Москвѣ. Платонъ Ивановичъ постоянно оставлялъ Бориса Алексѣевича пить чай, и мой влюбленный наслаждался смотря на Лизаньку и порой разговаривая съ ней о разныхъ городскихъ новостяхъ. За то, какъ терзался онъ вечеромъ, когда въ нѣкоторые изъ этихъ дней бывали у

Digitized by Google

Платона Ивановича небольшіе балы, онъ влюбленный не могъ за неимѣніемъ приличнаго платья быть на этихъ балахъ и видѣлъ въ окна Лизаньку съ веселою улыбкою танцующую и разговаривающую съ молодыми людьми. — Борисъ Алексѣевичъ хотя и получалъ отъ службы столько, что могъ бы нанять комнату получше, чѣмъ у кормилицы, но продолжалъ жить у ней изъ любви къ Лизанькѣ. Онъ не купилъ и новаго тюфяка себѣ: ему сдѣлался милъ тюфякъ Аксиньюшкинъ, потому что напоминалъ о первомъ знакомствѣ съ Лизанькою и какъ будто имѣлъ какую-то связь съ любовью. Питаясь самою скудною пищею, Борисъ Алексѣвичъ получаемыя отъ службы деньги копилъ, чтобы сшить себѣ модное, хорошее платье, въ которомъ можно бъ было являться ему къ Платону Ивановичу на обѣды и вечера, потому что онъ постоянно приглашалъ на нихъ Бориса Алексѣевича, когда тотъ являлся утромъ съ поздравленіемъ. Надобно сказать, что Платонъ Ивановичъ получилъ самую отличную рекомендацію о Борисѣ Алексѣевичѣ отъ двухъ хорошихъ знакомыхъ своихъ, коротко знавшихъ Бориса Алексѣевича до пріѣзда его въ Москву. —Съ какимъ восторгомъ наконецъ въ первый день Свѣтлаго Христова Воскресенія, мой Борисъ Алексѣевичъ завитой по модѣ, явился утромъ въ передней Платона Ивановича, скинулъ новинькій модный плащъ, и одѣтый по послѣдней модѣ, въ пансе съ матовыми пуговицами фракъ, съ новинькой шляпой въ рукѣ, обтянутой свѣтлою французскою перчаткою,—вошелъ въ залу. Лакей пошелъ въ гостиную доложить о немъ Варварѣ Семеновнѣ. Съ словами ея:» проси ихъ сюда къ намъ,» Борисъ Алексѣевичъ ловко вошелъ въ гостиную и подошелъ къ сидѣвшей на диванѣ Варварѣ Семеновнѣ, чтобы поцаловать у ней руку. Она, недавъ руки, похристосывалась съ нимъ. Въ гостиной съ Варварою Семеновною были зять и Лизанька, одѣтая въ прелестное бѣлое пышное платье съ розовымъ волнистымъ кушакомъ, перехватывавшимъ ея тонкую талію. По тогдашней модѣ, завидной для нашего времени, Борисъ Алексѣевичъ подошелъ было къ рукѣ Лизаньки,

Digitized by Google

но Варвара Семеновна улыбаясь сказала дочери: не давай руки Лизанька, а христосывайся съ Борисомъ Алексѣевичемъ: онъ свой человѣкъ.«—Лизанька зарумянившись и потупя глазки, поцаловалась съ молодымъ человѣкомъ, милымъ сердцу ея.—Какое блаженство ощутилъ въ душѣ Борисъ Алексѣевичъ отъ прикосновенія нѣжныхъ, алыхъ губокъ Лизанькиныхъ. А она? — О, и ей этотъ поцалуй былъ безцѣненъ. Похристосывавшись съ зятемъ, нашъ молодой человѣкъ, по приглашенію хозяйки развязно сѣлъ близь него на кресло. Лизанька сидѣла напротивъ. Разговоръ шелъ о хорошей погодѣ, какой и надо было ожидать по поздней Святой Недѣлѣ, о общественныхъ новостяхъ. Между тѣмъ Лизанька изъ подтишка любовалась на Бориса Алексѣевича, въ его новомъ прекрасномъ нарядѣ, а Борисъ Алексѣевичъ восхищался ею, когда она облокотясь, правою обнаженною, круглой, полненькой, нѣжной ручкою, на ручку креселъ, подперши, нѣсколько на бокъ изящно завитую въ локоны, головку свою, разговаривая съ матерью и мужемъ сестры, порою взглядывала въ глаза Борису Алексѣевичу.

Нашъ влюбленный молодый человѣкъ былъ приглашенъ нынѣче обѣдать у нихъ самимъ Платономъ Ивановичемъ, когда давича рано утромъ явился съ поздравленіемъ Варвары Семеновны и Лизаньки Борисъ Алексѣевичъ невидалъ давича: онѣ отдыхали послѣ заутрени и ранней Обѣдни. Теперь Борисъ Алексѣевичъ, хотя и хранилъ тонъ служебной подчиненности предъ Платономъ Ивановичемъ, но однакоже былъ гораздо развязнѣе въ разговорахъ съ нимъ, не только что съ Варварою Семеновною и Лизанькою: хорошее платье, какъ бы развязало ему руки. Съѣхались еще кой-кто изъ одинокихъ знакомыхъ мущинъ, приглашенные къ обѣду, пріѣхала въ каретѣ старшая сестра Лизанькина; наконецъ возвратился съ визитовъ и Платонъ Ивановичъ. Борисъ Алексѣевичъ до обѣда сказалъ съ Лизанькою нѣсколько словъ о какихъ-то пустякахъ, когда стоялъ съ нею у окошка въ залѣ. Обѣдъ былъ отличный, и послѣ него напившись кофе, нашъ молодой человѣкъ, блаженствуя въ душѣ, уѣхалъ

Digitized by Google

отъ Платона Ивановича. Лизанька проводила его выразительнымъ взоромъ.« О, теперь есть у меня платье, и я могу часто бывать у нихъ на обѣдахъ и вечерахъ,» думалъ съ восторгомъ мой Борисъ Алексѣевичъ. Невинный поцалуй Лизанькинъ горѣлъ на устахъ моего влюбленнаго, и любовь сильнѣй волновала душу его пламеннымъ, сладостно-томительнымъ чувствомъ, и все глубже, и глубже проникала въ грудь его. Вечеромъ слова кормилицы, бывшей послѣ обѣда у Платона Ивановича, довершили это блаженство нашего молодаго человѣка. — «Ну ужъ Борисъ Алексѣевичъ,» говорила, нарочно войдя въ его комнату, кормилица, бывшая немного навеселѣ, ради праздника, «нужъ, моя Лизанька просто съ ума по васъ сходитъ: ужъ какъ же вы ей ныньче понравились; она голубушка, дай ей Богъ здоровья, помнитъ свою кормилицу; сама поднесла мнѣ рюмку мадеры — причуднѣйшая такая; а Варвара-то Семеновна изволила мнѣ пожаловать цѣлую бутылку Кроновскаго пива: «пей, говоритъ, кормилица.» Ужъ я вамъ скажу, какіе всѣ предобрѣющіе, кажись и не найдешь другихъ этакихъ добрѣющихъ. Самъ то сталъ христосываться со мною: я ему подала яичко, а онъ пошелъ въ кабинетъ, да и вынесъ мнѣ красную бумажку. А какъ вошла я къ одной Лизанькѣ на верхъ, она лежа на диванѣ и говоритъ мнѣ: «ну жъ, кормилица, какой же хорошенькой былъ ныньче твой Борисъ Алексѣевичъ, — просто, я загляделась на него,» — и принялась распрашивать меня, что вы объ ней говорите, а я говорю ей: да онъ лучше тебя никого на всемъ свѣтѣ неставитъ.—И самато Варвара Семеновна, одинъ на одинъ со мною, куда какъ разхваливала мнѣ васъ, говорила: жалко, что вы не богаты, а то парочка бы васъ была съ Лизанькою: оба, говоритъ, вы молоденькіе, да такіе хорошенькіе. «Да вѣдь не жить же Лизанькѣ съ нимъ у тебя въ коморкѣ, кормилица,» изволила молвить, засмѣючись Варвара Семеновна. Онѣ вотъ изволятъ смѣяться надъ моей квартирою: — конечно что и говоритъ, сохрани Царь Небесный моей Лизанькѣ жить тутъ, а для васъ, я вамъ доложу, эта квартира самая приличная и де-

Digitized by Google

ликатная. Я только уважая васъ, уступила ее вамъ за эту цѣну: вонъ у Борисовны только малость поближе къ Городу, а беретъ за комнату меньше этой—вдвое.»

Это окончаніе рѣчи кормилицы скользнуло непріятно по душѣ нашего молодаго человѣка; но слова Лизаньки и лестный отзывъ о немъ Варвары Семеновны, заставили тотъ-часъ же Бориса Алексѣевича забыть непріятное окончаніе рѣчи и предаться несбыточной, но сладостной мечтѣ — жениться на Лизанькѣ.

Блаженствовали мои влюбленные молодые люди. Лизанька, не держа въ головѣ и мысли, что можетъ выйдти замужъ за того, въ кого влюблена, воображала въ мечтахъ своихъ, какъ бы она была счастлива, когдабъ Борисъ Алексѣевичъ былъ богатъ и женился на ней. Влюбленный же Борисъ Алексѣевичъ мечталъ, надѣялся жениться на Лизанькѣ, и какъ-то предчувствовалъ, что женится на ней; но вмѣстѣ съ тѣмъ самъ видѣлъ совершенную невозможность этого: не съ неба же вдругъ свалится богатство ему. — Это только на первомъ шагѣ въ Москвѣ онъ думалъ, вдохновенно смотря на древнюю столицу, что легко можно скоро разбогатѣть въ ней. А на дѣлѣ оказалось, что и хорошее-то платье сшилъ онъ себѣ, только прослужа въ Москвѣ безъ малаго полгода, и сшилъ чрезъ то только, что питался это время самою простою пищею. — Подобная неровная по состоянію, но сильная любовь, въ наше время можетъ вести только къ одной тяжкой горести. Правда, когда Лизанька уже давно будетъ замужемъ—по разсчету за другимъ, равнымъ ей по состоянію, то она порою вспомнитъ эту первую игрушку любви, которую облила она горькими слезами, когда отнимали ее у ней, вспомнитъ съ отрадою, и скажетъ, что первая любовь — лучшая любовь въ жизни нашей, что только одна эта любовь бываетъ любовь чистая,— не земная! Можетъ быть, въ память ее Лизанька назоветъ одного изъ сыновей своихъ — Борисомъ. — А Борисъ Алексѣевичъ, находящій теперь невыразимую отраду даже въ шумѣ платья Лизанькина, потомъ, когда она уже давно будетъ при-

Digitized by Google

надлежать другому, а герой мой освѣженный съ женщиною остынетъ, и перестанетъ почитать женщину неземнымъ созданіемъ, порой повстрѣчаетъ расположившую Лизаньку въ толпѣ подростковъ дѣтей ея. Онъ вглядится пристально въ черты постарѣвшаго лица ея, нѣкогда сводившаго его съ ума, и пробудится тогда въ Борисѣ Алексѣевичѣ воспоминаніе о первой чистой любви его и отрадно сдѣлается на душѣ его; какъ будто бы воскресли первые годы его молодости. Вотъ все, что только можетъ принести вамъ въ жизни эта ваша безразсчетная любовь, мои милые герои.

Еще нѣсколько разъ на Святой и въ двѣ послѣдующія недѣли Борисъ Алексѣевичъ былъ въ числѣ гостей у Платона Ивановича. Мои влюбленные наслаждались взаимною любовью, только одними взорами. Но на третьей недѣли послѣ Святой, Варвара Семеновна уѣхала съ Лизанькою и вмѣстѣ съ замужнею дочерью на все лѣто въ деревню послѣдней, верстъ за двѣсти отъ Москвы. Эта была первая тяжкая горесть моимъ влюбленнымъ: до самой глубокой осени они не могли видѣть другъ друга. Только одними печальными взглядами простились они на эту разлуку. Какая тоска была въ Москвѣ Борису Алексѣевичу безъ Лизаньки: онъ просто сказать, клялъ лѣто съ его зеленою муравою, голубымъ небомъ и теплымъ воздухомъ, наполненнымъ благоуханіемъ деревьевъ и цвѣтовъ. Мой влюбленный съ нетерпѣніемъ ждалъ осени, какъ больные ждутъ цѣлительной весны. Въ продолженіе лѣта Борисъ Алексѣевичъ былъ нѣсколько разъ у Платона Ивановича и каждый разъ, какъ бы изъ учтивости, просилъ его Борисъ Алексѣевичъ написать отъ него глубочайшій поклонъ Варварѣ Семеновнѣ съ обѣими дочерьми ея. Онъ хотѣлъ этимъ дать вѣсточку о себѣ Лизанькѣ. Самъ же онъ часто получалъ вѣсти объ ней отъ кормилицы, ходившей къ Платону Ивановичу и слышавшей отъ него, что все семейство его здорово и кланяется ей. — И точно Лизанька съ наслажденіемъ читала въ деревнѣ, въ письмахъ отца къ матери — поклонъ имъ отъ Бориса Алексѣевича: «Онъ былъ у папиньки,» думала она: «слѣ-

Digitized by Google

довательно Борисъ Алексѣевичъ живъ и здоровъ и помнитъ меня, когда просилъ папеньку написать намъ поклонъ.» Наконецъ настала осень, и чѣмъ дождливѣе, грязнѣй становилась она, тѣмъ было пріятнѣе время для Бориса Алексѣевича. И вотъ, когда грязь и лужи уже господствовали на улицахъ Московскихъ во всей красѣ своей, и Борисъ Алексѣевичъ восхищался смотря на нихъ, семейство Платона Ивановича возвратилось въ Москву. Эту радостную вѣсть сообщилъ ему самъ Платонъ Ивановичъ, сказавъ при выходѣ изъ Присутствія:» Варвара Семеновна съ Лизанькою пріѣхали вчера вечеромъ.» Незнаю, какъ устоялъ на ногахъ мой Борисъ Алексѣевичъ, услыша эту вѣсть. Сладостныя мечты, такъ и заиграли въ его воображеніи, а душа наполнилась успокоительнымъ чувствомъ, полнымъ блаженства.» У нихъ опять начнутся вечера; я буду танцовать съ Лизанькою, для этого вѣдь я и выучился нынѣшнимъ лѣтомъ всѣмъ бальнымъ танцамъ. Я стану часто вальсировать съ Лизанькою и открою ей любовь мою. Не Лизанькѣ же первой говорить мнѣ, что она меня любитъ.» Такъ думалъ, блаженствуя, мой влюбленный.

Digitized by Google

ТРУДЫ,

СОЧИНЕНІЕ

Ивана Крылова

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1855.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Декабря 4-го дня, 1853 года.

Цензоръ М. Похвисневъ.

Digitized by Google

ТЮФЯКЪ.

II.

ГЛАВА I.

— Кормилица, пріѣхали твои! ступай къ нимъ, воскликнулъ радостно Борисъ Алексѣевичъ, входя въ свою квартиру послѣ Присутствія.

— Да я ужъ была у нихъ, отвѣчала кормилица.— Иванъ лакей за-чѣмъ то ходилъ въ городъ и зашелъ ко мнѣ сказать что наши пріѣхали, и моя Лизавета Платоновна зоветъ къ себѣ.

Борисъ Алексѣевичъ почти не далъ окончить рѣчъ кормилицѣ и спросилъ ее поспѣшно: — Ну, что какъ они? Слава Богу здоровы?

— Всѣ, слава Богу, здоровы; разспрашивали и про васъ. Ужъ какъ же Лизанька похорошела: и прежде бывало смотришь на нее не насмотришься, а ужъ теперь стала просто заглядѣнье. Какъ пополнѣла въ деревнѣ: ну вотъ словно твое наливное яблочко, немного загорѣла съ дороги, да завѣтрила: ну, да скоро пройдетъ. Лизанька и про васъ меня спрашивала: что вы похудѣли иль пополнѣли.

— А ты что жъ сказала, кормилица?

— А я говорю, похудѣлъ мой голубчикъ: стосковался по васъ.—Вы когда къ нимъ пойдете?

— Да завтра вечеромъ: нынче итти не хорошо,— обезпокоишь ихъ съ дороги, отвѣчалъ Борисъ Алексѣевичъ, готовый сію минуту бы летѣть къ Лизанькѣ.

Digitized by Google

Такъ нетерпѣливо желалъ этого мой влюбленный, что я право незнаю, какъ онъ дожилъ до вечера слѣдующаго дня. Наконецъ наступило столь желанное мгновеніе.— Борисъ Алексѣевичъ въ залѣ Платона Ивановича, и сама веселая Лизанька, съ привѣтливою, какъбы родственною, улыбкою, выходитъ въ залу къ Борису Алексѣевичу.

— Вотъ мы и воротились, сказала ему Лизанька, позволя себѣ нѣкоторую свободу съ нимъ, какъ съ домашнимъ человѣкомъ, съ которомъ долго не видалась:—Вы я думаю нисколько не соскучились по насъ, Борисъ Алексѣевичъ?

— Ахъ! Лизавета Платоновна, безъ вашего семейства, мнѣ была несносная скука въ Москвѣ.

— Не говорите этого: мы всѣ слышали — вы веселились все лѣто.

— Кто же это вамъ наклеветалъ на меня?

— Да, да,—это правда,—дружески смѣясь, громко сказала Варвара Семеновна изъ гостинной, гдѣ сидѣла она съ какой-то, не слишкомъ важной, пожилой дамой. Борисъ Алексѣевичъ поспѣшилъ въ гостинную и поздравилъ Варвару Семеновну съ благополучнымъ возвратомъ.

По приглашенію хозайки нашъ влюбленный, молодой человѣкъ, сѣлъ на одно изъ креселъ, стоящихъ полукругомъ отъ дивана. Лизанька же помѣстилась напротивъ Бориса Алексѣевича, и когда между нимъ и ея матерью притихнулъ разговоръ о деревенской жизни, Лизанька живописно закинувшись, немного на бокъ, на спинку своего кресла, полупротяжно спросила Бориса Алексѣевича, смотря прямо ему въ глаза и улыбаясь: — вы ради, что мы пріѣхали?

— Въ одномъ только вашемъ добромъ семействѣ встрѣчаю я въ Москвѣ родственную ласку, которой, можетъ быть, и не заслуживаю. По этому вы можете судить: радъ ли я или нѣтъ вашему пріѣзду.

— Я давно не играла на роялѣ. Въ деревнѣ у сестры дрянныя фортопіаны, да было и не до музыки: я все гуляла. Какія чудестныя мѣста тамъ: рощи,

Digitized by Google

поля,—прелесть, проговорила Лизанька и вставая прибавила Борису Алексѣевичу:—пойдемьте: послушайте, не перезабыла ли я все играть.

Она пошла въ залу; Борисъ Алексѣевичъ послѣдовалъ за Лизанькою. Идя къ роялѣ, она съ милою улыбкою, полутихо сказала ему: вы ради, что я пріѣхала?

— О, ежели бы вы знали, какое блаженство принесъ мнѣ вашъ возвратъ? проговорилъ съ чувствомъ молодой человѣкъ.

— Ахъ зачѣмъ вы небогаты, какъ бы я была счастлива, прошептала Лизанька.

— Я надѣюсь, что современемъ буду богатъ, отвѣчалъ съ душевнымъ смущеніемъ, Борисъ Алексѣевичъ, понявшій, къ чѣму клонились слова Лизанькины.

— Желаю вамъ этого собственно для *васъ*, а для меня тогда это будетъ все равно, проговорила Лизанька, садясь за рояль — и меланхолическіе звуки раздались по залѣ.

Борисъ Алексѣевичъ былъ на верху блаженства: онъ слышалъ изъ устъ Лизаньки едва ни явное признаніе въ любви. Но это блаженство порой омрачалось мучительною мыслію, что онъ бѣденъ и потому не можетъ жениться на Лизанькѣ; а она такъ любитъ его и сожалѣетъ сама, что нельзя ему на ней жениться. Стоя подлѣ рояли, Борисъ Алексѣевичъ видѣлъ, что слезы слегка навертывались на глазахъ Лизанькиныхъ.

— Отчего вы вдругъ сдѣлались грустны? спросилъ Борисъ Алексѣевичъ Лизаньку.

— А вамъ весело? отвѣчала она, продолжая играть.

— Мнѣ грустнѣе васъ, сказалъ Борисъ Алексѣевичъ.

Вдругъ унылые звуки смѣнились французскою веселою кадрилью, и Лизанька снова улыбаясь, проговорила: — о чемъ грустить: мы нынѣшнюю осень и зиму будемъ веселиться. Смотрите же, бывайте у насъ чаще.

Digitized by Google

— Ежели только не надоѣмъ вамъ, отвѣчалъ Борисъ Алексѣевичъ также съ улыбкою. Съ этимъ отвѣтомъ въ воображеніи нашего молодаго человѣка представились очаровательные для него вечера и балы, которые будетъ проводить онъ нынѣшнюю осень и зиму въ этомъ домѣ, съ Лизанькою.

Все достальное время вечера блаженствовали наши молодые люди, тѣмъ болѣе, что пріѣхали старшая сестра Лизанькина съ мужемъ и нѣсколько гостей, пожилыхъ людей, и пришли дочери хозяйки дома. Проводить весь вечеръ съ Борисомъ Алексѣевичемъ Лизанькѣ одной было неприлично; но вмѣстѣ съ дочерьми хозяйки, она могла свободно провести съ нимъ почти цѣлый вечеръ. Однакоже въ продолженіи его Борисъ Алексѣевичъ просидѣлъ для приличія полчаса въ гостинной. Въ это время онъ прослушалъ сурьезный разговоръ зятя съ Платономъ Ивановичемъ, насчетъ деревни смежной съ его зятевымъ имѣніемъ, изъ котораго только что пріѣхала Лизанька съ матерью и сестрою. Борисъ Алексѣевичъ узналъ изъ этого разговора, что это превосходное, по словамъ зятя, имѣніе, которое осматривалъ онъ ѣздя нынѣшней весной въ свою деревню, — будутъ текущею осенью продавать за долги съ аукціону въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ. Зять говорилъ, какую сумму можно бы заплатить за это имѣніе и сожалѣлъ, что не имѣетъ и половины денегъ, требуемыхъ на такую покупку. Но Платонъ Ивановичъ хотѣлъ немного помочь зятю и они уговорились непримѣнно ѣхать на аукціонъ, когда будутъ продавать это имѣніе. Они говорили, что, можетъ быть, удастся имъ купить его гораздо дешевле нежели думаетъ зять. Когда Платонъ Ивановичъ ушелъ съ зятемъ въ кабинетъ, то Борисъ Алексѣевичъ опять присоединился къ Лизанькѣ, занимавшейся съ дочерьми Матрены Ипатьевны. Весь уже вечеръ влюбленный молодой человѣкъ не отходилъ отъ барышенъ; Лизанька играла на роялѣ, пѣла, и около полуночи весело разстались другъ съ другомъ Борисъ Алексѣевичъ и Лизанька, лелѣемые надеждою, часто наслаждаться подобными вечерами.

Digitized by Google

И точно недѣли двѣ продолжалось такое блаженство моихъ влюбленныхъ; въ продолженіи этого времени Борисъ Алексѣевичъ разъ пять былъ вечерами у Платона Ивановича. Такъ-какъ почти всегда бывали въ эти вечера молодые люди и барышни, то часа по два танцовали подъ звуки рояли. О, какимъ сладостно-томительнымъ, чувствомъ наполнялась грудь Бориса Алексѣевича, когда онъ обхвативъ легкій станъ Лизаньки, насился съ нею въ вихрѣ вальса. Мой влюбленный впивалъ въ себя благоуханіе кудрей ея, чувствовалъ на щекахъ своихъ жаръ ея дыханія и готовъ былъ отдать все въ мірѣ за это блаженство. А Лизанька? Она не рѣдко отвѣчала крѣпкимъ пожатіемъ руки Бориса Алексѣевича, на его пожатіе руки ея; но ни онъ, ни Лизанька не открывали другъ другу взаимной, пламянной любви своей: они знали, что это ни къ чему не можетъ повести въ настоящемъ положеніи влюбленнаго, и довольствовались только полунамеками, какъ въ первый вечеръ свиданія по пріѣздѣ Лизаньки изъ деревни. Лизанька не думала ни сколько, что, можетъ быть, должно скоро окончиться это блаженство ея, а Борисъ Алексѣевичъ нелѣпо мечталъ о возможности соединиться имъ бракомъ, хотя и самъ не зналъ, какъ это можетъ случиться.

И такъ уже двѣ недѣли продолжалось это блаженство для моихъ влюбленныхъ, когда идя изъ присутствія домой, Борисъ Алексѣевичъ съ восторгомъ думалъ, что нынѣшній вечеръ опять проведетъ съ Лизанькою, потому что Платонъ Ивановичъ пригласилъ нашего молодаго человѣка на вечеръ къ себѣ, говоря, что у него кой-кто будетъ. Заранѣе упиваясь въ воображеніи предстоящимъ свиданіемъ съ своею очаровательною Лизанькою, Борисъ Алексѣевичъ вступилъ веселый въ свою комнату; тужъ минуту вошла къ нему кормилица и радостно проговорила:

— Вы знаете, или еще нѣтъ? вѣдь нынѣче благословляютъ Лизаньку.

Какъ точно грамовой ударъ обрушился на всѣ чувства моего влюбленнаго молодаго человѣка: онъ

Digitized by Google

едва устоялъ на ногахъ и невольно поблѣднѣвъ, воскликнулъ, какъ полоумный:

— За кого?

— За богатаго человѣка. Одно только жалко: лѣтъ подъ пятьдесятъ ему; за то вишь чинъ значительный у него. Онъ вдовый; дѣтей-то, хоть слава Богу, у него нѣтъ.

— Пустяки, проговорилъ Борисъ Алексѣевичъ, отерши холодный потъ на лбу: — кто тебѣ это совралъ, что Лизанька выходитъ за мужъ?

— Кому врать: Лизавета Платоновна недавно присылала ко мнѣ дворника, чтобъ я пришла нынѣче вечеромъ: посмотрѣть, какъ будутъ благословлять ее. Что вамъ видно жалко ее? Да мало-ли чего бываетъ жалко, да пособить-то нечѣмъ. Что-жъ дѣлать, что Богъ вамъ не далъ ни какого состоянія, а безъ него, сами знаете, Лизанька не ваша невѣста: нечего и горевать по ней.

Но Борисъ Алексѣевичъ не слыхалъ этихъ послѣднихъ словъ: онъ опустился на тюфякъ свой и закрылъ лице руками; сквозь пальцы его текли слезы. Свободный, рѣшительный до знакомства съ Лизанькою, потомъ нѣсколько связанный безумною любовію, онъ рыдалъ теперь, какъ ребенокъ.

Не говорилъ ли я заранѣе, что надежды моего влюбленнаго пустыя мечты, и когда онѣ разрушатся, обольетъ онъ ихъ горькими слезами, и долго, можетъ быть, не одинъ годъ, будетъ носить стержень этой любви въ сердцѣ своемъ, пока другая любовь не извлечетъ его оттуда.

— О чемъ вы плачете? спросила тихо кормилица: вамъ жалко Лизаньку?

— Не говори кормилица, ради Бога! не говори ни кому кромѣ нее, что я плачу, проговорилъ молодой человѣкъ, не отымая отъ лица рукъ: За чѣмъ я бѣденъ? За чѣмъ я узналъ твою Лизаньку!

— И—ихъ, Борисъ Алексѣевичъ, я думала, что вы такъ спроста ходили къ нимъ, анъ теперь-то я все знаю. И какъ это вамъ въ голову вошло: ну отдали-

Digitized by Google

ли-бъ Лизаньку за васъ безъ состоянія. Вы знаете, какъ привыкла жить Лизанька. Каждый отецъ съ матерью не лиходѣй своему дѣтищу.

— Ступай кормилица, мнѣ не до тебя: я не люблю твоей Лизаньки; мнѣ жалко, что кончатся веселые вечера въ домѣ Платона Ивановича.

— Талкуй-те себѣ: меня не обманите. Выкиньте-ка вздоръ изъ головы, да ступайте завтра поздравить ихъ. Меня и такъ Платонъ Ивановичъ звалъ къ себѣ нынѣче вечеромъ, и вотъ звалъ-то онъ за чѣмъ.

— Такъ и ступайте къ нимъ, Борисъ Алексѣевичъ, да и виду не показывайте, что вамъ жалко Лизаньки: не ваша суженая она; повеселитесь-ка лучше на ея свадьбѣ. А за васъ, ежели вамъ хочется жениться, я, пожалуй, посватаю старшую дочь Бурачихи; уговорю, умаслю Матрену Ипатьевну: она отдастъ за васъ дочь. За этой невѣстою тысячь пять денегъ; а, какъ мать умретъ, то половина дома достанется вамъ.

— Не надо мнѣ невѣсты, кормилица: я никогда не женюсь, проговорилъ Борисъ Алевсѣевичъ, отнявъ руки отъ лица и отерши платкомъ глаза. Онъ всталъ съ кровати и сказалъ кормилицѣ: — ступай съ Богомъ отъ меня: я къ нимъ больше никогда не пойду.

— Что вы, да они на васъ разсердятся: принимали они васъ, словно роднаго; ходили вы къ нимъ часто запросто, а теперь, когда у нихъ такая радость, нехочете сходить и поздравить ихъ. Это, вы сами знаете, нѣтъ никакой учтивости. Коли не нынѣче, то хоть завтра, а все сходите къ нимъ.

— Хорошо, тамъ увижу; ступай-те съ Богомъ отъ меня.

— А кушать вамъ подать?

— Нѣтъ, ничего не хочу, у меня болитъ голова; я лягу уснуть.

— Кормилица вышла; Борисъ Алексѣевичъ заперъ на крючекъ дверь и упавъ на тюфякъ, снова закрылъ лице руками и заплакалъ.

— Безумецъ я! думалъ онъ въ отчаяніи: — и я надѣялся нажить въ скорости состояніе! служу вотъ

Digitized by Google

годъ, а что нажилъ? только окопировался хорошо, за то былъ только-что сытъ. Вотъ тебѣ и богатая, обширная Москва. И вшло же мнѣ въ голову, что въ Москвѣ можно скоро разбогатѣть. Пяти-лѣтнему ребенку прилично было это думать. Ну, какими средствами скоро разбогатѣть? хоть всю голову изломай думавши, непридумаешь ничего, чѣмъ бы можно было скоро разбоготѣть. А нельзя скоро разбогатѣть, за чѣмъ же судьба столкнула меня съ Лизанькою? мнѣ нельзя жениться на ней неразбогатѣвши. Я былъ просто дуракъ; я обманывалъ себя пустою надеждою: вѣдь не съ неба же свалятся мнѣ деньги. За чѣмъ не оставили мнѣ состоянія, отецъ и мать: но видно такъ было Богу угодно. Господи! какъ бы мнѣ разбоготѣть, разбогатѣть сей часъ же, чтобы скорѣе броситься къ родителямъ Лизанькинымъ и, пока неблагословили ее за какого-то жениха, просить у нихъ руки ея. Ахъ! ежели бы мнѣ предложили самое опасное для жизни двухъ часовое дѣло и за него обѣщали бы мнѣ тысячь пятьдесятъ рублей, я бы сей же мигъ бросился на него. Когда бы въ томъ дѣлѣ сложилъ я жизнь, то, что за важность: она не дорога мнѣ безъ Лизаньки. Но ежели бы я исполнилъ его и остался живъ, то разбогатѣлъ бы—и Лизанька была бъ моею. На пятьдесятъ тысячь я могъ бы купить доходный домъ, а между тѣмъ и мѣсто бы себѣ нашелъ выгоднѣе теперешняго. Кормилица сказывала, что и старшій зять Платона Ивановича имѣлъ такое же состояніе, когда женился на сестрѣ Лизанькиной. Но нѣтъ на свѣтѣ такихъ предложеній, а ежели бы и были, то сотни тысячъ народу бросились бы на нихъ и безъ меня. Нѣтъ, Лизанькѣ не бывать моею. Чрезъ нѣсколько часовъ она будетъ невѣстою другаго. Господи! Господи! помоги мнѣ перенести эту душевную потерю. Лизанька, ангелъ мой! я предчувствую, что ты противъ желанія твоего идешь за мужъ за этого жениха. Ты любишь меня: сколько разъ ты намекала мнѣ объ этомъ. За чѣмъ я почиталъ грѣхомъ воспользоваться твоею любовію ко мнѣ, благоговѣлъ предъ ней. Я бы могъ употребить способы, чтобъ обмануть тебя,

Digitized by Google

и тогда я насильно заставилъ бы твоихъ родителей отдать тебя мнѣ. Но поругаться надъ чистою, небесною любовію.... Господи, Господи! отдай мнѣ Лизаньку мою. Нѣтъ никакого земнаго средства сдѣлаться Лизанькѣ моей женою. Я это долженъ былъ знать заранѣе: я не ребенокъ. За чѣмъ я несчастный узналъ ее? Теперь безъ нее вся моя жизнь будетъ для меня однимъ мученьемъ.» — Онъ снова закрылъ лице руками и зарыдалъ.

Въ такихъ мысляхъ адски терзаясь душею въ безвыходномъ, отчаянномъ положеніи своемъ, Борисъ Алексѣевичъ провелъ все время до вечера. То вставалъ, то снова ложился на кровать несчастный влюбленный мой. Онъ не обѣдалъ, и не пилъ чаю. Когда совсѣмъ стемнѣло, онъ вдругъ вскочилъ съ кровати,— Пойду, пройду мимо дома ея; посмотрю на нее въ послѣдній разъ въ окно; а можетъ быть, ежели достанетъ духа, то зайду и проститься съ ней,» подумалъ онъ. Поспѣшно одѣвшись въ хорошее платье, набросилъ онъ на себя плащь, и вышедши изъ своей комнаты, спросилъ-было кормилицу, но ему отвѣчали, что она ужъ давно ушла къ Лизаветѣ Платоновнѣ.

Бывало съ какою душевною радостью шелъ мой Борисъ Алексѣевичъ къ дому Платона Ивановича и съ какой душевною горестью, съ невыносимою тоскою, мучительно сосавшей его сердце, шелъ онъ теперь къ ому же амому дому. Осенняя ночь была свѣжа и темна. Ни одной звѣздочки не было видно на небѣ; только ярко свѣтились фонари на темныхъ, сухихъ улицахъ Москвы, да выливался на улицу свѣтъ изъ оконъ нѣкоторыхъ домовъ, гдѣ въ комнатахъ былъ огонь, а отавни не были закрыты. Сердце еще пуще заныло тоскою у Бориса Алевсѣевича, когда онъ увидѣлъ издали столь милый ему домъ Платона Ивановича. Обильный свѣтъ, ударявшій изъ оконъ на улицу, показывалъ, что комнаты въ этомъ домѣ роскошно освѣщены. Нетвердыми шагами, какъ бы весь подергиваемый судорогами, сдерживая слезы, готовыя политься изъ глазъ, Борисъ Алексѣевичъ поровнялся съ

Digitized by Google

домомъ Платона Ивановича. Горящими внутреннимъ жаромъ глазами смотритъ мой влюбленный на освѣщенныя люстрами и канделабрами комнаты Платона Ивановича, какъ будто бы грѣшникъ смотритъ на свѣтъ недоступнаго для него Міра. Комнаты пусты. Но вотъ прошелъ по залѣ офиціантъ, въ синемъ фракѣ, вотъ въ диванную хлопотливо вбѣжала горничная и что-то вынувъ изъ стола, убѣжала опять изъ комнаты. Наконецъ чрезъ диванную и гостинную прошла въ залу разодѣтая Варвара Семеновна съ какими-то двумя дамами. «Я глупый надѣялся назвать ее моею матерью,» подумалъ Борисъ Алексѣевичъ, провожая взоромъ мать Лизанькину чрезъ всѣ комнаты. Вотъ дойдя до передней, она скрылась въ ней, а дамы разговаривая между собою, остались въ залѣ. Вдругъ въ диванной мелькнули въ бѣлыхъ, парадныхъ платьяхъ дочери хозяйки дома, и минуты двѣ спустя появились онѣ снова, а съ ними еще три барышни, также въ бѣлыхъ платьяхъ. За ними слѣдомъ вошла и Лизанька, въ бѣлымъ, какъ снѣгъ, роскошномъ, бальномъ платьѣ, съ обнаженными бѣлыми, полненькими, въ лайковыхъ, бѣлыхъ, полудлинныхъ перчаткахъ, руками, съ открытою шеею, на которой надѣтъ былъ, на золотой, тоненькой, цѣпочкѣ, брилліантовый крестикъ, блестѣвшій на груди платья. Розовый атласный широкій кушакъ перехватывалъ тонкую талію. Свѣтло-русые волосы были убраны парикмахеромъ чудно хорошо къ лицу Лизанькину: пышные локоны, нѣсколько приподнятые, спускались къ ушкамъ ея. Не смотря на свое богатое убранство, Лизанька была печальна. Не подходя близко къ окну, она взглянула на улицу, и вся эта картина смѣшалась, запятерилась, заискрилась въ глазахъ Бориса Алексѣевича, отъ невольно выступившихъ слезъ.

— Какое чувство волнуетъ теперь грудь твою? Отчего ты такъ печальна? Я отдалъ бы полжизни моей, чтобы быть одному подлѣ тебя въ эти минуты и знать твою прекрасную душу. По мнѣ ли ты печальна въ эти минуты, или печалишься о чемъ другомъ? думалъ мой несчастный влюбленный, отерши платкомъ

Digitized by Google

слезы. Борисъ Алексѣевичъ вспомнилъ первый вечеръ, когда стоялъ также на этомъ самомъ мѣстѣ на улицѣ и смотрѣлъ въ окно на Лизаньку. При этомъ воспоминаніи еще тошнѣе стало на душѣ Бориса Алексѣевича: тогда онъ былъ счастливъ, полонъ надеждъ, а теперь всѣ надежды его окончились—Лизанька изчезла для него, какъ дивное сновидѣніе, и безотрадна казалась теперь для моего влюбленнаго вся его будущность. Вотъ Лизанька съ одною изъ подругъ прошла по комнатамъ, а прочія барышни составили въ гостинной залѣ двѣ группы и, улыбаясь, разговаривали между собою. Борисъ Алексѣевичъ не обратилъ никакого вниманія на Матрены Ипатьевнину старшую дочь, которую хотѣла сосватать за него кормилица: Лизанька въ сравненіи съ нею была для Бориса Алексѣевича свѣтлымъ ангеломъ въ сравненіи съ грѣшнымъ человѣкомъ. Но вотъ вышелъ дворникъ затворять ставни, и Борисъ Алексѣевичъ, поспѣшно брося послѣдній разъ взоръ на Лизаньку ходившую взадъ и впередъ по залѣ, отправился далѣе по переулку. Зайдти къ Платону Ивановичу въ домъ, у Бориса Алексѣевича недостало душевныхъ силъ, да онъ чувствовалъ, что и глаза у него сильно заплаканы. Идя по переулку, Борисъ Алексѣевичъ ощутилъ такую тоску, безотрадность на душѣ, что какъ будто именно въ эту самую минуту кончалось для него все въ жизни: изчезло на вѣкъ отрадное назначеніе его жизни. Пройдя довольно далеко отъ дома Платона Ивановича, мой влюбленный вернулся назадъ и остановился опять противъ милаго ему дома. Но теперь Борисъ Алексѣевичъ видѣлъ очаровательную Лизаньку только въ воображеніи своемъ, а въ дѣйствительности нечего не было видно: ставни всѣ были закрыты и вокругъ Бориса Алексѣевича, одиноко стоявшаго на тротуарѣ, все было темно, свѣтились только фанари по переулку. Быть можетъ разочарованный влюбленный мой простоялъ бы долго напротивъ дома Платона Ивановича, но послышались шаги приближавшагося фанарщика съ лѣстницею, который пробирался поправить близкій къ Борису Алексѣевичу фонарь. Мой влюбленный

Digitized by Google

глубоко вздохнувъ, потрясъ головою на домъ, обитель милой Лизаньки, отчаянно проговорилъ въ слухъ: — Прости на вѣкъ! — и пошелъ къ своему дому. Но однако же Борисъ Алексѣевичъ не рѣшился идти теперь же домой: дома ему будетъ еще тяжелѣе при мысли, что онъ сидитъ у себя въ каморкѣ, сложа руки, когда ту, которая дороже ему жизни его, благословляютъ за другаго. Борисъ Алексѣевичъ рѣшился походить по улицамъ и придти домой, какъ можно позднѣе. Онъ направилъ шаги свои въ сторону отъ своей квартиры и вышелъ на рынокъ, гдѣ была часовня, озаренная, теперь въ ночномъ мракѣ, яркимъ свѣтомъ, лившимся отъ лампадъ и свѣчъ. Онѣ теплились предъ Иконою Богаматери, въ ризѣ, горящей, какъ жаръ, и предъ другими, стариннаго письма, образами. Часовня еще была не заперта, и несчастный влюбленный, полный отчаянія, вошелъ въ часовню и упалъ на колѣны предъ иконою Богаматери. Долго съ слезами молился онъ Ей. Слезы его были поначалу слезы горестнаго отчаянія; но потомъ тишина осѣнила душу молодаго человѣка и по разгорѣвшимся ланитамъ его текли уже слезы душевнаго успокоенія.—Такъ вѣрно угодно Тебѣ Господи! Ты хочешь, чтобы она не принадлежала мнѣ. Но Ты видишь душу мою; Ты знаешь, какъ тяжело мнѣ потерять ее. Но да будетъ воля Твоя! Ты свелъ меня на пути жизни съ нею; Ты лучше знаешь, что творишь: Пути Твои неисповѣдимы; да будетъ Святая воля Твоя! – Въ этими успокоительными мыслями вышелъ Борисъ Алексѣевичъ изъ часовни, въ которой сѣдой старикъ, приставникъ ея, сталъ тушить свѣчи.

Ни на минуту незабывая Лизаньку, тоскуя по ней, но тоскуя уже не съ отчаяннымъ чувствомъ, а съ тихою, какъ бы небесною грустью, пришелъ Борисъ Алексѣевичъ домой. Онъ тотчасъ спросилъ кормилицу, но дочь ея отвѣчала Борису Алексѣевичу, что мать ея не возвращалась, потому что хотѣла тамъ ночевать. Мой несчастный влюбленный помолился Богу и легъ спать. Но сонъ бѣжалъ отъ очей Бориса Алексѣевича, онъ думалъ все о томъ, что теперь Лизанька потеря-

Digitized by Google

на для него навѣчно: она уже невѣста другаго, благословлена съ нимъ на бракъ и что теперь нельзя даже и мечтать жениться на ней. Какъ тихая лампада теплилась эта печаль чистой любви въ душѣ влюбленнаго молодаго человѣка. Но и теперь онъ немогъ ни искать въ умѣ своемъ средствъ, какъ бы ему поскорѣе разбогатѣть и перебить Лизаньку у теперешняго жениха ея. — Тотъ почти старикъ, и она вымалитъ у родителей согласіе на бракъ не съ нимъ, а съ богатымъ молодымъ человѣкомъ, безъ ума влюбленнымъ въ нее. Но, какъ вдругъ разбогатѣть? думалъ Борисъ Алексѣевичъ, и немогъ и теперь ничего придумать для этого, хотя едва только къ утру забылся легкимъ сномъ.

ГЛАВА II.

Рано проснулся Борисъ Алексѣевичъ. На душѣ у него было такъ отрадно: ему снилось, что Лизанька еще не просватана, и онъ по прежднему проводитъ у нихъ вечера съ нею. Но едва онъ совершенно опомнился отъ сна, то сердце тяжко заныло у него, при мысли, что Лизанька уже благословлена за другаго. Только что всталъ Борисъ Алексѣевичъ, то поскорѣй позвалъ къ себѣ кормилицу, который голосъ слышался въ кухнѣ.

— Ну что кормилица? спросилъ ее Борисъ Алексѣевичъ.

— Да что, вчера благословили Лизаньку. Только женихъ-то, хоть и богатъ, а что за пара ей, моей голубушкѣ. Она такая молоденькая, и хорошенькая, а онъ и ростомъ-то малъ и лысина-то съ блюдечко, такъ вотъ и свѣтится; хоть бы парикъ надѣлъ: все бы лучше было; просто сказать, женихъ совсѣмъ не по ней, моемъ ангельчикѣ.

— А что она? рада, что выходитъ за мужъ?

— Нехотѣла было говорить вамъ, да ужъ такъ и быть: проговорилась ей, какъ вы вчера плакали по

Digitized by Google

ней, теперь, дѣлать нечего, скажу ужъ и вамъ всю правду-матку. Знаете ли? ужъ какъ же она васъ, моя голубушка, любитъ. Вчера весь вечеръ была все такая скучная, а какъ женихъ-то уѣхалъ, и она легла спать, то позвала меня къ себѣ и стала распрашивать меня про васъ. А у самой-то, моей голубушки, слезы-то такъ въ три ручья и льются. Я говорю: знать женихъ то вамъ Лизавета Платоновна не нравится? А она мнѣ въ отвѣтъ: «мнѣ всё равно за кого ни выдти. Папенька говоритъ: онъ человѣкъ хорошій и богатый. Я не о томъ плачу, кормилица, а мнѣ.... знаешь.... жалко Бориса Алексѣича. Зачѣмъ онъ небогатъ? Ты ни кому не говори кормилица, я тебѣ только одной скажу: я до смерти люблю его.... за него выдти замужъ мнѣ нельзя, такъ мнѣ все равно, за кого бы ни выдти.»

Лизавета Платоновна просила, чтобы вы нынѣче вечеромъ пришли къ нимъ. Я говорю ей: онъ не хочетъ и ходить къ вамъ, а она, моя голубушка, говоритъ: «пожалуйста попросп его кормилица, чтобъ онъ пришелъ: хоть бы въ послѣдній разъ посмотрѣла на него, да простилась бы съ нимъ.» — А сама моя бѣдненькая, такъ и залилась слезами. Конечно дѣло нестаточное выдти ей за васъ замужъ теперь, а ужъ, разумѣется, ежели бы вы были богаты, то въ милліонъ разъ лучше выдти ей за васъ, чѣмъ за теперешняго жениха ея. А идти вамъ къ нимъ, хоть и звала Лизанька, я вамъ не посовѣтую: пуще и себѣ и ей сердце надорвете. Вамъ ея женихомъ, а ей вашей невѣстою не бывать: подъ разной планетой родились вы!—такъ ужъ нечего и пустяки тарабарить вамъ съ ней: не будетъ васъ видѣть, такъ скорѣй забудетъ.

Душа молодаго человѣка уже опять была взволнована отчаянною тоскою, и онъ на совѣтъ кормилицы сказалъ: — Увижу, можетъ быть и не пойду. А ты пойдешь къ нимъ нынѣче?

— Лизавета Платоновна приказала мнѣ приходить безпремѣнно.

По окончаніи Присутствія Борисъ Алексѣевичъ, скрѣпя сердце, поздравилъ Платона Ивановича съ по-

Digitized by Google

молвкою Лизаветы Платоновны и извинился, что одно экстренное дѣло лишило его удовольствія быть у нихъ вчера.

— Ну дѣлать нечего, сказалъ Платонъ Ивановичъ:— смотри же, приходи нынче вечеромъ поздравить твою Лизавету Платоновну: она такъ тебя любитъ. Партію она дѣлаетъ хорошую.

«*Твою*» подумалъ Борисъ Алексѣевичъ: — какъ сладостно это слово; но теперь онъ называетъ Лизаньку *моею*, точно насмѣхъ мнѣ.

— Пойду, хоть еще разъ увижу ее и прощусь съ ней навсегда, думалъ съ безотрадною, отчаянною тоскою Борисъ Алексѣевичъ, наряжаясь по вечеру въ свое лучшее платье.

Вотъ мой несчастный влюбленный уже въ освѣщенной залѣ Платона Ивановича. Женихъ еще не пріѣзжалъ. Съ обливающимся кровію сердцемъ входитъ Борисъ Алексѣевичъ въ гостинную, въ которой сидѣла на диванѣ Варвара Семеновна съ двумя дамами. Борисъ Алексѣевичъ поздравляетъ ее съ семейною радостію.

— Невѣста наша тамъ: ступайте къ ней, сказала съ улыбкою Варвара Семеновна, кивнувъ головою надиванную. Борисъ Алексѣевичъ невольно поблѣднѣвъ, входитъ туда. Лизанька, одѣтая въ бѣломъ платьѣ, съ открытою шеею и съ обнаженными бѣлыми нѣжноокругленными полненькими руками, сидѣла на диванѣ. Она была теперь, такъ чудно хороша, такъ полна очарованія для моего влюбленнаго молодаго человѣка, что едва слезы не выступили на глазахъ его, когда Лизанька пристально, грустно устремила на него свои голубые глазки, едва сдерживающіе слезы, и на указательномъ пальцѣ правой руки ея блеснуло кольцо. Борисъ Алексѣевичъ почти полушопотомъ поздравилъ ее съ помолвкою. Лизанька грустною улыбкою поблагодарила его и стала тихо разговаривать съ сидѣвшею подлѣ нее дѣвицею, бросая по временамъ рѣзкіе, грустные взгляды на Бориса Алексѣевича. Онъ нехотя разговаривалъ съ молодымъ человѣкомъ, родствен-

Digitized by Google

никомъ Платона Ивановича. Это длилось съ четверть часа. Но вотъ дѣвица встала и пошла въ залу играть на роялѣ; молодой человѣкъ, не равнодушный къ этой барышнѣ, поспѣшно сократилъ разговоръ съ Борисомъ Алексѣевичемъ и, какъ бы незамѣтно, исчезъ изъ диванной и очутился у рояли. Борисъ Алексѣевичъ остался въ диванной одинъ на одинъ съ наивною Лизанькою.

— Отчего вы такъ блѣдны сегодня? сказала она Борису Алексѣевичу, устремя пристальный взоръ свой прямо въ глаза ему, какъ бы въ послѣдній разъ въ жизни.

— На рукѣ вашей обручальное кольцо, тихо проговорилъ Борисъ Алексѣевичъ, приблизясь къ Лизанькѣ.

Она подняла чудную ручку свою къ влюбленному молодому человѣку и показывая ему золотое кольцо на рукѣ своей, сказала:—вамъ грустно, что на моей рукѣ это кольцо, а другое не на вашей?... Не правда ли? Она улыбнулась при послѣднемъ словѣ, но эта улыбка явно выказывала, что она явилась вмѣсто слезъ.

— Вы оставляете насъ, проговорилъ грустно Борисъ Алексѣевичъ.

— Я незабуду васъ никогда: я такъ отрадно проводила часы съ вами. Вы и то время будутъ лучшими воспоминаніями жизни моей. А вы позабудите меня? Не правда ли? Тяжкій вздохъ тихо вылетѣлъ изъ груди Лизанькиной, бурно вздымавшейся на свободѣ.

— Вы для меня дороже всей жизни моей. Воспоминаніе о васъ будетъ вѣчно жить въ душѣ моей. Съ вами теряю я все въ мірѣ! проговорилъ несчастный молодой человѣкъ.

— Прощайте! сказала Лизанька, тихимъ трепещущимъ голосомъ, взявъ Бориса Алексѣевича за руку и крѣпко пожавъ ее. Сквозь навернувшіяся слезы, она жадно смотрѣла въ глаза тому, кто такъ сильно влюбленъ въ нее.

Digitized by Google

О, что произошло тогда въ душѣ влюбленнаго молодаго человѣка, казалось, что съ этимъ словомъ Лизанькинымъ весь міръ облекся въ черный покровъ и оборвались всѣ нити связывающія Бориса Алексѣевича съ жизнію. Ежели бы никого не было въ сосѣдней комнатѣ, то онъ упалъ бы на колѣна предъ Лизанькою и обливая руки ея горькими слезами, напечатлѣлъ бы на нихъ продолжительный, плаченный, прощальный поцалуй. Но Борисъ Алексѣевичъ могъ только крѣпко пожать руку Лизаньки и смотря ей въ глаза, проговорить шепотомъ: — Простите! Благодарю васъ за сладость жизни, за блаженство любви. Я насладился жизнію: я зналъ васъ.... Онъ болѣе не могъ продолжать. Сдерживая слезы, онъ быстро посмотрѣлъ вокругъ себя и горячо поцаловалъ руку Лизанькину.

— Сюда идутъ, прошептала Лизанька, — простите! будьте счастливы! Ради Бога уѣзжайте отъ насъ пока еще не пріѣхалъ женихъ: при васъ я невыдержу себя....

Въ эту минуту вошли въ диванную гости; въ томъ числѣ и Авдотья Михайловна, небогатая благородная женщина – сплетница и болтушка. Мои влюбленные простились навѣчно взглядами, и чрезъ четверть часа Борисъ Алексѣевичъ, извинялся внезапной, страшной головной болью, оставилъ домъ Платона Ивановича, прося позволенья пріѣхать завтра вечеромъ. Но не только завтра, а рѣшительно никогда нехотѣлъ болѣе посѣщать домъ этотъ Борисъ Алексѣевичъ. Онъ чувствовалъ, что въ домѣ Платона Ивановича онъ будетъ еще болѣе страдать: воспоминаніе о незабвенной Лизанькѣ станетъ сильнѣй терзать душу его тамъ, гдѣ все окружающее будетъ живѣй напоминать ему ту, которую онъ такъ страстно любитъ, и такъ пламенно былъ любимъ ею. — Господи! зачѣмъ я не богатъ? за чѣмъ я узналъ Лизаньку?... — твердилъ про себя Борисъ Алексѣевичъ, идя домой и давъ волю подавляемымъ при людяхъ слезамъ.—За что такъ счастливы многіе люди, что имъ стоило только родиться на свѣтъ, чтобы быть богатыми. Они съ пеленокъ

Digitized by Google

всю жизнь свою купаются въ богатствѣ. За чѣмъ же я несчастный не получилъ, какъ они, богатаго наслѣдства? Ну какъ я наживу вдругъ деньги? А только деньги, деньги одни нужны мнѣ теперь, и я сдѣлаюсь самымъ счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ: Лизанька страстно любитъ меня, и явись у меня теперь деньги: она не пойдетъ за теперешняго жениха своего, а выйдетъ за меня. Господи! я съ ума сойду придумывая, какъ бы это мнѣ вдругъ разбогатѣть. Но я вѣдь не ребенокъ—долженъ знать, что это совершенно невозможное для меня дѣло. Деньги, большія—деньги только одно спасеніе для меня теперь, а у меня нѣтъ не только большихъ денегъ, но и пяти рублей не наберется. Какой малости, какой дряни надобно мнѣ, чтобы сдѣлаться счастливымъ. Хоть тресни я, а не разбогатѣю въ какихъ-нибудь двѣ недѣли, что осталось до свадьбы Лизанькиной. Я не младенецъ: тотъ только можетъ тѣшить себя надеждами, будто случится то, чего не случается въ жизни. Деньги вѣдь не спадаютъ съ неба, какъ снѣгъ. А какъ хороша ангелъ-Лизанька! какъ бы мы были съ ней счастливы. Мнѣ осталось теперь только что плакать объ ней, горько плакать.» Съ этими мыслями Борисъ Алексѣевичъ вошелъ въ свою квартиру. Когда онъ проходилъ чрезъ кухню, то дочь хозяйки остановила его и попросила у него, по приказу матери, не приходившей еще отъ Платона Ивановича, цѣлковый рубль, въ уплату квартирныхъ денегъ, которыя слѣдовало получить съ него уже недѣли полторы; но онъ не отдавалъ еще все ихъ, отзываясь неимѣніемъ денегъ.—Борисъ Алексѣевичъ сказалъ кормилицыной дочери, что отдастъ деньги за квартиру чрезъ недѣлю, а теперь у него почти нѣтъ ни копѣйки. Дочь кормилицы просила было хотя полтинника, но онъ рѣшительно отказалъ ей и въ этомъ, сказавъ, что ближе недѣли не въ состояніи уплатить имъ даже самой малости. Не зажигая огня, Борисъ Алексѣевичъ вошелъ въ комнату свою и сказавъ, что не будетъ ужинать, заперся въ потьмахъ. Душевная горесть до того надломила сердце ему и омра-

Digitized by Google

чила умъ, что оставшись одинъ, онъ почувствовалъ, что разсудокъ его мѣшается.

Кормилица опять ночевала у Лизаньки, а мужъ и дочь ея вмѣстѣ съ жильцами слышали, какъ Борисъ Алексѣевичъ бормоталъ что-то въ своей комнатѣ, тяжко охалъ и порою стучалъ. — Ужъ здоровъ ли онъ? не пьетъ, не ѣстъ который день, да и глаза-то у него сдѣлались что-то какіе-то красные, да мутные, подумала дочь кормилицы, когда проснулась часу въ первомъ ночи и снова услышала стоны Бориса Алексѣевича, мѣшавшіеся порой съ какими-то странными возгласами.

— Что-то съ нимъ дѣлается не хорошо, молвила про себя дочь кормилицы, и снова заснула.

ГЛАВА III.

Войдя съ вечера въ свою комнату, Борисъ Алексѣевичъ не выходилъ изъ нее часовъ до девяти утра. Ни кто не входилъ къ нему въ продолженіи этого времяни, и потому незнали, что дѣлается съ Борисомъ Алексѣевичемъ. Когда въ девять часовъ воротилась отъ Платона Ивановича кормилица, то дочь разсказала ей, что Борисъ Алексѣевичъ недалъ даже полтинника и всю ночъ стоналъ и вскрикивалъ. Кормилица была скучна и тужъ минуту пошла постучаться въ дверь къ Борису Алексѣевичу; но еще не подошла она къ двери, какъ дверь отворилась, и Борисъ Алексѣевичъ вышелъ изъ комнаты своей. Онъ былъ разодѣтъ и уже въ плащѣ и съ шляпой въ рукахъ. Щеки нашего молодаго человѣка горѣли необыкновеннымъ румянцемъ, а глаза такъ и блистали восторгомъ. Онъ былъ весь въ волненіи и безумно радостенъ. Вертя отважно въ рукахъ шляпу, онъ вскричалъ кормилицѣ: — Ну что, кормилица? какъ милая Лизанька? Былъ вчера женихъ?

Digitized by Google

— Надѣлалъ ты дѣлъ вчера! Какъ тебѣ только не стыдно? вскричала кормилица, кивая на него головою и съ сальнымъ упрекомъ смотря ему прямо въ глаза, — говорила неходи, такъ нѣтъ пошелъ! Тебѣ ничего: ты вишъ, какой веселый, куда и горе твое дѣвалось; я еще ни разу не видала тебя такимъ веселымъ. Да ей-то маково: загубилъ мою голубушку. Изволька нынче же съѣзжать отъ меня, а то съ тобой и меня сочтутъ потатчицей на скверныя дѣла. Ишъ ты, изволилъ одинъ на одинъ ручку у Лизаветы Платоновны поцаловать, да наговорилъ ей кучу всякихъ турусовъ на колесахъ. Ты думалъ ни кто не увидитъ, анъ всѣ видѣли. Эта потаскушка, хоть она и барыня, посконная Авдотья Михаловна все, все видѣла въ дверь. Эта поскудная особа на всѣ руки. Она духомъ смѣкнула все дѣло, а Лизанька-то глупая была цѣлый вечеръ при женихѣ, какъ словно въ тучу опущеная, и все нѣтъ-нѣтъ уйдетъ отъ него, запрется въ своей комнатѣ и вернется къ жениху съ заплаканными глазами. Женихъ-то и самъ насупился на Лизаньку: видитъ, что она совсѣмъ не смотритъ на него. Онъ, должно быть, рѣвнивецъ страшный; а тутъ проклятая Авдотья Михаловна подвернулась къ нему предъ ужиномъ, да одинъ на одинъ видно все и разсказала ему, да я-чай еще и наврала съ три короба. Лакей Иванъ видѣлъ, какъ она въ залѣ шептала жениху. Подлинно поскудная тварь: ну ее ли дѣло, что дѣлаютъ другіе. Женихъ и ужинать не сталъ. Болѣнъ, говоритъ, и сердитый уѣхалъ домой, а Лизанька на верхъ, да въ слезы. А вотъ нынче-то рано по утру, женихъ прислалъ съ свахою письмо и назадъ обручальное кольцо. Пишетъ, вишъ, что, вѣрно, Лизавету Платоновну выдаютъ за него насильно, такъ онъ, вишъ, и не хочетъ жениться на ней насильно, противъ ея сердечнаго желанія. Сваха-то, говоритъ, что его лакеи-то разсказывали ей: вишъ онъ вчера по вечеру вернулся домой сердитый, напился пьянъ, и ну говорить съ братомъ про Лизаньку, да про тебя, и, какъ ты ручку цаловалъ у невѣсты его, и вишъ все приговаривалъ спасибо этой поскудной Авдотьѣ Миха-

Digitized by Google

ловнѣ. — Навела, говоритъ, на умъ-разумъ его. Изволька голубчикъ нынѣче же убираться отъ меня съ квартиры. Двѣ недѣли прошелъ ужъ срокъ тебѣ; проподай и деньги за тобой, а держать тебя дня небуду, хоть ты мнѣ въ пятеро давай за эту комнату. Я не потатчица такимъ дѣламъ. Теперь женихъ-то на всю Москву просвищетъ, по твоей милости, Лизавету Платоновну; засядѣтъ она въ дѣвкахъ: велико ли за ней приданое. Надѣлалъ ты дѣльца. Слезъ-то, да брани и вчера, и нынѣче не оберешься у нихъ въ домѣ. И мнѣ за тебя отъ Платона Иваныча досталось: виновата вишъ я, что ты у меня живешь. А тебя Платонъ Иванычъ и къ воротамъ своимъ невелѣлъ пускать. Говоритъ: я больше незнаю его: мерзавецъ онъ неблагодарный. Топнулъ и на меня Платонъ Иванычъ, да велѣлъ мнѣ убираться вонъ. Я говорю ему: напрасно взводите на меня вину: я этакимъ дѣламъ не потатчица, а онъ закричалъ на меня, чтобъ я неразговаривала, а убиралась. — Ишъ ты голь перекатная: взбрело же тебѣ на умъ жениться на Лизанькѣ: рыломъ еще не вышелъ. Смотри пожалуй, онъ безсовѣстный срамникъ еще хохочетъ во все горло. Вонъ сей-часъ съ квартиры!

Въ самомъ дѣлѣ Борисъ Алексѣевичъ, вертя въ рукахъ шляпу, внимательно слушалъ съ радостнымъ лицомъ рѣчь кормилицы; наконецъ захохоталъ во все горло, и когда кормилица такъ неучтиво окончила рѣчь, то Борисъ Алексѣевичъ бросился обнимать и цаловать кормилицу, говоря ей восторженно: кормилка, кормилка! я люблю тебя: ты вскормила моего ангелочка Лизаньку, мою миленькую, хорошенькую невѣсту.

— Пусти, убирайся гольтепа: какъ ушей тебѣ своихъ невидать, такъ не жениться на Лизаветѣ Платоновнѣ. Что ты съ ума что ли сошелъ? отстань, отстань! кричала кормилица, вырываясь отъ Бориса Алексѣевича.

Но онъ не выпускалъ ее и крѣпко цалуя говорилъ ей: ты думаешь, кормилка, что я бѣденъ? Я богатъ,

Digitized by Google

такъ богатъ, какъ вы никто и недумаете. Я куплю себѣ большую деревню, буду помѣщикомъ и женюсь на Лизанькѣ: я прикинулся бѣднымъ только за тѣмъ, чтобъ узнать, любитъ ли меня она, мой безцѣнный ангельчикъ. Я узналъ вчера, что она меня страстно любитъ, и я богатъ, кормилка, богатъ! Сдѣлай милость, ступай сейчасъ же къ Платону Ивановичу и сватай за меня Лизаньку. Я женюсь на ней. Какъ будемъ счастливы мы съ нею. Глаза Бориса Алексѣевича необыкновенно блистали, на щекахъ еще сильнѣй пылалъ румянецъ, который было можно принять за горячечный.

— О, Господи! вотъ еще напасть-то: онъ съума сошелъ, проговорила кормилица съ испугомъ, когда услышала эти слова отъ Бориса Алексѣевича и посмотрѣла въ лице ему. Она поспѣшно рванулась изъ всѣхъ силъ отъ Бориса Алексѣевича и освободясь отъ него, отскочила къ двери. Болѣзливо смотря на хохотавшаго моего молодаго человѣка, кормилица промолвила: — Вотъ она не по себѣ любовь-то? и Лизаньку сгубилъ и самъ съ ума спятилъ. Мы незамѣчали только, а онъ можетъ съ полоумья-то и влюбился въ Лизавету Платоновну. Ишъ такую ахинею онъ несетъ: вчера вечеромъ полтинника не было, а за ночь, запершись въ своей каморкѣ, къ утру богачемъ сталъ: деревню хочетъ купить, помѣщикомъ стать. Угодилъ батюшка — помѣщикъ въ желтый домъ. Охъ, вотъ горя-то у меня не доставало: жилецъ у меня съума сошелъ. Кормилица громко заплакала; на плачь ея прибежала одна дочь: жильцовъ никого уже не было дома.

— Охъ, какъ квартиру держу, такой бѣды у меня небывало. Какъ-то разъ, старикъ жилецъ забредилъ съ перепоя: нашелъ на него хмѣльникъ; да я опохмѣлила старика, и какъ рукой все сняла съ него. А съ этимъ что дѣлать? вѣдь онъ человѣкъ модный—непьющій: не съ хмѣлю ума рѣхнулся, — такъ чѣмъ тутъ ему поможешь? говорила, вся, кормилица и обратясь къ дочери, прибавила:—Надо поскорѣй въ Часть дать знать: дискать жилецъ у насъ съума сошелъ, возьмите его отъ насъ куда хотите.— Ты я чай сама ви-

Digitized by Google

дѣла: задушилъ было меня совсѣмъ, а какую околесную несетъ-то, индо уши вянутъ. Съ нимъ, какъ разъ наживешь бѣды: пожалуй до смерти перекусаетъ всѣхъ насъ.

Борисъ Алексѣевичъ между тѣмъ вошелъ на минуту въ свою комнату и выйдя снова изъ нее, заперъ дверь. Тутъ онъ невольно остановился и опять громко захохоталъ, смотря на перепуганныхъ кормилицу и дочь ея, которыя вышедши въ другую комнату, посматривала со страхомъ изъ за двери на Бориса Алексѣевича. Онъ такъ сильно хохоталъ на нихъ, что долго не могъ выговорить ни одного слова.

— Ну васъ! наконецъ вскричалъ Борисъ Алексѣевичъ, махнувъ на нихъ рукою, и поспѣшно вышелъ изъ квартиры.

— Чудаки принимаютъ меня за сумасшедшаго, думалъ онъ:—Но какъ же покровительствуетъ мнѣ судьба, подумалъ герой мой: я сталъ богатъ,—и Лизанька сдѣлалась свободна. Теперь съ радостью отдадутъ ее за меня.

— Вотъ что намъ дѣлать? сказала кормилица дочери: онъ, какъ есть, съ ума спятилъ. Куда онъ теперь побѣжалъ.

— Вѣдь я вамъ говорила маменька, отвѣчала дочь, что Борисъ Алексѣичъ вѣрно нездоровъ. Недаромъ же весь вечеръ и всю ночь стоналъ онъ, да взвизгивалъ.

— Погожу давать знать въ Часть: авось не стурю ли его съ квартиры, сказала кормилица. — А часа въ два схожу къ *своимъ*, (такъ привыкла называть она семью Платона Ивановича), разскажу имъ, какая напасть у меня приключилась, и попрошу у Платона Иваныча совѣта, что мнѣ дѣлать съ сумасшедшимъ.

И точно во второмъ часу кормилица отправилась къ Платону Ивановичу въ домъ. Она наказала дочери, что ежели Борисъ Алексѣевичъ вернется, да станетъ драться или ломать мебель, да бить посуду; то чтобъ

Digitized by Google

дочь поскарѣй бѣжала въ ближнюю будку и привела будочниковъ связать сумасшедшаго и свести въ Часть.

Теперь кормилица небоялась увидѣть Платона Ивановича, несмотря на то, что онъ въ сердцахъ выгналъ ее по утру. Она была увѣрена, что онъ перестанетъ сердиться на нее, когда узнаетъ, что Борисъ Алексѣевичъ сошелъ съ ума, и сочтетъ, что жилецъ ея надѣлалъ вчера всѣ бѣды въ сумасшедшемъ видѣ. Платонъ Ивановичъ еще не пріѣзжалъ изъ присутствія, когда пришла въ домъ его кормилица, какъ бы запыхавшись. Принявъ на себя испуганный видъ, она объявила Варварѣ Семеновнѣ и Лизанькѣ, что Борисъ Алексѣевичъ въ эту ночь сошелъ совсѣмъ съ ума и по этому-то видно онъ еще вчерашній день началъ мѣшаться въ разсудкѣ, и оттого навралъ Лизаветѣ Платоновнѣ разныхъ разностей и поцаловалъ у ней руку. А нынче-то утромъ чуть не задушилъ ея кормилицу, хохоталъ такъ страшно, что какъ вспомнишь — морозъ по кожѣ подираетъ. А ужъ ахинею-то какую несъ, и не вздумаешь скоро: вишь онъ богачъ, деревню собирается купить, а вотъ вчера вечеромъ не было у него полтинника отдать за квартиру. Кормилица прибавила, что онъ сей-часъ разодѣлся въ пухъ и убѣжалъ куда-то со двора. «Дай-то Господи, сказала она:—чтобъ гдѣ нибудь онъ попался въ Часть; такъ мнѣ бы и безъ хлопотъ: спровадили бы его оттуда въ Желтый домъ.— Надобно замѣтить, что кормилица разсказывая все, не сказала однако же, что Борисъ Алексѣевичъ просилъ ее сходить посватать за него Лизаньку: кормилица побоялась сказать это потому, что боялась, чтобы не сочли, что она была и прежде переносщицею между влюбленныхъ нашихъ.

Варвара Семеновна вполнѣ повѣрила словамъ кормилицы; пожалѣла бѣднаго Бориса Алексѣевича и сама крѣпко запретила своимъ людямъ ни зачто непускать его, когда онъ придетъ. Лизанька ушла къ себѣ на верхъ, затворилась въ своей комнатѣ и заплакала: она поняла, что несчастный Борисъ Алексѣевичъ сошелъ съ ума отъ страстной любви къ ней. Лизанькѣ такъ было

Digitized by Google

жалко его, что она готова была бы отдать жизнь свою, ежели бъ чрезъ это можно было возвратить ему разсудокъ, хотя и не для ней самой онъ сталъ бы опять въ полномъ умѣ.

Наконецъ пріѣхалъ домой и Платонъ Ивановичъ. Варвара Семеновна разсказала ему все, что узнала отъ кормилицы. Выслушавъ жену, Платонъ Ивановичъ сказалъ ей, что Борисъ Алексѣевичъ сошелъ съ ума. Тутъ Платонъ Ивановичъ разсказалъ, что Борисъ Алексѣевичъ часу въ двѣнадцатомъ утра приходилъ въ присутствіе и выпросилъ на три дня увольненіе отъ службы, по семейнымъ надобностямъ; когда же Платонъ Ивановичъ выходилъ въ переднюю присутствія, то онъ встрѣтилъ тамъ Бориса Алексѣевича, который сталъ ему говорить, чтобъ онъ несчиталъ его за бѣдняка, что онъ хочетъ купить деревню въ двѣсти душъ, которая по сосѣдству съ зятемъ его Платона Ивановича. «Хотъ онъ говорилъ мнѣ все это и тихо, прибавилъ Платонъ Ивановичъ:» но я тотчасъ замѣтилъ, что онъ не въ своемъ разсудкѣ: глаза у него такъ и блестѣли. Просто: или бѣлая горячка у него начинается, или онъ совсѣмъ тронулся. Вотъ и разгадка его вчерашнихъ поступковъ; а наша-то сударыня, по глупости развѣсила уши, повѣрила человѣку не въ полномъ разсудкѣ и чрезъ эту глупость потеряла завидного жениха.

Когда кормилица явилась на лицо къ Платону Ивановичу, и прикинувшись, что незнаетъ, что ей дѣлать съ своимъ помѣшаннымъ жильцомъ, едва некланялась въ ноги, начала просить у Платона Ивановича наставленія, какъ поступить ей съ безумнымъ; то и Платонъ Ивановичъ велѣлъ кормилицѣ, ежели Борисъ Алексѣевичъ придетъ къ ней и будетъ буянить, то несмотря ни на что, тотчасъ же отправить его въ Часть.

Кормилица воротилась домой часу въ четвертомъ, и первымъ словомъ ея было, что? пришелъ сумасшедшій?

— Небывалъ еще съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ давича при васъ, отвѣчала дочь.

Съ страхомъ стали ожидать прихода Бориса Алексѣевича кормилица и дочь. Прошелъ часъ, прошелъ

Digitized by Google

другой, прошелъ третій, собрались всѣ жильцы, а онъ все неприходилъ.

— Ужъ не бросился ли онъ въ Москву рѣку иль несдѣлалъ ли чего надъ собою: сумасшедшему человѣку все не почемъ, пожалуй съ Ивана Великаго спрыгнетъ, проговорила кормилица, ободренная тѣмъ, что теперь собрались всѣ жильцы и какъ нибудь сладятъ съ безумнымъ, пока придутъ будочники. Весь вечеръ у всѣхъ жильцовъ только и было толку, что про помѣшательство Бориса Алексѣевича. (таруха торговка даже присовѣтовала кормилицѣ неподавать Борису Алекеѣевичу къ ужину ни ножа, ни вилки, а то чего добраго, пожалуй, сумасшедшій ножемъ всѣхъ ихъ перерѣжетъ, а вилкой перколитъ.

Часовъ въ девять пришелъ Борисъ Алексѣевичъ. Онъ напѣвалъ веселую, модную пѣсню и, противъ всеобщаго ожиданія, онъ былъ тихъ, и весело спросилъ кормилицу: была ты, кормилица, у Лизаньки?

— Нѣтъ не была, отвѣчала кормилица, желая поскорѣе отдѣлаться отъ сумасшедшаго.—Мы всѣ спать хочемъ: нѣкогда разговаривать, прибавила она, уходя въ другую комнату.

Борису Алексѣевичу страхъ хотѣлось спать, и онъ несказавъ больше ни слова, прошелъ въ свою комнату, зажегъ огонь въ ней, но чрезъ четверть часа погасилъ его. Тихо по прежнему прошла вся ночь въ квартирѣ кормилицы: Борисъ Алексѣевичъ спалъ до самаго утра, также крѣпко и спокойно, какъ и другіе жильцы ея. Проснувшись часу въ девятомъ, онъ по обыкновенію, спросилъ самоваръ себѣ; но кормилица, оставившая на всякой случай дома мужа и сапожника, отставнаго солдата, объявила рѣшительно Борису Алексѣевичу, что самовара ему не будетъ и чтобъ изволилъ нынѣче же съѣзжать отъ нее, а то она попроситъ въ полицію, такъ его принудятъ съѣхать.

Борисъ Алексѣевичъ улыбнулся и сказалъ кормилицѣ, что онъ и самъ ни за какія деньги не станетъ жить здѣсь: къ вечеру же съѣдетъ въ гостинницу на

Digitized by Google

Кузнецкой мостъ, потому что ему надобно дня два умеблировывать домъ, который онъ нанялъ себѣ. Да кромѣ меблировки еще должно нанять и хорошую прислугу; на первый случай лакея и повара. Проговоря это, Борисъ Алексѣевичъ сталъ одѣваться, а кормилица промолвила шепотомъ: — я ночью думала, что прошло съ нимъ, анъ вѣрно стоитъ только съума сойти, такъ не скоро опять на умъ найдешь: вонъ онъ знай себѣ все несетъ околесную.

Поскорости одѣвшись совсѣмъ, Борисъ Алексѣевичъ вышелъ изъ комнаты своей и неговоря ни съ кѣмъ ни слава, заперъ ее и отправился со двора. Въ вечерни возвратился онъ на извощикѣ домой и заперся въ своей комнатѣ. Пробывъ въ ней съ часъ, онъ кликнулъ къ себѣ кормилицу. Она вошла въ комнату Бориса Алексѣевича не одна, но съ мужемъ, который оставался цѣлый день дома, ради какого ни есть случая съ Борисомъ Алексѣевичемъ. Сумаспедшій жилецъ давъ ей двадцати-пяти-рублевую ассигнацію, велѣлъ кормилицѣ вычесть изъ этихъ денегъ пятнадцать рублей его долга за квартиру, а остальныя взять въ подарокъ отъ него. Вмѣстѣ съ этимъ онъ попросилъ мужа кормилицы нанять ломоваго извощика на Кузнецкій мостъ. Когда извощикъ былъ приведенъ и были складены на него скудные пожитки Бориса Алексѣевича, въ томъ числѣ и тюфякъ съ подушкою, завернутые въ одѣяло; то Борисъ Алексѣевичъ подарилъ кормилицѣ всю бѣдную мебель свою, изъ которой не взялъ на новоселье ни одного стула. Прощаясь съ кормилицею и благодаря ее за прежнее доброе расположеніе ея къ нему, онъ сказалъ ей, что когда онъ все устроитъ въ своей квартирѣ и переѣдетъ въ нее изъ гостинницы, то пришлетъ за кормилицею своего лакея. Борисъ Алексѣевичъ необыкновенной для его состоянія щедростію, поставилъ теперь кормилицу — просто въ тупикъ. Но когда онъ попросилъ мужа ея довхать съ извощикомъ до Н:, Французской гостинницы; то кормилица, услыша названіе гостинницы, даже ахнула. Проводя Бориса Алексѣевича, она тотчасъ сказала дочери: смотри пожалуй, куда онъ съѣзжаетъ

Digitized by Google

отъ насъ. Вѣдь и впрямь вѣрно у него есть деньги, не даромъ красненькую мнѣ подарилъ, да и всю мебель мнѣ отдалъ. А мы-то, глупыя сочли, что онъ съума сошелъ. Да вотъ что, впрямь ли онъ въ эту гостинницу поѣхалъ? не совралъ ли онъ? Поскорѣй бы вернулся мужъ: хочется до смерти узнать, доподлинно ли въ нее перевезъ онъ пожитки Бориса Алексѣича. Коли выйдетъ правда, такъ мы сами-то вотъ ужъ и впрямь полоумныя: но напрасно сочли хорошаго человѣка сумасшедшимъ. Ужъ развѣ не нанялся ли онъ къ кому въ этой гостинницѣ? Да то сказать: Борисъ Алексѣичъ годъ живетъ у насъ, а ни разу не случалось, чтобъ онъ когда совралъ. Да вотъ отецъ вѣрнется — все разскажетъ. Нынче ужъ поздно, а завтра побѣгу къ своимъ, да все имъ разскажу.

Часа чрезъ два явился мужъ кормилицы, и еще болѣе возросло удивленіе ея, когда онъ разсказалъ ей, какія двѣ комнаты занялъ себѣ въ гостинницѣ, бывшій жилецъ ихъ.

— А что, ты невидалъ: не живетъ ли еще кто нибудь другой въ тѣхъ покояхъ? спросила кормилица мужа.

— Какъ есть одинъ, а покои чисто генеральскіе нанялъ, отвѣчалъ мужъ: — Поглядѣла бы ты баба, какъ онъ командуетъ тамошней прислугой. Такъ она у него на вытяжкѣ и бѣгаетъ. Видно, что самъ себѣ командиръ. Откуда что взялось: чистымъ княземъ зажилъ. А у насъ-то, баба, какимъ онъ поскуднымъ жидомъ проживалъ. Просто диво-дивинское. А вы, глупыя бабы сочли его за полоумнаго, да и меня въгрѣхъ ввели. И я дурачина послушалъ васъ, да цѣлый день деньской просидѣлъ дома. Такъ нынче рыночный день и пропалъ у меня не загрошъ. Мужъ кормилицынъ это совралъ, потому что Борисъ Алексѣевичъ подарилъ ему за перевозку полтинникъ, который онъ скрылъ отъ жены, для собственныхъ расходовъ, касающихся выпивки.

Кормилица сей часъ бы побѣжала къ своимъ, разсказать, что Борисъ-то Алексѣевичъ, какъ есть не су-

Digitized by Google

масшедшій, а вѣрно и впрямь богачъ, но было поздно идти къ нимъ, и она отложила это до утра. Однако же кормилица весь вечеръ не переставала думать о томъ, что вдругъ сдѣлалось изъ Бориса Алексѣевича. Собрались всѣ жильцы кормилицы, и услыша, что Борисъ Алексѣевичъ не безумный, а богачъ, дивились, какой человѣкъ жилъ съ ними въ одной квартирѣ.

На другой день, - это было воскресенье—кормилица часу въ девятомъ утра была ужъ въ домѣ Платона Ивановича и повѣстила всѣмъ, что Борисъ Алексѣевичъ не сумасшедшій, а вѣрно доподлинно богатъ. Кормилица въ подтвержденіе этого, разсказала все, почему почитаетъ его точно богатымъ. Варвара Семеновна, выслушавъ кормилицу, сказала ей, что Борисъ Алексѣевичъ пріѣзжалъ къ нимъ вчера вечеромъ въ колескѣ; но они его не приняли. Платонъ же Алексѣевичъ сказалъ, что по словамъ кормилицы, онъ считаетъ Бориса Алексѣевича точно несумасшедшимъ, но просто неопытнымъ аферистомъ. — Я слышалъ отъ вѣрныхъ людей, продолжалъ онъ, что отецъ Бориса Алексѣевича жилъ такъ, что въ ихъ городѣ всѣ удивляются, что сыну не осталось ничего. Теперь же выходитъ, что у Бориса Алексѣича было отъ отца какихъ-нибудь двѣ, три тысячи, и онъ берегъ ихъ на полезное дѣло. А вотъ теперь вздумалъ на нихъ подняться на аферу; онъ еще не опытенъ: полагаетъ, что мы повѣримъ, что онъ богатъ. — Платонъ Ивановичъ замолчалъ и подумалъ: «Борисъ Алексѣевичъ узналъ, что глупая Лизанька не равнодушна къ нему и онъ рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы сдѣлаться моимъ зятемъ. Для этого онъ и вздумалъ пустить намъ пыль въ глаза. Онъ полагалъ, что мы навѣрное сочтемъ его за человѣка богатаго и повѣривъ его собственнымъ словамъ, что онъ точно богатъ, выдадимъ за него Лизаньку. Нѣтъ, стараго воробья на мякинѣ не обманешь. Послѣ этихъ мыслей Платонъ Ивановичъ проговорилъ въ слухъ: пустой и глупый человѣкъ этотъ Борисъ Алексѣичъ, и никогда нога его у меня не будетъ въ домѣ.

Digitized by Google

Лизанька услыша, что Борисъ Алексѣевичъ не сумасшедшій, горячо благодарила въ душѣ Бога за это, и не вѣрила словамъ отца: ея сердце говорило ей, что тотъ, кого любитъ она, не обманщикъ, но точно богатъ. При этой мысли она радовалась въ душѣ: теперь она можетъ выдти за него за мужъ. Лизанька хотя была еще такъ молода, но догадывалась, что должно скоро открыться истинное положеніе состоянія Бориса Алексѣевича. Зная теперь, что онъ не безумный, она страхъ сожалѣла, что вчера не приняли его у нихъ: она бы увидалась съ нимъ и взорами сказала бы ему, какъ онъ милъ душѣ ея.

Нашъ молодой человѣкъ, сдѣлавшійся теперь загадочнымъ, заѣзжалъ въ этотъ день къ кормилицѣ узнать объ Лизанькѣ. Кормилица приняла его уже какъ человѣка богатаго. Она разсыпалась предъ нимъ въ разговорахъ на счетъ любви Лизаньки къ нему и не скрыла, пустаго по ея кормилициным словамъ, — мнѣнія о немъ Платона Ивановича. Теперь кормилица была на сторонѣ нашихъ влюбленныхъ; но передать отъ Бориса Алексѣевича письмо Лизанькѣ, она невзялась, боясь, чтобы оно не попалось, какъ-нибудь въ руки родителей Лизанькиныхъ: тогда если Борисъ Алексѣевичъ, Боже избави! окажется не богачемъ, то ее не будутъ пускать и въ домъ Платона Ивановича. Кормилица обѣщала нашему влюбленному сходить послѣ завтра къ своимъ и пересказать Лизанькѣ на словахъ, какъ любитъ ее Борисъ Алексѣевичъ и что онъ лишь только купитъ деревню себѣ, то тотчасъ предложитъ Лизанькѣ свою руку.

На другой день послѣ этого, часу во второмъ, хорошо одѣтый лакей пришелъ къ кормилицѣ и сказалъ, что за нею прислалъ баринъ его, Борисъ Алексѣичъ. Когда кормилица стала спрашивать лакея: куда придти къ барину его, то лакей отвѣчалъ ей: — баринъ приказалъ приходить тебѣ теперь же со мною.

Кормилица принарядилась и отправилась къ бывшему жильцу своему. Дорогою она узнала отъ лакея, что Борисъ Алексѣевичъ нанялъ вчера его и повара,

Digitized by Google

а нынче утромъ переѣхалъ изъ гостинницы на свою квартиру. Въ слѣдствіе этого кормилица купила дорогою два большихъ калача, чтобъ поднести Борису Алексѣевичу, на новоселье. — Распрашивая лакея, у кого онъ прежде живалъ, она прошла съ нимъ улицы три и вошла за нимъ во дворъ особеннаго, красиваго, деревяннаго домика, комнатъ о шести. Когда лакей, проговоря ей: «вотъ гдѣ мы живемъ,» ввелъ ее въ чистую переднюю и пошелъ доложить барину; то кормилица взглянувъ въ прекрасно-убранную залу, утвердилась вполнѣ въ своемъ мнѣніи, что Борисъ Алексѣевичъ не надувальщикъ, а настоящій богачъ. Минуты черезъ двѣ Борисъ Алексѣевичъ вышелъ въ прекрасномъ домашнемъ сюртучкѣ, веселый, къ кормилицѣ. Она поздравила его съ новосельемъ и поднесла ему калачи. Поблагодаря ее красненькою бумажкою, Борисъ Алексѣевичъ повелъ кормилицу по всѣмъ комнатамъ. Всѣ онѣ были прекрасно убраны и въ нихъ прилично было бы жить и женатому достаточному человѣку.

— Ну что, кормилица, хороша ли у меня квартира? спросилъ Борисъ Алексѣевичъ, когда войдя съ кормилицею снова въ гостиную, остановился съ нею въ этой богато-убранной комнатѣ.

— Чудестная! воскликнула кормилица и понизивъ голосъ, прибавила: — теперь дай Господи вамъ жениться.

— На твоей Лизаветѣ Платановнѣ, договорилъ Борисъ Алексѣевичъ, который теперь сталъ во сто разъ развязнѣй и свободнѣй въ обращеніи и разговорѣ, чѣмъ былъ прежде, когда проживалъ у кормилицы. — Платонъ Ивановичъ въ скоромъ времени разувѣрится въ своемъ ложномъ мнѣніи обо мнѣ, сказалъ нашъ молодой человѣкъ кормилицѣ: онъ скоро увидитъ, что я не двѣ три тысячи получилъ отъ родителей моихъ, но хорошее состояніе. Тогда я тотчасъ же стану просить у родителей Лизаветы Платоновны драгоцѣнной для меня руки ея. А теперь пока - какъ я тебя просилъ кормилица — сходи къ Лизанькѣ, да пожалуй-

Digitized by Google

ста, сходи нынѣче же,—перескажи ей все, что я просилъ тебя вчера пересказать ей.

Восхищаясь квартирою Бориса Алексѣевича, кормилица обѣщалась ему, только на минуту зайдти отъ него домой, и тотчасъ же отправиться къ своимъ. Нашъ молодой хозяинъ угостилъ ее отличной мадерой, и кормилица превознося его на чемъ свѣтъ стоитъ и обрекая Борису Алексѣевичу ея Лизавету Платоновну, ушла отъ него довольно навеселѣ.

Платонъ Ивановичъ вечеромъ этого же дня выслушавъ отъ кормилицы про богатую квартиру Бориса Алексѣевича, подтвердилъ во всеуслышаніе свою мысль, что Борисъ Алексѣевичъ никто иной, какъ пустой аѳеристъ, и прибавилъ, что чрезъ мѣсяцъ онъ опять очутится на такой же квартирѣ, на какой жилъ у кормилицы. Варвара же Семеновна колебалась въ мысляхъ своихъ на счетъ Бориса Алексѣевича: порой была согласна съ мужемъ, порой съ кормилицею, увѣрявшей ее, когда онѣ были одинъ на одинъ, что «вотъ же провалиться ей кормилицѣ на этомъ мѣстѣ, коли Борисъ Алексѣичъ не богачъ.

Лизанька, узнавъ о богатой квартирѣ Бориса Алексѣевича, пришла въ восхищеніе. Но когда кормилица пересказала наединѣ Лизанькѣ все, что велѣлъ ей сказать Борисъ Алексѣевичъ, то Лизанька почувствовала въ душѣ своей такое блаженство, котораго еще не знала въ жизни. Она свято вѣрила, что Борисъ Алексѣевичъ богатъ, и съ восторгомъ воображала его своимъ мужемъ. Кормилица еще болѣе воспламеняла эти мечты въ Лизанькѣ клятвою, что она кормилица дастъ голову себѣ отрубить, ежели только Борисъ Алексѣевичъ не богатъ. Прощаясь съ кормилицею, Лизанька послала съ нею поклонъ Борису Алексѣевичу и тихо, робко, просила сказать ему, что его Лизанька любитъ его больше всѣхъ на свѣтѣ. Сердце ее такъ настрадалось со времени послѣдняго свиданія ея съ Борисомъ Алексѣевичемъ, что теперь она отважилась сказать ему чрезъ кормилицу, что страстно любитъ его.

Digitized by Google

Чрезъ день послѣ этого Платонъ Ивановичъ не пріѣзжалъ домой обѣдать. Часу въ осьмомъ вечера, когда счастливая надеждою Лизанька, вязала кошелекъ въ диванной, на диванѣ подлѣ матери, раскладывавшей гранъ-пасіансъ, къ крыльцу ихъ подъѣхали двѣ пары. Зазвенѣлъ колокольчикъ въ передней, и Лизанька услышала голосъ отца своего, потомъ голосъ зятя и наконецъ.... она не повѣрила ушамъ своимъ: милый ей голосъ Бориса Алексѣевича. Сердце у ней замерло, какъ бы испугомъ, и чрезъ мигъ забилось такъ радостно, радостно. Щечки у ней вспыхнули яркимъ румянцемъ, особенно, когда мать, взглянувъ пристально на нее, сказала: — это кажется, съ Платономъ Иванычемъ Борисъ Алексѣичъ?

Лизанька потупя глазки, отвѣчала: да это его голосъ, мамашенька.

Еще болѣе увеличилась радость Лизаньки, когда вошли въ диванную отецъ и зять. Они оба были слегка на веселѣ, и Платонъ Ивановичъ велъ за руку Бориса Алексѣевича.

— Поздравь Варинька Бориса Алексѣича: онъ сталъ сосѣдъ съ нимъ по деревнѣ, приговорилъ Платонъ Ивановичъ, показывая рукою на зятя.

— Да, сказалъ зять: мы съ батюшкою поѣхали нынѣче въ Опекунскій Совѣтъ, думали: не подойдетъ ли мнѣ подешевлѣ купить сосѣднюю деревню, которую и вы, маменька, осматривали, живя нынѣшнее лѣто у меня въ деревнѣ. Но Борисъ Алексѣичъ горячо торговался на нее, и она осталась за нимъ. Онъ купилъ эти превосходныя двѣсти душъ съ переводомъ на себя долга Опекунскому Совѣту и притомъ отдалъ наличными деньгами восемьдесятъ тысячь рублей ассигнаціями.

Когда говорили Платонъ Ивановичъ и зять, Борисъ Алексѣевичъ пожиралъ глазами Лизаньку, которая вся зарумянясь, съ сильно біющимся радостью сердцемъ, часто взглядывала ему въ глаза. Она была на верху блаженства. Добрая Варвара Семеновна радовалась тоже: любя сильно Лизаньку и узнавъ лю-

Digitized by Google

бовь ее къ Борису Алексѣевичу, мать скорбѣла въ глубинѣ сердца о дочери, которой не въ силахъ была доставить счастіе: выдать ее за милаго ей человѣка было невозможно до этого времяни.

— Борисъ Алексѣевичъ увезъ насъ обѣдать къ нему на новоселье, и мы поздравили его, любезнаго, съ славной покупкой, проговорилъ Платонъ Ивановичъ.

— Я вамъ скажу, Борисъ Алексѣевичъ, говорилъ зять: чего стоитъ одна только судоходная рѣка въ вашемъ имѣньи, а лѣсъ-то какой, и притомъ крестьяне достаточные и народъ славный: спросите вотъ маменьку, Варвару Семеновну, и Лизаньку: онѣ нынѣшнее лѣто хорошо видѣли ваше помѣстье. Мнѣ и самому хотѣлось купить его. Имѣй я свободныя деньги: я бы самъ далъ за него такую же цѣну, какъ и вы.

— Мнѣ всего пріятнѣе, что у меня такой прекрасный сосѣдъ, сказалъ Борисъ Алексѣевичъ.

— И лѣтомъ будетъ такая сосѣдка, прлбавилъ зять, показывая глазами на разскрасневшуюся Лизаньку: иль вы не хотите, чтобъ она была у васъ сосѣдкою? примолвилъ онъ улыбаясь, такъ что этою улыбкою и выраженіемъ лица, досказывалъ мысль, что, можетъ быть, Борисъ Алексѣевичъ хочетъ, чтобъ Лизанька была не сосѣдкою его, а вмѣстѣ съ нимъ помѣщицею его помѣстья.

Платонъ Ивановичъ ушелъ въ кабинетъ; Варвара Семеновна занялась съ зятемъ, а Борисъ Алексѣевичъ съ Лизанькою. Когда они были одни въ залѣ у рояли, Борисъ Алекеѣевичъ въ первый разъ въ жизни открылся Лизанькѣ, прямо, какъ онъ ее любитъ и услышалъ отъ нее взаимное признаніе въ любви. Мгновенный, сладостный поцалуй запечатлѣлъ ихъ взаимное пламенное признаніе. Оба влюбленные вполнѣ блаженствовали: они были твердо увѣрены, что родители Лизанькины согласятся на бракъ ихъ. Борисъ Алексѣевичъ уѣхалъ домой часу въ двѣнадцатомъ ночи. О, какъ сладостно провела эту ночь моя Лизанька; какія очаровательныя сновидѣнія посѣтили ее, согрѣтую не мечтательною, а вѣрною надеждою.

Digitized by Google

Съ этого вечера Платонъ Ивановичъ сталъ ласковъ по прежнему съ Лизанькою, на которую сердился онъ съ самаго того времени, какъ отказался женихъ.

На другой день Платонъ Ивановичъ возвратясь домой изъ присутствія, сказалъ къ слову:» Борисъ Алексѣичъ славный молодой человѣкъ. И какой чудакъ, вздумалъ всѣхъ обмануть: прикидывался въ Москвѣ цѣлый годъ бѣднякомъ. Конечно мы могли повѣрить, потому что незнали его родителей, а кто зналъ, какъ жили они, то каждый удивлялся его бѣдности, полагая, что ему навѣрное должно остаться отъ его родителей тысячъ болѣе ста наличными деньгами. И точно, вчера самъ Борисъ Алексѣичъ подтвердилъ мнѣ это самое. Отецъ его, умирая, отдалъ тайно другу своему на сохраненіе, до совершеннолѣтія сына, восемьдесять тысячъ рублей ассигнаціями. Этотъ другъ сдѣлался опекуномъ Бориса Алексѣича, не говорилъ ему ни слова про отцовскія деньги: онъ положилъ ихъ въ ломбардъ, а Бориса Алексѣича образовалъ, какъ можно лучше. Когда жъ Борисъ Алексѣичъ, оконча ученіе въ Университетѣ, пріѣхалъ въ родной городъ, то опекунъ умирая, вручилъ ему ломбардные билеты его.

Чрезъ день послѣ этого разсказа Платона Ивановича о богатствѣ моего героя, былъ большой праздникъ: присутствія не было. Въ первомъ часу дня пріѣхалъ къ Платону Ивановичу Борисъ Алексѣевичъ. Они съ нимъ съ часъ говорили, затворясь одни въ кабинетѣ. Борисъ Алексѣевичъ уѣхалъ невидавши ни Варвары Семеновны, ни Лизаньки. Платонъ Ивановичъ тотчасъ велѣлъ попросить къ нему въ кабинетъ Варвару Семеновну. Поговоря съ ней съ четверть часа, онъ велѣлъ позвать къ нимъ Лизаньку. Слыша, что Борисъ Алексѣевичъ долго разговаривалъ наединѣ съ отцемъ, она догадалась, объ чемъ былъ этотъ разговоръ, и когда позвали ее къ отцу съ матерью, то она смущенная и зарумянившаяся, вошла на совѣщаніе родителей и остановилась предъ ними.

— Лизанька, сказалъ суръезнымъ голосомъ Платонъ Ивановичъ: — Борисъ Алексѣичъ проситъ руки

Digitized by Google

твоей. Онъ человѣкъ прекрасный и достаточный: я и мать согласны выдать тебя за него. Теперь дѣло за тобою, мой другъ; согласна ты выдти за него?

Мать при этомъ вопросѣ нѣжно улыбнулась, смотря на Лизаньку. Сердце Лизанькино сильно забилось при послѣднихъ словахъ отца. Въ радостномъ душевномъ смущеніи, зарумянясь еще болѣе, она поцаловала руку отца и проговорила: папенька! я согласна. — Потомъ она поцаловала руку матери, которая крѣпко обняла Лизаньку и поцаловала въ хорошенькую головку юную, теперь счастливую, дочь свою.

Въ слѣдующій день вечеромъ благословляли Бориса Алексѣевича съ Лизанькою. Кормилица, смотря на богатый подарокъ, который подарилъ въ этотъ вечеръ женихъ невѣстѣ, разсыпалась въ похвалахъ жениху и невѣстѣ, и говорила, что она всегда считала Бориса Алексѣевича *отличнющимъ* человѣкомъ. Когда она немного пораскуражилась, то похвасталась дѣвкамъ, что она устроила эту свадьбу, потому что нахваляла Борису Алексѣевичу Лизаньку—цѣлый годъ.

— А намѣдни, какъ отказался первый женихъ, да принялъ тебя Платонъ Иванычъ, такъ ты расклялась, двойная душа, что знать ничего незнаешь, подумала горничная Варвары Семеновны.

Надобно ли говорить о блаженствѣ моихъ влюбленныхъ, когда, чрезъ двѣ недѣли послѣ благословенія, совершена была богатѣйшимъ образомъ ихъ свадьба.

Дворникъ Матрены Ипатьевны смотря съ другими зрителями въ окно на богатый, свадебный, многолюдный обѣдъ Бориса Алексѣевича и зная, что у него двѣсти душъ крестьянъ, проговорилъ съ удивленіемъ окружающимъ: — Господи! этакой человѣкъ ночевалъ первую ночь въ Москвѣ у насъ въ кухнѣ.

Когда по разъѣздѣ всѣхъ гостей, новобрачные остались одни, то Борисъ Алексѣевичъ крѣпко прижимая къ груди своей милую, хорошенькую, наивную свою Лизаньку, осыпая ее пламенными поцалуями, невольно подумалъ: «Вотъ не обмануло же меня мое предчувствіе: и сдѣлался я вдругъ богатъ, и Лизанька стала моей женою!»

Digitized by Google

ЭПИЛОГЪ.

Назадъ тому года два, вечеромъ въ Москвѣ, въ роскошной, обширной диванной богатаго, каменнаго дома, пило чай семейство этого дома. На раскрытомъ столѣ, покрытомъ узорчатою, пунцовою скатертью, кипѣлъ модный самоваръ, накладнаго серебра. Самоваръ былъ большаго объема. Да и нельзя было стоять тутъ самовару меньше: семейство состояло изъ многихъ лицъ. Чай разливала лѣтъ шестнадцати блондинка, страхъ похожая на нашу Лизаньку, или Лизавету Платоновну, которая была теперь уже почтенная, дородная дама, лѣтъ слишкамъ сорока. Она помѣщалась на диванѣ, близь самовара; подлѣ нее лежала неоконченная работа—ея: шерстяной, пунцовый-съ зеленымъ шарфъ. Недалеко отъ нее сидѣла ея замужняя дочь, разговаривая съ женою втораго брата своего. Третья дочь Лизаветы Платоновны, лѣтъ тринадцати барышня, разговаривала съ осьмилѣтнимъ братомъ своимъ. Гувернантка, пожилая француженка, и гувернеръ, старикъ нѣмецъ, бесѣдовали между собою. Жена старшаго сына Бориса Алексѣевича, разговаривала съ братомъ мужа своего, лѣтъ девятнадцати молодымъ человѣкомъ, въ студенческомъ вицъ-мундирѣ. Мужъ ея штабсъ-капитанъ, — видной изъ себя мущина, съ пріятнымъ, мужественнымъ лицомъ, съ черными красивыми усами, въ растегнутомъ военномъ вицъ-мундирѣ, съ Георгіемъ въ петлицѣ и еще съ другимъ орденомъ,—сидѣлъ на креслахъ подлѣ отца и разговаривалъ съ нимъ, куря между тѣмъ табакъ изъ толстаго черешневаго чубука, съ янтарнымъ дорогимъ мунштукомъ. Самъ Борисъ

Digitized by Google

Алексѣевичъ сидѣлъ въ спокойныхъ вольтеровскихъ креслахъ. Онъ былъ человѣкъ уже слишкомъ пятидесяти лѣтъ, изъ себя былъ нетолько полонъ, но просто—толстъ. Остатки темнорусыхъ, довольно посѣдевшихъ волосъ, окружали большую лысину на головѣ. Но, и лице Бориса Алексѣевича, и лице Лизаветы Платоновны были полны выраженія довольства и семейнаго счастія. У окна сидѣли второй женатый сынъ Бориса Алексѣевича и зять. Оба эти молодые мущины служили въ статской службѣ и занимали видныя мѣста въ ней. Двое внучковъ и три крошки внучки, всѣ прехорошенькіе малютки, дѣти сыновей и дочери Бориса Алексѣевича,—играли подъ присмотромъ няньки въ гостиной и залѣ. Они довольно часто вбѣгали въ диванную, чтобы пролепетать что нибудь отцу съ матерью или дѣдушкѣ съ бабушкою, а чаще всего любимой своей тетенькѣ, разливающей чай. Вполнѣ Божіе благословеніе осѣняло это семейство: женщины и дѣвицы отличались всѣ красотою и молодостью; мущины были также молодые и всѣ прекрасные люди, приносящіе трудами своими пользу отечеству или приготовляющіеся для вступленія на поприще полезныхъ трудовъ. Примѣрное согласіе отличало всю эту многочисленную семью. Борисъ Алексѣевичъ былъ уже въ большомъ чинѣ, и ежели бы онъ былъ одѣтъ не въ спокойное, домашнее пальто, а въ мундиръ, то вы бы увидѣли много значительныхъ орденовъ на немъ. Несмотря на свои лѣта, онъ продолжалъ ревностно трудиться на поприщѣ статской службы и былъ одинъ изъ добродѣтельнѣйшихъ людей.

— Чтожъ, Николинька, еще не приносили Москвитянина? спросилъ Борисъ Алексѣевичъ, сына своего — студента, понюхавъ табаку изъ золотой табакерки.

— Я сей-часъ узнаю: я, какъ вы только приказали, тотчасъ послалъ за нимъ, отвѣчалъ студентъ, и прервавъ разговоръ свой съ невѣсткою, вышелъ изъ диванной.

— Вы послали за послѣднимъ нумеромъ? спросилъ зять.

Digitized by Google

— Да, за нимъ, отвѣчалъ Борисъ Алексѣевичъ.

— Очень хвалютъ повѣсть въ немъ: *Тюфякъ*, новаго сочинителя Писемскаго.

— Я для нее-то и спрашиваю Москвитянина, отвѣчалъ Борисъ Алексѣевичъ. — Мнѣ давича говорили, что всѣ хвалятъ эту повѣсть; а кто мнѣ говорилъ, самъ еще нечиталъ ее и незнаетъ, въ чемъ заключается она. Мнѣ очень любопытно прочитать ее.

Въ это время послышались шаги въ гостиной, и въ диванную вошелъ толстый, средняго роста, сорокалѣтній мущина, въ черномъ фракѣ. Это былъ нѣкогда Сашенька, а теперь Александръ Платоновичъ, братъ Лизаветы Платоновны. Онъ служилъ также въ статской службѣ.

Посыпались родственныя привѣтствія и разспросы о женѣ веселаго Александра Платоновича, а Борисъ Алексѣевичъ съ Лизаветою Платоновною спросили его о здоровьѣ стариковъ своихъ, Платона Ивановича и Варвары Семеновны.

Александръ Платоновичъ отвѣчалъ, что здоровы, и жена его, и старики, и сѣлъ на диванъ подлѣ сестры. Въ эту минуту возвратился сынъ — студентъ, съ послѣднимъ нумеромъ Журнала Москвитянинъ. Борисъ Алексѣевичъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшій эту книжку, взялъ ее въ руки, слегка перелистовалъ повѣсть Тюфякъ, и потомъ спросилъ:

— Ты напился чаю, Николинька?

— Больше нехочу, отвѣчалъ сынъ студентъ.

— Такъ прочти намъ вслухъ Тюфякъ, сказалъ Борисъ Алексѣевичъ: мы всѣ послушаемъ.

Сынъ—студентъ, сѣлъ къ маленькому столику, стоящему подлѣ креселъ отца и началъ читать вслухъ. Борисъ Алексѣевичъ сталъ внимательно слушать эту повѣсть. Нельзя того же сказать про другихъ членовъ семьи его: большая часть изъ нихъ пили чай и не громко разговаривали между собою. Но Борисъ Алексѣевичъ не обращалъ на это вниманія. Другіе члены семьи его, которые слушали повѣсть, дѣлали по-

Digitized by Google

временамъ вслухъ замѣчанія на нѣкоторыя мѣста повѣсти.

Уже чай былъ совсѣмъ отпитъ, когда студентъ заключилъ чтеніе повѣсти словами: «окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.» — Борисъ Алексѣевичъ, сначала столь внимательно слушавшій повѣсть, по мѣрѣ чтенія ея, все съ меньшимъ и меньшимъ вниманіемъ продолжалъ слушать ее. Когда сынъ окончилъ чтеніе повѣсти и пошли похвалы ей, то и Борисъ Алексѣевичъ проговорилъ: — «Прекрасная повѣсть.» Между тѣмъ онъ думалъ: «Это человѣкъ названъ по характеру своему тюфякомъ, а я думалъ ужъ не обо мнѣ ли написана эта повѣсть. Но правда, какъ написать: кромѣ меня никто незнаетъ на свѣтѣ случившагося со мною.

Въ это время въ диванную вбѣжали всѣ внуки и внучки. Двое изъ нихъ вскочили на колѣни къ дѣдушкѣ и стали обнимать его ручонками изъ всѣхъ силенокъ и цаловать. Борисъ Алексѣевичъ, лаская и цалуя внучатъ своихъ, сталъ смотрѣть на жену ласкающую другихъ внучатъ. И среди теперешняго своего богатства и счастія въ кругу большой семьи своей, Борисъ Алексѣевичъ, чрезъ названія прочитанной повѣсти, живо вспомнилъ свое былое. Вспомнилъ онъ тотъ роковой вечеръ, когда простясь навѣчно съ своей милой Лизанькою, и проплакавъ всю дорогу, онъ пришелъ домой, терзаемый душевными муками; отказалъ въ полтинникѣ дочери кормилицыной и заперся въ потьмахъ въ своей каморкѣ. Разсудокъ его отъ горя точно мѣшался. Онъ нераздѣваясь бросился въ платьѣ на постель свою. Плача, шепталъ онъ тогда: «Лизанька, мой ангелъ, Лизанька, какъ любишь ты меня! Зачѣмъ же я не богатъ. Господи! научи меня, какъ бы мнѣ разбогатѣть вдругъ, сейчасъ же. Я радъ лѣзть въ море, въ огонь за богатствомъ. Но, нѣтъ, хоть умри, а не разбогатѣешь; хоть изломай всю голову придумывая, какъ вдругъ разбогатѣть, а не придумаешь ничего. Этакія дѣла неслучаются на свѣтѣ. Онъ терялся въ страшныхъ душевныхъ мукахъ отъ своего безвыходнаго горя; ударялъ ногами о кровать, и стоналъ и охалъ.» Зачѣмъ я узналъ Лизаньку, сталъ

Digitized by Google

думать онъ тогда: — зачѣмъ узналъ ее, ежели мнѣ нельзя жениться на ней. Всему виною,—что я вытащилъ нищую изъ огня. Мнѣ было жалко ее, а это сгубило всю жизнь мою. И тебя съ нею вытащилъ я изъ огня тюфячишка!» вскричалъ отчаянно, почти вслухъ, несчастный влюбленный: — вы, вы причиною моего несчастія, продолжалъ онъ колотя тюфякъ рукою. «А она еще отказала тебя мнѣ въ наслѣдство, вмѣстѣ съ ея нищенскимъ счастіемъ. И я дуракъ взялъ тебя. Сжечь тебя надо, изорвать въ клочки тебя надо: вы погубили меня,—безъ васъ я не зналъ бы Лизаньки!» И какъ бы въ припадкѣ отчаяннаго безумія, онъ вскочилъ съ постели, сбросилъ на полъ одѣяло и простыню съ подушкою и вцѣпившись обѣими руками въ ветхую затрапезу тюфяка, рванулъ ее.—Она мгновенно изорвалась подъ руками его. Какъ безумный, онъ изорвалъ въ сердцахъ всю верхнюю затрапезу тюфяка на нѣсколько клочковъ, истеребилъ мочальную набивку его и сбросилъ тюфякъ съ кровати въ уголъ, проговоря отчаяннымъ шепотомъ: «завтра же въ печь тебя: мнѣ не уснуть теперь на тебѣ, — ты будешь жечь меня, напоминая мнѣ Лизаньку; не сонъ, а мука будетъ мнѣ спать на тебѣ теперь. — Лизанька, Лизанька, и ты и я, оба мы несчастны. Зачѣмъ насъ свела судьба. Господи! спаси меня! я кажется лишаюсь разсудка, воскликнулъ онъ, упавъ въ темнотѣ на колѣни предъ Иконою — благословеніемъ родителей его. Разсудокъ его былъ точно смѣшанъ: «Да будетъ воля Твоя! твердилъ онъ, несчастный, обливаясь слезами и кладя земные поклоны: «Я вѣрно достоинъ за грѣхи мои такого наказанія. Господи! я рабъ Твой грѣшный: да будетъ на мнѣ Святая воля Твоя! Часа два молился онъ тогда въ потьмахъ. Стали ударять въ приходской церкви къ заутрени, когда онъ всталъ, перекрестилъ голую кровать свою и повалился на затрещавшія доски. Онъ все забылъ въ то время и заснулъ крѣпко, какъ убитый.

Не смотря на то, что онъ спалъ на голыхъ доскахъ, однако онъ проснулся поутру не рано. Глаза у него были заплаканы: онъ видѣлъ къ утру во снѣ, что Ли-

Digitized by Google

занька уже замужемъ и сдѣлалась еще прелестнѣе, чѣмъ была въ дѣвушкахъ. Когда проснулся, вся горесть утраты Лизаньки уже наполняла душу его; но сонъ подкрѣпилъ его силы. Онъ всталъ, посмотрѣлъ вокругъ себя и вспомнилъ, какъ легъ спать.» Невозвратится вчерашнему дню, такъ и Лизанькѣ не быть моею женою, подумалъ онъ несчастный. Зачѣмъ мнѣ судила судьба въ молодыхъ лѣтахъ моихъ быть бѣднымъ? Когда обвѣнчаютъ милую Лизаньку, я нестану и стараться разбогатѣть: на что мнѣ тогда будетъ богатство. Не былъ я богатъ въ то время, когда могъ бы сдѣлаться чрезъ богатство счастливѣйшимъ человѣкомъ, а потомъ за чѣмъ оно мнѣ? Только что стану больше терзаться по Лизанькѣ, когда богатство разольется вокругъ меня.—Прощай ангелъ Лизанька, какъ не достать рукою мѣсяца, такъ мнѣ не разбогатѣть до свадьбы твоей. Господи! Господи! мнѣ еще тяжелѣ потерять ее теперь, когда я вчера узналъ отъ нее, что она меня страстно любитъ. За чѣмъ я вчера ходилъ прощаться съ ней.» — Говоря все это про себя, онъ машинально устремилъ взоръ въ уголъ на изорванный и растрепанный тюфякъ. Смотря на него, онъ подумалъ: — Ты съ твоею хозяйкою причиною моего несчастія; но мнѣ жалко растаться съ тобою, тюфякъ: съ тобою связано воспоминаніе о моей незабвенной Лизанькѣ. Ты будешь напоминать мнѣ ее; съ тобой я не растанусь до гроба и на тебѣ окончу горестную, одинокую жизнь мою. Какъ я истрепалъ тебя вчера; но нужды нѣтъ, я велю поправить тебя. Ступай опять на свое мѣсто: ты мнѣ милъ, дорогъ тюфякъ.» Говоря это про себя, онъ подошелъ къ тюфяку, поднялъ его съ полу и сталъ взбивать и ровнять старую мочальную набивку. Вдругъ руки его, запущенныя во внутренность набивки, почувствовали среди мочалы большой лоскутъ холстины. Онъ подсунулъ подъ нее пальцы и почувствовалъ, что она сложена вдвое и между нее что-то есть. Болѣе машинально, чѣмъ изъ любопытства, вытащилъ онъ холстину и увидѣлъ, что это тонко сложенный, продолговатый мѣшочекъ, въ большую осьмушку листа, тща-

Digitized by Google

тельно зашитый.— «Тутъ хруститъ бумага, подумалъ онъ, и взявъ со столика перочинный ножечекъ, распоролъ мѣшочекъ. Онъ не ошибся: въ мѣшочкѣ, точно что-то было завернутое въ старую бумагу. Онъ развернулъ ее; но увидѣлъ въ ней другую сложенную бумагу, перевязанную крестъ на крестъ, почернѣвшимъ шнуркомъ. Когда онъ развязавъ шнурокъ, развернулъ бумагу, то увидѣлъ небольшую пачку перегнутыхъ вдвое бумагъ. Онъ развернулъ ихъ, весь затресься, и протеръ одною рукою глаза: — въ другой рукѣ у него были *ломбардные билеты!* Впиваясь въ нихъ взорами, онъ началъ трепещущими руками перелистывать пачку — и едва могъ устоять на ногахъ, отъ внезапной радости. Въ рукахъ его были четыри пожелтѣлые билета на имя неизвѣстнаго, по пяти тысячъ рублей ассигнаціями, положенные лѣтъ за тридцать предъ тѣмъ; потомъ еще пять билетовъ по двѣ тысячи рублей, положенные въ одно время съ первыми и также на имя неизвѣстнаго. Какъ будто черный покровъ слетѣлъ со всего міра Божьяго въ глазахъ его счастливца. — Мнѣ отказала этотъ тюфякъ эта удивительная нищая-богачка Аксиньюшка! Мои значитъ и билеты эти! воскликнулъ онъ про себя, какъ будто воскресшій къ радостямъ изъ могилы. Онъ бросился, растрепалъ, пересмотрѣлъ всю мочалку тюфяка и нашелъ въ ней еще два подобныхъ мѣшочька. Въ нихъ было билетовъ съ двадцать: рублей по двѣсти и по триста ассигнаціями, а пять по пяти-сотъ. Всѣ эти билеты были также на имя неизвѣстнаго и положены въ разное время въ продолженіи сорока лѣтъ.

«Тому, съ кѣмъ неслучалось великаго перехода отъ безвыходной, ужастной, душевной горести къ неожиданной, внезапной радости, кто изъ праха не возносился, какъ говорится, превыше небесъ, тотъ не можетъ и вообразить себѣ моего тогдашняго положенія, думалъ теперь въ кругу счастливой семьи своей пятидесятилѣтній Борисъ Алексѣевичъ, воспоминая ту минуту. «Каждая жилка моя трепетала тогда отъ восторга, каждая капля крови была полна восторгомъ; я едва не сошелъ съ ума отъ внезапнаго блаженства.

Digitized by Google

Недиво, что меня по началу приняли тогда за помѣшавшагося. Но вотъ живу слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, и неслыхалъ, чтобы кто въ первый день перехода отъ бѣдности къ богатству, сошелъ съ ума. Каждый такой счастливецъ въ первый день, я знаю, бываетъ, какъ говорится,—на седьмомъ небѣ блаженства, тѣмъ болѣе былъ я влюбленный.

Онъ вспомнилъ, какъ въ тотъ же день онъ ходилъ въ Ямскую разспросить объ жизни умершей Аксиньюшки. Тамъ отъ одной преклонныхъ лѣтъ старухи узналъ онъ, что Аксиньюшка начала ходить по міру съ дѣтства и возымѣла съ годами такую страсть собирать милостыню, что Аксиньюшку стали считать полоумною. Это выводили изъ того, что у ней былъ дядя, по тогдашнему времени довольно богатый купецъ, вышедшій изъ бѣдности, который значительно помогалъ ей и запрещалъ ходить по міру; но она не слушала его. Онъ нѣсколько разъ бралъ ее къ себѣ въ домъ, жить на всемъ готовомъ содержаніи. Однако она по скорости убѣгала отъ дяди и принималась опять собирать милостыню, а для ночлега нанимала себѣ черный уголочикъ. Аксиньюшка тряслась надъ всякою копѣйкою. Когда же дядя ея умеръ скоропостижно, лѣтъ за тридцать предъ ея смертью; то она получила отъ него въ наслѣдство много денегъ и года полтора не ходила по міру; но за то жила скупѣйшимъ образомъ. По прошествіи этого времени она стала говорить, что всѣ деньги полученныя ею въ наслѣдство отъ дяди она раздала въ займы и онѣ всѣ пропали на должникахъ, такъ что она осталась безъ копѣйки. Вслѣдствіе этого несчастія она опять принялась за милостыню и не оставляла этого до самой смерти своей.

Памятно было ему, какъ онъ получилъ на другой день изъ Опекунскаго Совѣта по большимъ билетамъ деньги и въ тотъ же день вечеромъ переѣхалъ изъ каморки отъ кормилицы во Французскую гостинницу, и началася другой образъ жизни его.

Пришло Борису Алексѣевичу на память и то, какъ утромъ въ день брака своего, служилъ онъ, какъ бы

Digitized by Google

на могилѣ своихъ родителей, панихиду по Аксиньюшкѣ на кладбищѣ, на ея общей могилѣ, — и благодарною слезою окропилъ онъ тогда могилу той, которая сдѣлала его счастливѣйшимъ человѣкомъ, отказавъ ему въ наслѣдство около полутораста тысячъ рублей ассигнаціями.

— Какая чудная воля Божія! подумалъ Борисъ Алексѣевичъ, вспомня былое свое: — другимъ людямъ оставляютъ наслѣдство родители или родные, а мнѣ оставила его чужая для меня старуха — нищая. Незная меня, она всю жизнь свою копила, берегла свои тысячи для меня. Она отказывала себѣ во всемъ для этого. Конечно ей было пріятнѣе всего въ жизни скапливать деньги. Это была страсть ея, подобная моей тогдашней страсти къ Лизанькѣ.—Какое странное предчувствіе есть въ нѣкоторыхъ людяхъ: одни изъ нихъ живя въ богатствѣ и ничего невидя, чтобы могло ихъ лишить его, предчувствуютъ, что внезапно сдѣлаются бѣдны. Другіе же, не имѣя никакого состоянія, предчувствуютъ, что вдругъ разбогатѣютъ, незная сами, откуда имъ придетъ это богатство. Я это послѣднее предчувствіе испыталъ на себѣ: какъ будто, кто нибудь мнѣ слегка, невнятно нашептывалъ, что вдалекѣ отъ меня, безъизвѣстная мнѣ нищая старуха копила всю жизнь свою богатство для меня!»

КОНЕЦЪ.

Digitized by Google

9 III

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Stockton, Calif.

Stanford University Libraries
3 6105 124 445 847

K7T5

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

Digitized by Google

Digitized by Google